
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГРАФИНИ

РОСТОПЧИНОЙ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ

РОМАНЪ

ГРАФИНИ

Е. П. Ростопчиной.

Санктпетербургъ.
Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.
1866.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 ноября 1865 года.

22 9 July 11

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

La femme .... toute la femme ....
rien que la femme.

Cependant cette âme était grande; elle voulait, elle devait: qu'a-t-elle fait?

(Obermann, par de Sénancourt.)

. . . . Горе
Всѣхъ одаренныхъ душою удѣлъ.

(Жуковскій, Ундина.)

Quelques-uns ne sont pas portés à écrire par un vague désir, mais par une destinée impérieuse. Ce feu est allumé, il doit se faire jour. Ces ailes sont empennées, l'oiseau doit quitter son nid.

(Ernest Maltravers, par E. L. Bulwer.)

Die Blüthen des Lebens sind nur Erscheinungen.

(Goethe, Leiden des Jungen Werther's.)

ПОСВЯЩЕНІЕ . . . .

«Dites-lui qu'elle fasse pour moi quelque chose de Schwärmerisch.»

Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота херувима,
Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудливость Никсы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость сильфиды, измѣнчивость струйки,
Словомъ, она была несравненнымъ, мучительно-милымъ,
Чуднымъ созданьемъ!

(Ундина.)

As fair in form, as warm yet pure in heart,
Love's image upon earth, without his wing . . . .
Ro such as see thee, not, my words were weak,
Ro those who gaze on thee, what language could they speak?

(Byron.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.....

Когда хочу мечтать о чемъ-нибудь небесномъ,
И свѣтлой думою всю душу освѣжить;
Когда я въ образѣ воздушномъ и прелестномъ
Высокій идеалъ хочу осуществить;
Когда невинное, чистѣйшее, младое
Приходитъ мнѣ на умъ, и, имъ озарена,
Привѣтствую свое видѣнье дорогое .....
Кто мнѣ является ..... кто, если не она?

Когда хочу смотрѣть на женщину земную,
На стройный образецъ цвѣтущей красоты,
Поэзію роскошную, живую,
Средь прозы пошлыхъ лицъ и чинной суеты;
Когда на праздникахъ, подъ шумъ аккордовъ бальныхъ,
Мила, рѣзва, пылка, межъ всѣхъ блеститъ одна,
Какъ лучъ дневной межъ звѣздъ, какъ перлъ средь бусъ кристальныхъ:
Кто-жъ та волшебница ..... кто если не она?

Когда хочу любить душою умиленной
Другую душу я, въ которой бы кипѣлъ
Всѣхъ чувствъ возвышенныхъ родникъ благо-
словенный
И зрѣлой волею пылъ юности-бъ горѣлъ,
Когда въ раздумья часъ, я мыслю и желаю,
Чтобъ сердцу женскому понятна и внятна
Была-бы мысль моя: кого я призываю,
Кто-жъ сердце то, душа..... кто, если не она?

Село Анна, январь 1839 г.

ГЛАВА I.

ПИСЬМО ЗИНАИДЫ

КЪ ЕЯ БЫВШЕЙ НАСТАВНИЦѢ.

J'ai quitté la maison que j'aime, où je trouvais
Dans les moindres objets une douce habitude;
La maison, où j'avais
Mes amis, leur présence, leurs regards, leur sourire;
Où j'assemblais souvent à l'intime foyer
Des coeurs pour m'aimer, des voix pour me le dire,
Des bras pour m'appuyer.

(M-me Anaïs Ségalas.)

My native shore, adieu, adieu! . . .

(Childe Harold.)

На пути изъ Крыма въ Петербургъ,
24 августа 18....

Разстались мы .... о другъ мой незабвенный!
Простились мы .... на много длинныхъ дней ....
На много лѣтъ! .... И кто теперь мнѣ скажетъ,
Когда и гдѣ увижусь съ вами я, —
Когда и гдѣ мы сблизимся опять? ....

И какъ внезапно, другъ, какъ скоро все сбы-
лось! ....
Разлуки страшной вѣсть .... напутное про-
щанье ....
Отъѣздъ .... все какъ во снѣ, въ чаду, свер-
шилось съ нами.
Я къ мысли горестной привыкнуть не успѣла,
На будущность взглянуть я не рѣшилась, —
Какъ вдругъ все прошлое обрушилось за мной;

Какъ вдругъ преградная, урочная черта
Меня, мою судьбу на вѣки отдѣлила
Отъ васъ, моихъ друзей, — отъ мѣстъ, люби-
мыхъ мною,
Гдѣ все знакомое должна оставить я.
И вдоволь нѐ дали въ послѣднія минуты
Налюбоваться мнѣ моимъ родимымъ краемъ,
Взглянуть на дивный Крымъ, на красоту его!
И вдоволь нѐ дали мнѣ съ избранными сердца
Доплакать, дострадать ужаснаго прости,
Межъ ними до́-сыта душѣ наговориться,
Поболѣй накопить святыхъ воспоминаній! . . . .
Я чувствую, — меня не только отлучили,
Меня отъ всѣхъ моихъ съумѣли оторвать.

Теперь мы ѣдемъ, другъ, всё ѣдемъ, ... и
что̀ далѣй,
То все скучнѣе мнѣ. — Все, что̀ вокругъ меня
Встрѣчаетъ грустный взоръ, мнѣ кажется бѣднѣе,
Однообразнѣе того, что̀ за собой
Оставить суждено. Сама природа здѣсь
Безжизненна, пуста и саваномъ ковыльнымъ
Степь безпредѣльную угрюмо облекла.
Что̀ можетъ быть грустнѣй степи далекой?
Она, какъ будущность безъ цѣли и надежды,
Лишь о ничтожествѣ твердитъ воображенью . . . .
А города . . . . иль тотъ хаосъ жилищъ не-
стройныхъ,

Что такъ у насъ зовутъ? — Въ ихъ тѣснотѣ
мѣщанской
Все жизнью будничной, убогой, мелочной
Живетъ и движется; все грязно, некрасиво,
Старо̀ безъ древности, обновлено безъ вкуса;
Всѣ улицы пусты, — и кажется, надъ ними
Просонье вѣчное всечасно тяготѣетъ.

Дорогой, я одна смотрю и наблюдаю,
А спутницы мои инымъ всѣ заняты.
Сестрамъ мерещится далекій Петербургъ,
И новая судьба, и новый образъ жизни;
Онѣ догадками стараются понять,
Какой пріемъ ихъ ждетъ въ роднѣ, имъ
незнакомой;
И мнѣ смѣшно, когда ихъ дѣтскія мечты
Подарковъ и обновъ себѣ на новосельѣ
Сулятъ несмѣтный міръ, — какъ въ чаро-
дѣйскихъ сказкахъ;
А присланная къ намъ напутница, чтобъ
насъ
Заранѣй пріучить и приготовить къ жизни,
И новой и чужой, чтобъ чинно насъ ввести
Въ богатый свѣтскій домъ, *Madame Dupré*, —
она,
По волѣ жребія, нашъ кормчій и вожатый,
Болонкой занята, блаженна табакеркой,. . . .

Забыла, кажется, про насъ совсѣмъ. Въ углу
Качаемой слегка упружистой кареты,
Она, подъ чепчикомъ морщины пріютивши,
Спитъ .... спитъ весь Божій день, — и ночью, ...
спитъ опять! ...
Когдажъ на станціяхъ обѣдъ ее разбудитъ,
Она, ужъ въ сотый разъ, разсказываетъ намъ,
Какъ русскія войска при ней въ Парижъ входили ....
Какъ видѣла она смотры Наполеона ....
Да Римскаго Царя въ пеленкахъ и вѣнцѣ ....

Мнѣ душно въ этой медленной каретѣ,
Мнѣ тажело въ тюрьмѣ на колесахъ,
Гдѣ одинока я, — а не одна!
Меня томитъ бездѣйствіе. Хоть цѣль
Далекаго пути меня пугаетъ,
Доѣхать рада бъ я, чтобъ кончить путь!

А вы, о милыя? что̀ сталось съ вами? ....
Кузина, ... тетушка, ... и вы миссъ Сара,
Мой лучшій другъ! — Вамъ пусто-ли безъ насъ? ...
Меня вы часто-ль вздохомъ поминали,
Когда вечерняя бесѣда, безъ меня

Начавшись, безъ меня кончалась? ....
Или
Когда и за урокомъ, и за чаемъ,
И на прогулкахъ длинныхъ и веселыхъ
Недостаетъ вамъ бѣдной Зины вашей ....
Кто, кто изъ васъ заботится о ней? ....

Ахъ! если правда то, что одолѣвъ разлуку,
Отъ сердца къ сердцу вѣсть желанная приходитъ,
Что на призывъ души родная ей душа
Издалека должна откликнуться, какъ эхо,
И думой нѣжною на думу отвѣчать,
То ежечасно, другъ, у васъ рѣчь обо мнѣ
Ведется ласково и грустно, и призывно ....
И голосъ внутренній вамъ шепчетъ безпрестанно,
Чтобъ вы изгнанницу свою не забывали ....
Скажите, Сара, мнѣ, ошиблась я, иль нѣтъ? ....
Скажите: точно ли любовью за любовь,
За слезы памятью мнѣ платится межъ вами?

Готовы лошади .... карета подана ....
Всѣ ждутъ меня, зовуть, всѣ мой приходъ торопятъ;

Прощайте! — Напишу, лишь только мы доѣдемъ,
И вѣрно разскажу, по дорогой привычкѣ,
Все, что̀ глаза мои увидятъ, что̀ душа
Вдали задумаетъ. почувствуетъ, узнаетъ . . . .

ГЛАВА II.

НАЧАЛО ЗАПИСОКЪ:

СЕМЕЙСТВО СТОЛБИНЫХЪ.

Pauvre enfant! que d'ennuis ton jeune âge a souf-
ferts! . . . .

(Napoline, par Delphine Gay.)

L'imagination est riche, abondante, merveilleuse; l'existence est pauvre, sèche, désenchantée; on habite avec un coeur plein un monde vide, — et l'on est désabusé sans avoir joui de rien. Il reste des désirs, — et l'on n'a plus d'illusions.

(Valérie, par M-me de Krudener.)

Здѣсь лаской жаркаго привѣта
Душа младая не согрѣта;
Не нахожу я здѣсь въ очахъ
Огня, зажженнаго въ нихъ чувствомъ,
И слово, сжатое искусствомъ,
Невольно мретъ въ моихъ устахъ.

(Д. Веневитиновъ.)

I.

Петербургъ, 3 Сентября 18....

Мы здѣсь! .... Я видѣла хваленую столицу,
Громаду пышную большихъ, высокихъ зданій....
Но гдѣ-же солнца свѣтъ? .... Но гдѣ-жъ лазурь небесъ? ...
Гдѣ воздухъ для груди живительный и теплый? ....
Я вижу, есть гдѣ жить .... но чѣмъ и какъ дышать,
Когда недужное сжимаетъ ощущенье
Всѣ чувства бытія, все существо мое? ...

Не смѣю вымолвить неяснаго сужденья,
Неполныхъ мыслей; но, сдается мнѣ, здѣсь жизнь,
Здѣсь городъ не по мнѣ .... Богатая наружность;
Одушевленья нѣтъ! .... Всё чинно, всё блеститъ
Порядкомъ, стройностью, довольствомъ, просвѣщеньемъ;
Но это видъ для глазъ: къ нему легко привыкнуть,
Легко соскучиться безсмѣнной пестротой.

Потомъ? . . . . Гдѣ пища здѣсь для мысли одинокой,
Воображенію гдѣ мѣсто, гдѣ пріютъ? . . . .
Нѣтъ! . . . Здѣсь я не найду приволья дѣтскихъ дней,
Простора мирнаго семейной тихой жизни,
Среди полуденной плѣнительной природы.
Нѣтъ солнца жаркаго вседневно надо мной . . . .
Нѣтъ живописныхъ скалъ надъ берегомъ зубчатымъ,
Нѣтъ зеленѣющихъ, исвилистыхъ садовъ,
Ни лозъ віющихся, ни кущей кипарисныхъ . . . .
Нѣтъ моря Чернаго, со всей его красой,
Со всей его красой плѣнительной и дикой! . . . .

Я съ дѣтства взорами и сердцемъ пріучилась
Къ картинѣ, созданной самимъ Творцомъ на диво.
Теперь, на сѣверѣ суровомъ, безпривѣтномъ,
Въ мѣстахъ, устроенныхъ руками человѣка
И убранныхъ его мучительнымъ трудомъ,
Теперь я нахожу какой-то видъ темничный.
Хорошъ ихъ Петербургъ . . . . хорошъ, не для меня!

II.

Voici ma tante la Junchère;
Mon Cousin, le docteur en droit;
Voilà mon oncle le notaire,
La forte tête de l'endroit . . . .
Quel ensemble! quelles tournures!! . . . .
(Scribe.)

Петербургъ, 9 Сентября 18 . . .

Не думайте, чтобъ я забыла обѣщанье,
Вамъ данное, друзья далекіе мои:
Нѣтъ, я ждала, чтобъ мнѣ пристрастно и поспѣшно
Предубѣжденіемъ сужденья не затмить . . . .
Въ себѣ самой, въ своихъ невольныхъ впечатлѣньяхъ
Я сомнѣвалася . . . . хотѣла дать остыть
Порыву грустному напуганной души.
Всё ясно вкругъ себя, и описать могу
Хозяевъ, жителей, и бытъ вседневный дома,
Гдѣ вѣрно никогда не буду дома я.

Княгиня Столбина, — въ которой ожидала
Найти я знатную, блистательную даму,

Почтенный образецъ почтенной старины,
Одну изъ тѣхъ графинь, или маркизъ вельможныхъ,
Которыхъ мнѣ портретъ такъ нравился, бывало,
Въ запискахъ бывшаго французскаго двора,
Въ преданьяхъ прошлаго столѣтія, и даже
Въ разсказахъ лондонскихъ романовъ .... чтожъ? Она,
Княгиня Столбина, — сердитая старуха,
Надмѣнная, полна тщеславія, капризовъ ....
Ничто моимъ мечтамъ не отвѣчаетъ въ ней ....
Ни тѣни барскаго величія, ни крошки
Блестящей ловкости, познанія, ума ....
Бранится съ поваромъ, на горничныхъ кричитъ,
И даже, иногда, сіятельной рукою ....
Весь домъ предъ ней дрожитъ. Въ присутствіи ея
Спѣшатъ ей угождать, но за глаза, прислуга,
Нахлѣбники ея, и даже сами дѣти,
Всё выражается о ней безъ уваженья
И безъ любви .... Въ ней смѣсь понятій и причудъ
Разладныхъ: и горда она неимовѣрно,
И раболѣпствуетъ ужасно иногда.
Богатство, знатность, чинъ, въ большомъ у ней почетѣ,
Имъ всё прощается, и всё прекрасно въ нихъ;
За то, — бѣда тому, кто въ свѣтѣ безъ значенья,
Кто удовольствіямъ ея, иль тайнымъ видамъ
Не можетъ послужить! Тому пощады нѣтъ!

Пренебреженіе, насмѣшки, пересуды, —
Вотъ чѣмъ здѣсь платится знакомымъ и роднымъ!
Я рѣчи отъ нея разумной не слыхала;
Внѣ Петербурга — міръ ей чуждъ и незнакомъ,
И разговоры съ ней основаны на толкахъ,
На слухахъ городскихъ. Какъ бабушка, она
Сестеръ моихъ принять хотѣла благосклонно,
И ихъ нарядами усердно занялась;
Прическу имъ къ лицу велѣла подобрать;
Ихъ въ положенный часъ впускаетъ въ будуаръ свой,
Въ каретѣ посмотрѣть на городъ посылаетъ;
Зоветъ, чтобъ показать знакомымъ и роднымъ,
Ихъ имена, лѣта всѣмъ объявляетъ чинно.
Но каждый разъ, за то, и каждому особо
Твердитъ, издалека кивая на меня:
«А это, вотъ, у насъ чужая; князь Василій,
«Мой старшій сынъ, женатъ былъ на вдовѣ, и дочь
«Взялъ за вдовою въ домъ; конечно, по рожденью,
«Она ужъ не чета меньшимъ сестрамъ; за ней
«Ни гроша, ни души; но видите, она
«Собою не дурна, воспитана прекрасно,
«По милости его, Василія; и съ рукъ
«Мы сбыть её легко надѣемся, пристроивъ ....
«И гдѣ-жъ, какъ не у насъ, найдти ей жениха?....»

Чтò чувствую тогда .... чтò душу мнѣ тѣснитъ....
Чтò пламенемъ стыда и гнѣва жжетъ чело, —

Я выразить въ словахъ вамъ не умѣю! . . . .
Только
Ушла-бы я скорѣй, укрылась, улетѣла,
Когда-бы съ крыльями имѣла волю я!

Вы знаете, о Сара, я привыкла
И къ людямъ и къ понятьямъ не такимъ . . . .
Вы знаете, я участью иною
Взлелѣяна! — У матери родной
Мнѣ было хорошо, подъ нѣжнымъ взоромъ,
И нѣжною заботою ея.
Всѣхъ трехъ равно она любила насъ,
Всѣхъ трехъ равно ласкала, берегла;
Какъ дѣти, сестры въ домѣ лишь считались
Прекрасными игрушками, а я
Ужъ другомъ и хозяйкою. — Потомъ,
Когда несчастіе постигло насъ,
Когда её утратили мы рано,
Хранящую насъ мать, и вдовый кровъ
Стерегъ унылый князь, — я для него
Возлюбленной жены была залогомъ,
И въ память ей, меня онъ полюбилъ,
Мной дорожилъ, какъ дочерьми своими.
Не чувствовала я, что я чужая
И сирота . . . . Не знала я, что въ свѣтѣ
Я менѣе сестеръ, что гербъ и деньги
Имъ предпочтеніе даютъ . . . . И вотъ,
Въ Германію, къ посольству, князь уѣхалъ,
И къ тетушкѣ, къ двоюродной сестрѣ

Покойной матери, насъ отвезли . . . . .
И тамъ, межъ ней и васъ, въ уютномъ,
тихомъ,
Блаженномъ уголку, года мои,
Какъ волны въ ясный день, какъ сны
младенца,
Какъ ночи майскія, текли, смѣнялись
Отрадно, весело, свѣтло, свободно . . . . .
Всё улыбалось мнѣ, и я всему!
Душа моя и умъ мой развивались
Межъ душъ сочувственныхъ; науки даръ,
И мысли міръ, и жизни откровенье,
Я всё слегка отъ дружбы приняла;
Я всё постигнула, узнала сердцемъ.
Вся жизнь моя была размѣномъ сладкимъ
Чувствъ искреннихъ и нѣжныхъ. — Вы
меня
Кузинѣ и сестрамъ предпочитали:
Вы говорили, что мой пылкій нравъ,
И страстный умъ, и голова живая
Пугали васъ за будущность мою;
Заранѣе жалѣли вы о мнѣ,
И жалостью ко мнѣ вы привязались! . . . . .
Мы всѣ любили васъ, но понимала
Васъ истинно лишь я одна. Въ васъ
сердце,
Пройдя чрезъ зной житейскихъ бурь,
чрезъ холодъ
Земнаго опыта, еще осталось
Свѣжо и молодо; а я, напротивъ,

Тревожною душой, дрожащимъ сердцемъ
Опережала возрастъ и года.
И съ вами мы сошлись въ союзѣ дружбы!
Вы — воля, разумъ, мысль и созерцанье,
Я — вся восторженность, порывъ, влеченье, ...
Вся — ожиданье, на границѣ жизни
Невѣдомой, но смутно мной желанной,
Предчувствуемой мной въ волненьѣ тайномъ! ...
И если я впередъ рвалась .... мечтала
О будущемъ .... — вы, посмотрѣвъ назадъ,
Былаго мнѣ уроки открывали.
И мнѣ тепло, мнѣ любо съ вами было!
Домашніе, родные: всё кругомъ
Безъ пышности, вкушая жизнь простую,
Её со мной дѣлили. — Безъ разсчета,
Безъ притязанія на свѣтскій блескъ,
Мы были, не казались .... и межъ насъ,
Для искреннихъ бесѣдъ, радушныхъ встрѣчъ,
Закономъ не стучалъ часъ положенный! ....
Зачѣмъ-же здѣсь теперь я сиротой
Въ чужой семьѣ, холодной и спѣсивой? ....
Зачѣмъ-же мнѣ межъ ними оставаться
Когда душа и сердце рвутся къ вамъ? ....

«Но вѣрно не одна княгиня въ этомъ домѣ?»
Вы скажете, мой другъ: — «У ней есть дочь, семейство
«Моложе и добрѣй: — имъ можно, должно быть
«Пріятнѣй, ласковѣй съ гостями молодыми?
«Въ ихъ обществѣ, для васъ — полу-дѣтей, пришельцевъ
«Изъ міра тѣснаго другой семьи незнатной,
«И назидательно, и весело, и ново,
«Всё безъ сомнѣнія?» — Ахъ, Сара! . . . . нѣтъ, не такъ! . . . .
Другіе Столбины? . . . . Но съ ними во сто разъ
И хуже, и скучнѣй! . . . . Мой другъ, годамъ преклоннымъ
Уже простительны безчувствіе и сухость;
Но въ людяхъ молодыхъ они пугаютъ насъ,
И отвращеніемъ печальнымъ поражаютъ.
Но въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, жить только суетой,
Цѣнить лишь внѣшнее, лишь оболочку жизни,
Но свѣту подчинять понятія и волю,
И думать не душой, — однимъ умомъ холоднымъ, —
О! это значитъ быть отверженнымъ, неполнымъ
Созданіемъ Творца! . . . . Вѣдь это значитъ, другъ мой,
Въ повапленныхъ гробахъ скрывать сухія кости,
Таить и прикрывать ничтожество и тлѣнье
Всего духовнаго, подъ призракомъ нарряднымъ
Мертвящей пустоты! . . . . И таковы всѣ тѣ,
Кого я вблизь себя, вокругъ себя встрѣчаю! . . . .

Княжна Наталья, дочь всевластная княгини,
И полная по ней царица въ цѣломъ домѣ,
Была красавицей .... Ей нынче тридцать лѣтъ!
Блистала при дворѣ .... имѣла жениховъ,
Поклонниковъ ... теперь, и чтутъ и уважаютъ
Въ ней имя древнее, — въ ней любятъ свѣтскій умъ,
А болѣе еще, открытый домъ княгини, —
Но не влюбляются по-прежнему въ нее! ....
Не замужемъ она, какъ слышно, отъ того,
Что всё посланника ждала, или министра, —
А прочихъ жениховъ всѣхъ гордо браковала.
И вотъ, какъ говорятъ домашніе, лѣтъ съ пять,
Что ужъ не сватался никто къ княжнѣ упорной ....
Старообразіе довременно клеймитъ
Отцвѣтшее чело; червь злости потаенной
Грызетъ сухую грудь, а непокойный нравъ
Въ морщинахъ желтаго лица, въ улыбкѣ кислой
Искривленнаго рта отпечатлѣлся ....
Всё ненавистно ей, — ей всё противно,
Всё сердитъ безъ того сердитую княжну.
Она всегда въ хандрѣ, когда не при гостяхъ,
Всегда съ домашними и ссорится, и споритъ;
Съ гостями-жъ, при чужихъ, привѣтно сыплетъ фразы
Присутствующимъ, — но .... отсутствующимъ горе
За то! .... Съ завистливой досадою на женщинъ,
Съ насмѣшкой горькою на молодыхъ людей,

Съ жеманной колкостью на всѣхъ она взираетъ,
И всѣмъ старается вредить. Но какъ искусно,
И какъ хитрò! .... Она всегда начнетъ хвалою, —
Чтобы злословіемъ окончить невзначай!
Смѣшную сторону во всемъ она лишь видитъ, —
Прекраснаго — нигдѣ, ни въ чемъ! Она не вѣритъ
Ни правдѣ, — ни добру, — особенно-жъ, ни сердцу
И жизни внутренней его! .... Она смѣется
Надъ всѣмъ, чтò не дано, чтò недоступно ей,
И отрицаніемъ холоднымъ пепелитъ
Все, чтò ни есть въ другихъ высокаго, святаго,
Чтò душу радуетъ, чтò возвышаетъ мысль.
Въ вселенной ей одна знакома только проза, —
Она поэзіи не можетъ понимать! ....

При ней, — повѣрите-ль? — мнѣ холодно, мнѣ больно;
При ней я чувствую какой-то чудный страхъ,
Какъ будто-бы при зломъ, враждебномъ духѣ,
При мертвомъ выходцѣ невѣдомаго міра.

Князь Ѳедоръ, братъ княжны, степенный человѣкъ,
Степенныхъ лѣтъ, — уменъ, воспитанъ хорошо;
Но камеръ-герскій ключъ должность при дворѣ
Такъ заняли его, такъ завладѣли имъ,
Что не подумаетъ, что слова онъ не скажетъ
О чемъ-нибудь другомъ. Брильянтовыя серьги

Онъ сестрамъ подарилъ въ день нашего
пріѣзда, —
Мнѣ, — онъ букетъ цвѣтовъ роскошнѣйшихъ
прислалъ,
И всё! Съ тѣхъ поръ, его мы видимъ за столомъ,
То озабоченнымъ какой-то думой тайной,
То съ видомъ радостнымъ; но никогда на насъ
Не успѣваетъ онъ вниманья обратить ....
Потомъ, у матери онъ поцѣлуетъ руку,
И пропадетъ. Жена его, княгиня Софья,
Одна изъ щеголихъ, изъ самыхъ модныхъ дамъ,
Пригожей свѣжестью блистающая въ свѣтѣ,
И зависти княжны носящая за то
Ярмо тяжелое, — съ нимъ вмѣстѣ въ часъ обѣда
Къ свекрови явится, — зѣваетъ и молчитъ, —
И скроется тотчасъ, чтобъ вновь явиться,
Когда вечерній сборъ гостьми наполнитъ домъ....
У ней, на убранной богато половинѣ,
Особенный пріемъ бываетъ по утрамъ,
Для молодыхъ людей, для двухъ-трехъ женщинъ;
Въ театрѣ у нея есть ложи годовыя,
(Куда обязана она возить княжну!)
Въ простые вечера, ея нѣтъ дома! .... Съ ней
Знакома, до сихъ поръ, я по однимъ покло-
намъ, —
И право, кажется, во вѣкъ знакомство наше
Не сблизится тѣснѣй, и далѣй не пойдетъ ....
Ей, вѣрно, нѣкогда! .... а мнѣ, — мнѣ съ ней
неловко! ....
Что̀ общаго межъ бабочкой блестящей

И незамѣтнымъ мотылькомъ ночнымъ? . . . . .
Еще участвуютъ въ семейственной картинѣ
Двѣ дѣвушки, — почти ровесницы мои,
Графини Зуровы, племянницы княгини.
Но, Боже мой! хоть жизнь мы равными годами
Считаемъ, — между насъ что̀ общаго? . . . . Онѣ
Воспитаны въ чаду столичныхъ развлеченій,
Для свѣта моднаго назначены заранѣй,
Лишь свѣтомъ заняты; и твердо имъ знакомъ
Уставъ его заботъ, приличій и разсчетовъ.
Съ моей неловкостью, съ моимъ незнаньемъ свѣта,
Провинціалкой имъ кажусь я, ... я смѣшна имъ . . . .
Живыя, рѣзвыя, пригожія собой,
Въ нарядахъ дорогихъ, въ богатыхъ кружевахъ,
Онѣ, какъ знатоки, перебираютъ, судятъ,
Какъ дѣло важное, уборы модныхъ дамъ, —
Что̀ было на такой, что этой не къ лицу;
Всегда о выѣздахъ вчерашнихъ говорятъ,
Или готовятся къ забавамъ предстоящимъ . . . .
Имъ книги, музыка и живопись давно
Ужъ чужды; и у нихъ, со дня вступленья въ свѣтъ,
На вѣкъ покинуто, не нужно, позабыто
Все то, чему съ трудомъ ихъ много лѣтъ учили.
Мой разговоръ для нихъ и страненъ и докучливъ,
Когда, что̀ на умѣ, я вымолвлю подъ часъ:
А въ рѣчи ихъ и смѣхъ я рада-бы вмѣшаться,
Но не могу . . . . Я здѣсь не знаю никого,

И не могу судить, и не могу понять,
О чемъ и про кого толкуютъ близъ меня.

И вотъ, мой милый другъ, кѣмъ я окружена,
Съ кѣмъ мнѣ доводится дѣлить существованье....
Вы можете теперь, какъ въ зеркалѣ гадальномъ,
Изобразить себѣ семейные портреты
Гостиной Столбиныхъ. А скоро разскажу,
Какъ съ ними мы живемъ неполной этой жизнью,
Что ограничена гостиной лишь одной.

III.

On m'appelle ici l'étrangère,
C'est le nom de qui n'a point d'or.

(M-me Desbordes-Valmore.)

24 Сентября 18....

Почти подъ крышей дома, далеко
Отъ шума улицы, толпы столичной,
И близко къ облакамъ, всегда нависшимъ
Туманной, сизой тяжестью своей
На низкомъ небосклонѣ Петербурга, —
На высотѣ четвертаго этажа
Отведены намъ комнаты. Онѣ
Пространны и устроены покойно;
Но какъ-то въ нихъ мнѣ дико, неуютно;
А главное, я къ холоду и бурѣ
Привыкнуть не могу; а здѣсь всегда
И стужа на дворѣ, и буря свищетъ
Сквозь рамъ двойныхъ, на вольной вышинѣ
Надкровной пустоты. За то, однако,
У насъ свѣтлѣй, чѣмъ у самой княгини,
И можно изрѣдка на небѣ уловить
Иль лучъ дневной, иль звѣздъ ночныхъ сіянье....

Какъ старшая, особо отъ сестеръ
Помѣщена я, чтобъ мнѣ быть свободнѣй
И у себя. — Такъ сказано мнѣ было, —
Но камеръ-фрау княгини (тайнъ ея
И замысловъ наперсница), однажды
Проговорилась — и открыла намъ,
Что «молодыхъ княженъ» нельзя оставить,
Какъ прежде, наравнѣ теперь съ сестрой
Ихъ не-сіятельной .... Смѣшно мнѣ было, —
А сестрамъ и досадно, и не ловко .....
Я ихъ утѣшила, представя имъ,
Какъ знакъ родительской о нихъ заботы,
Старухи гордость мелкую. — Теперь,
Вотъ рѣчь о томъ, какъ время мы проводимъ.

Мы какъ въ Крыму, вставать привыкли рано;
Учители приходятъ; иногда
Madame Dupré, съ вязаньемъ, или книгой,
Заглянетъ къ намъ. Потомъ, мы всё однѣ,
Пока доложатъ намъ, что у княгини,
Вкругъ чайнаго стола, сошлися всѣ,
И что её теперь мы видѣть можемъ.
(А прежде двухъ часовъ она незрима!)
Приходимъ мы. Разсѣянною лаской
Привѣтствуютъ, сестеръ; разспросятъ ихъ,
Что̀ дѣлали, чѣмъ были заняты ....
Ведутъ рѣчь общую о новостяхъ,
О слухахъ городскихъ, о балахъ, съѣздахъ,
О хроникѣ соблазновъ, и слегка

О прихотяхъ уклончивой погоды . . . .
Чай конченъ. — Всѣ расходятся. Княгиня
Визиты отдавать поѣдетъ, или
Визитовъ ждетъ въ старинномъ будуарѣ;
Княжна съ графинями беретъ въ манежѣ
Уроки ѣзды верховой, иль пѣшкомъ
По Невскому отправится гулять,
А мы на верхъ идемъ. — Къ обѣду насъ
Въ простые дни опять зовутъ; но прежде
Переодѣться мы отъ головы
До ногъ должны, какъ и другія дамы.
Короткіе и родственники дома
Являются тогда попеременно.
Меня ни съ кѣмъ не думали знакомить, —
И такъ, свободная въ углу своемъ,
Гляжу на нихъ, какъ на бѣгущій рядъ
Каррикатуръ, или китайскихъ тѣней,
Безъ смысла для меня, и безотвѣтныхъ . . . .
Обѣдъ томительно здѣсь длится; послѣ
Княгиня въ карты, въ вистъ играть садится,
А прочіе бесѣдой заняты,
Въ которой мы участвовать не смѣемъ:
(Мы — дѣти, — вотъ и всё! . . . . Удѣлъ дѣтей —
Молчать, ... перенимая навыкъ свѣтскій! . . . .)
Но тутъ мы быть должны, пока княжна
Знакъ не подастъ желаемой свободы,
Уйдя сама. По вечерамъ, княгиня
Почти всегда бываетъ дома; гости
У ней степенные, чиновный кругъ,
Старушки, старички; они съ ней въ карты

Обречены играть до поздней ночи.
Всѣ прочіе разъѣдутся, а мы
Вверху, съ *madame Dupré*, или однѣ! . . . .
Въ недѣлю, два раза пріемный вечеръ
Бываетъ у княгини; но тогда,
Равно какъ въ случаѣ обѣдовъ званыхъ,
Сестрамъ не велѣно являться; ихъ
Лишь послѣ представленья важнымъ лицамъ,
Въ осьмнадцать лѣтъ, покажутъ только въ
свѣтъ.
Три года Надинькѣ осталось ждать! . . . .
Мнѣ предоставлено «быть» иль «не быть!»
Но мнѣ княжна однажды намекнула,
Что до зимы мнѣ лучше не казаться, —
И я совѣтъ исполнила охотно.
Еще бы, если балъ, прельститься можно;
Но вечера, гдѣ только говорятъ
Всё о пустомъ, о свѣтскомъ, о вседневномъ, —
Богъ съ ними! . . . . Лучше я наединѣ
Пишу, читаю . . . . думаю о Крымѣ . . . .
И крылья развязавъ мечтѣ своей,
Въ быломъ и въ будущемъ, въ просторѣ жизни,
На волю погулять ее пущу . . . .

И этимъ-то порядкомъ, столь тревожнымъ,
И столь разсѣяннымъ, въ безцѣльномъ шумѣ,
Для Столбиныхъ, и, говорятъ, для многихъ,
На нихъ похожихъ въ обществѣ, проходитъ

Весь годъ, ... вся жизнь .... И даже, между
ними
О радостяхъ домашнихъ и семейныхъ,
Объ умственныхъ занятіяхъ, — о чемъ-то
Полнѣе и возвышеннѣй, въ кругу
Немногихъ избранныхъ, своихъ по сердцу,
Понятіе съ преданьемъ истребилось!

IV.

Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу въ жизни — друга!

(Жуковскій.)

2 Октября 18....

Письмо отъ васъ, письмо отъ милой Лизы,
Отъ доброй тетушки .... отъ всѣхъ, отъ всѣхъ,
Кого люблю, и кѣмъ любима я,
Кого могу своими называть ....

Какъ описать, какъ высказать тѣ чувства,
Которыми полна душа моя,
Которыя во мнѣ вдругъ пробудили
Знакомыя любезныхъ начертанья? ....
Сначала, радостный восторгъ .... потомъ печаль ....
И наконецъ, живое умиленье
Меня проникнули, тревожно, сладко ....
Восторгъ, — о! потому что вѣсть о нихъ,
И съ ними разговоръ, хоть издалека,
Единая для сердца пища мнѣ,
Единая отрада скорбной жизни!

Печаль, — за тѣмъ, что видъ письма напомнилъ,
Какъ далеко до нихъ .... какъ невозможны
Свиданья радостный привѣтъ, живая рѣчь,
Довѣрія и ласкъ обмѣнъ счастливый ....
Но умиленіе во мнѣ проснулось,
Когда припомнила я въ мигъ волненья
Такъ много лѣтъ неизмѣнимой дружбы ....
Когда душѣ приснились благодарной
Заботы, попеченья, нѣжность ихъ,
Тѣхъ трехъ чистѣйшихъ женскихъ душъ, тѣхъ кроткихъ,
Доброжелательныхъ созданій! .... Ахъ!
Читать на этотъ мигъ я разучилась ....
Не разберу ни слова .... Предо мной
И буквъ и строкъ бѣжитъ неясный рядъ, —
Ни смысла, ни рѣчей не образуя ....
Глаза мои туманятся слезой ....
До устали, мятежно, сердце бьется ....
И кажется, такъ рада я теперь,
Такъ мнѣ легко, такъ весело, свободно,
Что цѣлый міръ привѣтствовала-бъ я
Довѣрчивымъ объятіемъ .... что даже
Лобзаньемъ встрѣтила-бъ я непритворнымъ
Саму ее — холодную княжну,
Хотя-бъ съ насмѣшкою неумолимой,
Безчувственна, предстала мнѣ она! ....

V.

ПОСЛѢ НѢСКОЛЬКИХЪ НЕДѢЛЬ МОЛЧАНІЯ.

Lunghi sono i momenti di dolore, e senza luce del sole rimangono sconosciute le ore.

(Le Notti Romane.)

16 Октября 18....

Хоть собиралась я въ запискахъ ежедневныхъ
Передавать друзьямъ всю жизнь мою сполна,
Но, право, эта жизнь того труда не стоитъ,
И нечего мнѣ имъ разсказывать о ней....
Вотъ почему прошло теперь такъ много дней,
На бѣлыхъ сихъ листахъ слѣда не оставляя.
Зачѣмъ возобновлять перомъ за часомъ часъ,
За мигомъ мигъ, мое нѣмое прозябанье?....
Въ однообразіи, безъ цѣли, безъ надежды,
Какъ заведенная пружиной тайной кукла,
Встаю, ложусь, иду, разсѣяннымъ отвѣтомъ
Разсѣянную рѣчь встрѣчаю безучастно, —
И только!.... Такъ зачѣмъ считать въ воспо-
минаньяхъ,

Зачѣмъ перебирать дней незавидныхъ цѣпь?....
Не жемчугомъ судьба ее перенизала, —
Слезами горькими! ...
Нѣтъ, — лучше къ Сарѣ я
Пошлю лишь бѣлые листы, — скажу, что можетъ
Воображеніемъ она наполнитъ ихъ,
И сердцемъ прочитать всѣ радости, всѣ блага,
Желаемыя ей на долю въ мірѣ мнѣ! ....

VI.

Les livres sont des amis qui valent
tous les autres . . . .

20 Ноября 18 . . . .

Сокровище открыто мной недавно
Въ покоѣ отдаленномъ, позабытомъ,
Гдѣ только я, да сонмъ мышей пугливыхъ
Встрѣчаемся въ потемкахъ и тайкомъ:
Здѣсь библіотека богатая. — Она
Давно составлена, полна старинныхъ,
И рѣдкихъ книгъ, на разныхъ языкахъ.
Исторія, науки, и записки
Съ поэзіей, съ романами сошлись,
И перемѣшаны на пыльныхъ полкахъ,
Къ которымъ ужъ давно не прикасалась
Рука хозяина, или рука
Разборчивыхъ охотниковъ до чтенья . . .
Покойный старый князь ученымъ слылъ,
Любилъ занятія и чтенье; онъ
Выписывалъ все то, что̀ по Европѣ
Являлось новаго? Потомъ, княгиня,

По принятой привычкѣ, продолжала
Выписывать и покупать, по слухамъ,
По объявленіямъ, такія книги,
Въ которыя, какъ видно, ни она,
Ни дѣти, или сродники ея
Заглядывать не думали, — за тѣмъ,
Что не разрѣзаны еще онѣ . . . .
На поясѣ старушки-экономки,
Съ ключами кладовыхъ и сундуковъ,
Гдѣ берегутъ весь грузъ съѣстныхъ запасовъ
И пышное приданое княжны,
Готовое издавна, я нашла
Завѣтный ключъ сей храмины пустынной,
И выманить его мнѣ удалось,
Моимъ вниманіемъ къ рѣчамъ, разсказамъ
Словоохотливой Матрены Львовны,
Привратницы безграматной, но вѣрной
Имущества ненужнаго господъ.

Съ тѣхъ поръ, въ судьбѣ моей, въ располо-
женьи
Произошла благая перемѣна;
Съ тѣхъ поръ есть цѣль однообразнымъ днямъ,
И если мнѣ въ гостиной слишкомъ скучно,
И если въ вистъ княгиня проигравшись,
На всё, на всѣхъ ворчитъ и смотритъ косо,
Иль колкостью княжна мнѣ досадитъ;
Я думаю, себѣ во утѣшенье,
Что скоро прозвучитъ блаженный часъ,
Что я урвусь изъ душныхъ штофныхъ комнатъ

Что я пойду въ безмолвный мой пріютъ,
И тамъ найду, чѣмъ умъ развеселить,
Чѣмъ врачевать уязвленное сердце . . . .
Въ бесѣдѣ книгъ живительныхъ найду
Достаточный замѣнъ людской бесѣды.

И вотъ, одна вдоль длинныхъ коридоровъ,
Отъ холода и страха замирая,
Боясь равно всѣхъ встрѣчъ съ недобрымъ гостемъ
Исъ странъ невѣдомыхъ, или съ живымъ,
Который недобрѣе . . . . я иду,
Заботливо рукою или платьемъ
Храня свѣчи прерывно-блѣдный лучъ . . . .
И вотъ достигла я жилья пустаго . . . .
Къ скрипѣвшему, заржавому замку
Ключъ подношу рукою боязливой . . . .
Открылась дверь . . . . Высокъ, широкъ и мраченъ
Одѣтый шкапами покой . . . . и эхо въ немъ
Такъ чутко, что мой шагъ, малѣйшій шорохъ,
Всё отдается съ звучностію странной
И страшной въ одичалой пустотѣ.
Всё дико, всё пугаетъ робкій слухъ . . . .
Порой, сквозь окна, тусклыя отъ пыли
И отъ годовъ, — луна мерцаетъ слабо,
Бросая прихотливо свѣтъ и тѣнь
На древніе статуи, бюсты, вазы,
Которые въ порядкѣ, по угламъ,
Въ простѣнкахъ, на высокихъ пьедесталахъ
Разставлены, — и, кажется мнѣ, дремлятъ,

Никѣмъ не окликаемые болѣ,
Забытые у поста часовые....
И фантастически блеснетъ во мракѣ
Ликъ бронзовый.... иль яркой бѣлизной
Одѣнется вдругъ мраморъ оживленный....
И снова всё теряется во мглѣ,
Пока пройду я мимо ихъ, и лучъ
Моей свѣчи не выманитъ ихъ снова
На видъ.... Здѣсь есть одинъ старинный бюстъ
Сенеки.... бронзовый, огромный, мрачный,
И прихоть-ли ваятеля ему,
Иль странность вкуса римскаго дала
Отличіе такое предъ другими,
Но у него глаза, какъ у живаго,
Съ зрачками черными, въ бѣлкахъ ужасныхъ,
Изъ пожелтѣлой кости вѣковой;
Глядитъ, глядитъ мудрецъ недвижнымъ взо-
ромъ....
Глядитъ онъ съ незапамятныхъ временъ,
И каждый разъ наводитъ дрожь и трепетъ
На бѣдную дѣвическую душу,
Когда предъ нимъ, иль близъ него украдкой
Приходится пройдти мнѣ. — Иногда
Мнѣ чудится, базальтовыя очи
Блеснули.... шевелятся.... и скорѣй
Перекрестясь, бѣгу я прочь.... чтобъ послѣ
Самой смѣяться надъ собой, надъ страхомъ
Ребяческимъ.... Но, впрочемъ, виновата
Не я одна! Матрена Львовна мнѣ
Разсказывала съ клятвой, что, бывало,

Когда князь библіотеку свою
Держалъ въ чести, открытою для всѣхъ,
По вечерамъ «старикъ тотъ пучеглазый»
Пугалъ людей, дѣтей .... что даже онъ
Въ ту ночь, что̀ старый князь скончался, точно
И достовѣрно, слѣзъ съ своей колонны,
И въ комнатѣ ходилъ, стуча сердито
Подножьемъ металлическимъ объ полъ ....
Конечно, глупой сказкѣ я не вѣрю,
Но впечатлѣніе отъ ней осталось
Невольно въ головѣ, и я Сенеку
Возненавидѣла за то съ тѣхъ поръ;
Къ тому-жъ, присматривать за мной онъ хочетъ, —
Сдается мнѣ: когда я по шкапамъ
Перебираю бѣглымъ, жаднымъ взоромъ
Заманчивыхъ заглавій искушенья;
Когда, рѣшившись наконецъ, ступени
Ходячей лѣстницы въ мгновенье
Перелечу, и радостной рукою
Возьму безцѣнный томъ, который мнѣ
Такъ много наслажденій обѣщаетъ:
Тогда, гдѣ-бъ ни была я, ни стояла, —
Все на меня, все на меня одну
Вперяетъ онъ свой неподвижный взглядъ,
И часто, задрожавъ, роняю книгу ....
Вы дома мнѣ романовъ не давали;
Смиренно признаюсь, что здѣсь, — гдѣ много
Прославленныхъ твореній мастерскихъ,
Гдѣ имена писателей великихъ

Прельщаютъ и манятъ умъ любопытный, —
Увлечена свободой безграничной
Я пользуюсь, это Элоизу я,
Аталу, Вертера, Валерію, Коринну
Уже вдохнуть успѣла .... что теперь
Дельфина, Оберманъ въ моихъ рукахъ;
А послѣ нихъ сбираюсь я Мальвину
Хоть пробѣжать, — чтобъ знать, зачѣмъ надъ нею
Такъ много нѣжныхъ слезъ сосѣдка наша,
Вдова майорша, вѣчно проливала,
Ее читая въ сто-десятый разъ? ....
Простите мнѣ мое непослушанье!
Подумайте, — я здѣсь одна душою
И мыслію .... скучаю цѣлый день.
Какъ устоять предъ мощнымъ искушеньемъ?
Какъ не предаться мнѣ съ восторгомъ, съ жаромъ
Разсказамъ пламеннымъ и жизни полнымъ?
Какъ не искать отраднаго забвенья
Дѣйствительности бѣдной и сухой,
Въ чудесномъ мірѣ вымысла и страсти? ....
Какъ не хотѣть пожить, хотя мечтою,
Потрепетать, почувствовать, поплакать,
Когда судьба въ насущной жизни мнѣ
Ничтожество одно лишь представляетъ?
Слыхала я, что будто-бы романы
Воображеніе и сердце намъ
Опасною отравой наполняютъ,
Мятежнымъ пламенемъ сжигаютъ ихъ ....

Но, Боже мой, — почти въ осьмнадцать лѣтъ,
Какая дѣвушка умомъ и сердцемъ
Романа тайнаго себѣ сама
Не создаетъ, — и въ скукѣ жизни праздной
Во снѣ и на яву не бредитъ имъ? . . . .

ГЛАВА III.

ПОЭЗІЯ ВЪ ГОСТИНОЙ.

J'avais besoin de bonheur; je ne pouvais le trouver que dans un grand développement de mes facultés.

(Mémoires de M-me Roland.)

Il semble qu'à mon être il manque une moitié,
Objet de saint amour ou de chaste amitié;
Que je marche à tâtons; que je suis en ce monde
Une voix, qui n'a pas d'écho qui lui réponde,
Un oeil, qui dans un oeil ne se réfléchit pas,
Un corps, qui ne répand point d'ombre sur ses pas.
Vivre ainsi — c'est languir, c'est attendre de vivre!

(Josselyn, Lamartine.)

Es dehnte mit allmächt'gem Streben
Die enge Brust ein kreisend All,
Herauszutreten in das Leben,
In That und Wort, in Bild und Schall.

(Schiller, die Ideale.)

I. *)

Tu lascerai ogni cosa diletta
Più caramente . . . .
Tu proverai siccome sa di sale
Lo pane altrui! . . . .

(Dante, Divina Commedia.)

Among them . . . . but not of them . . . .

(Byron.)

24 Ноября 18 . . . .

Какъ тяжело, какъ грустно сиротство
Въ дому чужомъ, подъ кровлей не своею!
Какъ жизнь суха, мертва и непривѣтна,

*) Здѣсь только отрывки и выдержки изъ дневника Зинаиды; разумѣется, что въ ея вседневной, однообразной жизни, лишенной вовсе событій и занимательности, ей рѣдко случалось написать что-нибудь, чѣмъ-бы характеризовалось внутреннее ея развитіе. А между тѣмъ, въ самомъ ея возрастѣ и родятся и роятся ежеминутно мысли, чувства, думы, желанія и надежды, которыя создаютъ дѣвушкѣ такую дивно-полную внутреннюю жизнь; что они ей кажутся событіями, и весьма важными, и потому никогда столько не пишется, не записывается и не переписывается всякаго вздора, какъ

Тамъ, гдѣ ее не грѣетъ пламень свѣтлый
Семейнаго, радушнаго огня! . . . .

Какъ одиночество безсвязное томитъ,
Когда больной душѣ и холодно, и пусто,
Когда ей не къ кому пристать, прося защиты,
Пріязни искренней! . . . . когда участья къ ней
Никто не чувствуетъ! . . . . когда она сама
Не можетъ ни на комъ излить избытокъ чувствъ,
Вотще такъ роскошно ее преисполнявшій! . . . .

И знать, и понимать, и оцѣнять
Все, все, что̀ юности въ удѣлъ дано,
Чего у насъ лишь нѣтъ, что̀ вѣчно будетъ
Недоставать безродному здѣсь сердцу,
Лишенному небеснаго наслѣдства —
Ласкъ матери, любви ея, покрова! . . . .
И знать, и понимать, и оцѣнять
Все то, что̀ самъ Творецъ уже не можетъ
Теперь отдать . . . . что̀ быть должно бы наше,
И никогда не возвратится намъ! . . . .
Идти себѣ тропою одинокой

въ это время душевнаго предразсвѣта. Но нельзя-же представить читателямъ всѣ фоліанты, составляющіе такой дневникъ, и потому должно было выбрать изъ него лишь только то, что принадлежитъ хоть немного къ ясности разсказа Зинаиды.

И не умѣть отъ терній защищаться,
И чувствовать безпомощность свою! . . . .
Безропотно смотрѣть, какъ ежедневно
Предъ матерьми проходятъ равнодушно
Ихъ дочери, балуемыя счастьемъ;
Какъ матерей священный поцѣлуй
Пріемлется на хладное чело
Съ безпечною улыбкой невниманья . . . .
И неумѣющимъ цѣнить свой жребій
Завидовать всѣмъ сердцемъ, всей душой . . . .
И на груди, волнуемой тоскою,
Сжимать крестомъ озябнувшія руки . . . .

И вотъ, вотъ мой удѣлъ! . . . .
О! страшно быть одной . . . . совсѣмъ одной на свѣтѣ! . . . .
Какъ-будто съ облаковъ упавшая, какъ вдругъ
Изъ глубины земли возставшая безъ корня,
Созданье слабое, опоры вкругъ себя
Не вижу я нигдѣ . . . . вотще ея ищу.
Скрутитъ-ли ураганъ? — изсушитъ-ли зной солнца?
Что людямъ до того! . . . . Кто жребій мой замѣтитъ?
Я одинока здѣсь и всюду, и всегда! . . . .
Теперь, тоской своей мнѣ не съ кѣмъ подѣлиться,
Но еслибъ радость мнѣ блеснула невзначай,
И ту, и ту дѣлить ни съ кѣмъ-бы не пришлось! . . . .

Хочу любить . . . . ношу въ ненужномъ сердцѣ
И преданность, и нѣжность, и готовность
Собою жертвовать для дорогихъ,
Для милыхъ мнѣ . . . . и благодарность,
Которая лишь о предлогѣ молитъ:
Но если оглянусь, — вокругъ меня
Все люди безъ участья . . . . все чужіе! . . . .
И много ихъ . . . . но друга не найдти
Межъ ними мнѣ! . . . . Но въ ихъ сердцахъ холодныхъ,
Въ разсѣянныхъ умахъ, мнѣ мѣста нѣтъ! . . . .

Быть можетъ сжалится надъ мною Провидѣнье . . . .
Быть можетъ, въ сумрачномъ грядущемъ бытія
Иная ждетъ меня судьба, и мнѣ готовитъ
Ту благодатную, ту высшую отраду,
Которая манитъ, волнуетъ и тревожитъ
Заранѣй сердце мнѣ, — любовь, жизнь жизни, — любовь, —
А съ ней и счастіе, — всѣхъ прочихъ благъ земныхъ
Дороже и полнѣй . . . . Быть можетъ, пустота
И сиротство души наполнятся однажды
Возлюбленнымъ и любящимъ созданьемъ,
Низпосланнымъ съ небесъ, безцѣннымъ братомъ,
Но всё-жъ грядущее не замѣнитъ былаго,
Но всё-же дѣтскіе года мои пропали,

Но всё-жъ мнѣ жизнь не всѣ свои разскажетъ
тайны! . . . .
Но ввѣкъ не дастся мнѣ извѣдать, испытать
Любовь чистѣйшую и первую любовь
Души младенческой къ душѣ ея родимой! . . . .
Но мать, но кровь родной, но жизнь подъ ихъ
защитой,
Но сладостная жизнь съ своими, у своихъ, —
Для меня останутся они
Несбыточной мечтой, напраснымъ сожалѣ-
ньемъ . . . .

II.

J'ai besoin de soleil pour ma vie et de culte pour mon âme.

(Césaire, Alexandre Guiraud.)

25 Декабря 18....

Нѣтъ, не ошиблась я, когда въ прiѣзда день
Какимъ-то холодомъ могильнымъ, непривѣтно,
Повѣялъ на меня блестящiй Петербургъ,
И я подумала, почувствовала вдругъ,
Что здѣсь не будетъ мнѣ отрадно новоселье,
Что здѣсь не обживусь, что съ климатомъ суровымъ,
Какъ съ заклятымъ врагомъ, во вѣки не освоюсь! —
Теперь, сбываются предчувствiя мои:
Подъ этимъ сѣвернымъ, безцвѣтнымъ, сизымъ небомъ,
Среди порывовъ бурь, на стужѣ, межъ тумановъ,
Не только слабый духъ изнемогаетъ мой,
Но и здоровьемъ я, и жизненною силой
Примѣтно упадать ужъ начала; во мнѣ
Безсмѣнно я всегда какое-то страданье

Неясное: не боль въ груди моей, а немочь, —
То жаръ томительный, то хладъ невыносимый....
И я .... признаться-ли? .... о жизни молодой
Не думаю жалѣть, ни мало не забочусь.
Зачѣмъ она? .... На что? .... Кому нужна я въ мірѣ? ....
Мнѣ бытіе продлить лишь значило-бъ продлить
И скуку, и тоску, и цѣпь однообразныхъ,
Туманныхъ дней .... И такъ, пусть въ жилахъ стынетъ кровь,
Пока она совсѣмъ въ пустомъ остынетъ сердцѣ!
Пусть голова горитъ губительнымъ огнемъ,
Пусть въ лихорадкѣ мнѣ грозится разрушенье, —
Я рада! ... Я твержу себѣ сто разъ самой:
«Тѣмъ лучше!..» — И со мной, скажите тоже вы, —
Когда я вамъ мила, — скажите, другъ мой вѣрный:
«Тѣмъ лучше! .. ей не долго ужъ страдать! ..»
И часто, если снѣгъ съ небесъ угрюмыхъ сыплетъ,
Лавиною растетъ на улицахъ, на кровляхъ,
И блѣднымъ саваномъ все зримое одѣнетъ,
Печальнымъ зрѣлищемъ утомлена, спѣшу я
Приманчивый каминъ теплѣе затопить,
И ближе сѣсть къ нему, и блескомъ животворнымъ
Отогрѣвать, занять, развеселить себя.
Но онъ одни глаза, одни лишь взоры грѣетъ,
А сердце, какъ цвѣтокъ-переселенецъ съ юга,

Средь одиночества печальнаго всё зябнетъ ....
Всё стынетъ! ....

И такъ до вечера, въ неотразимой лѣни,
Въ нѣмомъ бездѣйствіи, въ полсонномъ забытьи
Я остаюсь .... одна, окружена молчаньемъ ....
И сумракъ зимній день ужъ смѣнитъ непри-
мѣтно,
И ночь глубокая наступитъ .... но меня
Отъ мѣста моего ничто не оторветъ,
Ничто не вызоветъ. — Занятія мои
Мнѣ стали тягостны, докучливы, несносны.
Звукъ фортепьяно мнѣ, какъ грома звукъ не-
жданный,
И слухъ и душу вдругъ тревожно потрясаетъ;
И плачъ болѣзненный моей игрой неровной,
Моими пѣснями изъ трепетной груди
Я только вырывать могу .... Изъ рукъ не-
ловкихъ
Кисть тихо падаетъ, когда участья взоръ
За ней не слѣдитъ, богатый одобреньемъ ....
И книги начатой не понимая смысла,
Я мертвые листы со вздохомъ закрываю ....
Я не могу искать, просить истолкованья
Въ бесѣдѣ дружеской съ сочувственной ду-
шой! ....

Зачѣмъ меня, безпечную, живую,
Ребенка по уму, нещадно взяли

Изъ міра тѣснаго, гдѣ жизнь моя
Невидимо текла въ самонезнаньи,
Подъ ласковымъ друзей моихъ надзоромъ? ....
Зачѣмъ меня поставили внезапно
Въ испугѣ, на порогѣ жизни новой,
Предъ возмутительной ея загадкой,
И бросили въ міръ чуждый сиротой,
И предали мечтаньямъ одинокимъ? ....
Мечтанья! ахъ! они должны служить отрадой
Отжившей праздности, усталому уму,
Вполнѣ созрѣвшему въ мятежныхъ треволненьяхъ;
Но дѣятельный духъ созданья молодаго,
Но пылкое его стремленье ограничить
Лишь созерцаніемъ, — нѣтъ, это невозможно!
Нѣтъ! я не вынесу неполнаго удѣла.
Зачемъ спокойствіе, зачѣмъ ненужный отдыхъ
Душѣ, исполненной стремленья и порыва,
И свѣжихъ, юныхъ силъ, и гордыхъ страстныхъ думъ? ....

Сегодня балъ внизу. — Гулъ музыки и танцевъ
Мнѣ не даетъ уснуть. Всю ночь я напролетъ
Тревожно провела. Объ чтеньи иль занятьи
Нельзя и думать здѣсь отъ шума. Пѣтухи
Пропѣли три раза, — заря почти видна, —
А я, я всё сижу .... всё слушаю! скучаю! ....

III.

Ich singe wie der Vogel singt,
Der auf den Zweigen wohnet.

(Goethe.)

Je ne demande à la poésie que la vie de l'âme
et l'oubli des douleurs du coeur.

(M-me Mélanie Waldor.)

9 Января 18....

Бываютъ дни, — не знаю, почему,
Въ минуту скорбную, вдругъ утѣшенье
Невѣдомо откуда, на меня
Нежданное слетаетъ, — скуку, немощь,
Бездѣйствіе души разгонитъ мигомъ,
И проясняетъ міръ духовный мой.
Мечта во мнѣ взыграетъ шумнымъ роемъ;
Одна изъ нихъ переродится въ мысль,
И разовьется быстро, и урвется
На волю, на просторъ, — и мнится мнѣ,
Вотъ такъ и просится она облечься
Въ слова, въ размѣръ, въ гармонію, въ стихи!
И стихъ невольный, самородный стихъ

Самъ выльется изъ трепетнаго сердца,
Изъ устѣ моихъ дрожащихъ .... Я пугаюсь,
Я пѣсни неожиданной дивлюсь, —
И чувствую, что таинство свершилось
Въ душѣ моей и надо мной, — что чарой
Чудесной и невѣдомой дано мнѣ
Возвыситься мгновенно надъ вседневнымъ
И тѣснымъ жизни очеркомъ .... Не знаю,
Зачѣмъ и какъ созвучія родятся
Въ моемъ воображеньи молодомъ, —
Но побѣдить тревожнаго влеченья,
Но отогнать святое вдохновенье, —
Я не могу! ....

И еслибы могла, —
То не хотѣла-бы! .... Такъ сладко мнѣ,
И такъ легко, такъ хорошо вдругъ станетъ!
Я счастлива! .... Твержу и повторяю
Пѣснь новую въ восторгѣ неземномъ,
И радостью высокою и чистой
Наполнится взволнованная грудь! ....

Боже мой, Боже мой! Точно-ль призваніе
Ты благодатною данью послалъ
Дѣвушкѣ бѣдной и скромной, — созданію,
Свѣтомъ забытому? .... Ты-ли избралъ,
Душу ребенка, чтобъ силой живительной
Слабую нежданно вдругъ укрѣпить? ....

Ты-ль вдохновенія властью спасительной
Хочешь ей счастье земли замѣнить? ....

Обманъ-ли то неопытнаго сердца,
Мечты-ль больной и грустной заблужденье,
Иль точно и воистину поэтъ я? ....
Лечиться-ль мнѣ отъ бреда и разстройства? ...
Бѣжать-ли мнѣ высокомѣрной мысли,
Какъ злаго и пустаго искушенья,
Самолюбивыхъ и тревожныхъ думъ? ....
Или принять въ смиренномъ умиленьи
Даръ вышній, даръ безцѣнный? .... Боже мой!
Свидѣтель Ты, — не я, не я просила,
Не я звала завидный этотъ даръ
На голову мою, не я сама
Накликала животворящій духъ,
Духъ огненный и таинство святое ....
Не я судьбу — она меня нашла! ....
Тщеславія и гордости во мнѣ
Не говорилъ еще языкъ лукавый,
И не прельщалъ меня хвалой далекой,
Успѣхомъ, обреченнымъ дарованью ....
Нѣтъ! никогда не замышляла я
Объ участи блестящей, знаменитой,
Объ имени прославленномъ и громкомъ ....
Дитя я! .... Мнѣ и чуждо и не нужно,
Чтобъ люди говорили обо мнѣ, —
Мнѣ нужно, что-бъ они меня любили!
И если, мнѣ невѣдомо, случилось,

Что̀ свыше было мнѣ присуждено, —
Я повинуюсь! . . . . Радостно, но робко,
Я лепечу на новомъ языкѣ,
Явленномъ мнѣ, чудесномъ, откровенномъ, —
И думаю, — съ боязнью озираясь, —
Что-бъ взоръ чужой не могъ въ глазахъ моихъ
Завѣтной, новой тайны прочитать;
И думаю: уже-ли я поэтъ? . . . .

IV.

ПѢСНЯ.

20 Января 18....

Зимнимъ холодомъ, стужей сѣверной
Усыпленная, спитъ вселенная;
Точно саваномъ облеклась она
Бѣлоснѣжною своей ризою.

Птичкѣ Божіей, бѣдной ласточкѣ
Больно холодно въ сизомъ облакѣ;
Буря съ дерева сшибла гнѣздышко,
А пріюта нѣтъ межъ нагихъ вѣтвей.

Въ поднебесьи-ли всё кружиться ей,
Отшибетъ морозъ птичьи крылушки!
А спуститься-ли до земныхъ снѣговъ, —
Заклюютъ ее злые вóроны! ....

Въ хатѣ нищаго огонекъ остылъ,
А зажечь опять — надо дровъ купить,
И пошли съ клюкой грустно по міру
на всѣ стороны дѣти нищаго . . . .

Сжалься, Господи, надъ страдальцами,
И надъ тварію неповинною!
Видишь съ неба Ты всё, что̀ терпимъ здѣсь, —
Вѣрный счетъ ведешь всѣмъ скорбямъ земнымъ.

Дай-же ласточкѣ, дай пристанище
Подо чьей-нибудь щедрой кровлею, —
Дѣтямъ нищаго пошли встрѣтиться
Съ кроткой милостью сердца добраго . . . .

Тутъ слѣдуетъ нѣсколько опытовъ Зинаиды въ стихотворствѣ, которые исключены по ихъ слабости и по недостатку въ нихъ занимательности, тѣмъ болѣе, что они не имѣютъ отношенія къ собственному разсказу ея жизни.

V.

Quand on meurt pas toute, on craint moins de mourir!
(M-me Am. Tastu.)

29 Января ....

Съ недавнихъ поръ, глубоко вкоренилась
Въ умѣ моемъ мучительная мысль;
И каждый день, и каждый часъ она,
Неугомонная, меня томитъ:
Та мысль есть страхъ довременной кончины,
Невольный страхъ покинуть жизнь и свѣтъ,
Слѣда не проложивъ въ ихъ бурномъ морѣ,
Не оставляя даже по себѣ,
Чѣмъ помянуть минутное явленье ....
Да! если-бъ я теперь, едва дохнувши,
Исчезла-бы на вѣкъ, сойдя въ могилу,
Чтò отъ меня — меня переживетъ? ....
Чтò будетъ говорить здѣсь обо мнѣ,
Иль отблескомъ, иль отзывомъ посмерт-
нымъ? ....

И тѣ немногія, кого могла
Своими звать я, даже тѣ забудутъ
Отшедшую отъ нихъ младую душу
Въ безмолвіи и дѣтскомъ безсознаньи! . . . .
Другая жизнь . . . . міръ лучшій, замогильный . . . .
Они для насъ и таинство святое,
И страшная загадка! . . . . Вѣрю я,
И вѣрою смиренною спокойна!
Пылать и вопрошать я не хочу,
Я не посмѣю вѣчности Христовой . . . .
Но, дочь земли, не жившая землею,
Есть, кромѣ чистой, выспренной души,
Есть сердце у меня . . . . Оно, оно
Напрасно-ли здѣсь билось, ожидая,
И будетъ-ли тревожнымъ ожиданьямъ
Желанное за гробомъ исполненье? . . . .
Забьется-ли оно въ безсмертномъ тамъ
Всѣмъ трепетомъ здѣсь недожитыхъ смутъ? . . . .
Душа моя, съ молитвой непрестанной,
Туда, горѣ стремится горней волей;
Но думы, но мечты, — я каюсь въ томъ!
Я каюсь въ томъ, — онѣ къ земному быту
Прикованы еще всей тайной силой
Несбывшейся надежды любопытной . . . .
И если должно мнѣ покинуть путь
Едва начатый, — если суждено
Неопытной невѣждой мнѣ исчезнуть,

Хочу себя спасти я отъ забвенья,
Забвеніе ничтожеству равно! . . . .

Хочу, хочу я межъ живыхъ остаться,
Хоть свѣтлымъ, милымъ имъ воспомина-
ньемъ, —
Хочу, хочу свое оставить имя
На чьихъ-нибудь трепещущихъ устахъ . . . .
Хочу отдать остынувшее сердце,
Въ наслѣдство и храненіе другому
Горячему, сочувственному сердцу . . . .
Что-бъ безъ меня, о мнѣ-бы пожалѣли, —
Чтобы меня узнали, — и порой
Поминкой задушевной поминали! . . . .
И вотъ они, — невольные напѣвы
Моей груди, молчаньемъ утомленной, —
Моихъ горячихъ устъ, сорвавшихъ смѣло
Запретную безмолвія печать!
Вотъ мысль моя, съ стремленьемъ безпо-
койнымъ,
Восторговъ и порывовъ молодыхъ!
Вотъ первые, вотъ тайные стихи
Дѣвической мечты, вотъ вдохновенья!
Пусть ихъ найдетъ, пусть ихъ возьметъ
рука,
Невѣдомая мнѣ, или родная, —
Но вѣрная! Пусть ихъ прочтетъ душа,
Доступная поэзіи и скорби! . . . .
Пусть нѣкогда немногіе друзья
Откликнутся на голосъ онѣмѣвшій! . . . .

Я отдаю, я завѣщаю имъ
Единое мое богатство въ жизни, —
Пять-шесть листовъ исписанныхъ украдкой,
Которыхъ, можетъ быть, не разберутъ! . . . .

VI.

Pauvre enfant! que de maux ton jeune âge a soufferts! . . . .

13 Февраля 18 . . . .

О Боже мой! . . . . Давно-ли такъ привольно
И смѣло я ввѣряла дневнику, —
Наперснику послушному, нѣмому, —
Мечтанья, бредъ, неопытныя пѣсни
И сны свои . . . . Давно-ли я гордилась
Сама передъ собой искусствомъ новымъ,
И радовалась мысли: «я поэтъ!»
Теперь, — эта радость обманула! . . . .
Теперь . . . . Уже-ли такъ всегда и всё
На жизненномъ пути меня обманетъ? . . . .
И то, въ чемъ я отраду полагала,
Лишь горечью мнѣ станетъ? . . . . .
Я вчера,
Сойдя къ обѣду въ торопяхъ, забыла
На письменномъ столѣ мои стихи.
Ихъ Надя отыскала. Съ дѣтскимъ смѣхомъ
Сбѣжала съ ними въ залу, и при всѣхъ

Поздравила меня съ талантомъ новымъ ....
Княжна вскочила .... злобно засверкалъ
Грозящій взоръ .... неистовыя руки
Схватили, разорвали на куски
Невинныя бумаги .... (Точно, будто,
И память, и мечту во мнѣ она
Могла вдругъ съ ними вмѣстѣ уничтожить,
И не съумѣю возсоздать я вновь
Созданіе свое?! ....) Потомъ упреки,
Угрозы и насмѣшки на меня
Посыпались убійственнымъ обваломъ ....
«Дѣвченка» я, «негодная» — притомъ, —
«И гдѣ мнѣ смѣть въ поэты запи-
саться?! ....
«Какъ я могла забыться до того,
«Что я въ стихахъ моихъ упоминаю
«О скукѣ, въ домѣ ихъ терпимой мною,
«И о какихъ-то грёсахъ, о судьбѣ
«Другой и лучшей, — какъ я не краснѣю
«Надежды неприличной? .... Какъ меня
«Еще не убѣдилъ ея примѣръ —
«Достоинства и *comme il faut* прямаго? ....»
И мало-ли чего наговорила
Словутая княжна .... Ея кузины,
Особенно Алина, хохотали,
И шопотъ ихъ лукавый повторялъ
Презрительно названіе Коринны,
Новѣйшей Сафо .... Стыдъ и гнѣвъ меня
Безъ языка оставили .... Краснѣя,
Блѣднѣя, я стояла между ними,

Какъ осужденная . . . . Но вдругъ, княгиня
Вмѣшалась въ разговоръ, — что-бъ строго мнѣ
И грозно запретить писать, читать,
И сочинять стихи. — «Такой позоръ
Не вытерпитъ она, и не дозволитъ
Въ своемъ высоко-княжескомъ дому! . . . .»

Тайкомъ теперь, и запершись на ключъ,
Я стану заниматься и мечтать . . . .

ГЛАВА IV.

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО.

Ce que j'aime surtout, c'est l'âme des gens d'esprit.

(N. N.)

Il existe des êtres sympathiques, dont l'âme recèle dans sa profondeur des échos pour tous les accents, pour toutes les vibrations des autres âmes; ils souffrent avec vous; vos joies les charment, vos terreurs les font tressaillir, ils se font *vous* en restant eux-mêmes. Heureux qui trouve un de ces êtres pour ami! Sa vie se dédouble et s'agrandit de toute une seconde âme!

(Léa-Cornélia.)

(Par Anna-Marie, M-me de Lamartine.)

I.

La femme a cela de commun avec l'ange que
les êtres souffrants lui appartiennent.

(Balzac, Eugénie Crandet.)

17 Февраля 18....

Заочно вы благотворите мнѣ,
Возлюбленная Сара! Вы и вправду,
Какъ говорили мы, когда дѣтьми
Тѣснились къ вамъ, съ сердечнымъ изліяньемъ:
«Добрѣйшая изъ добрыхъ!» — Вы отраду
Мнѣ издали послали. — Отъ души
Благодарю! ....

Третьяго дня въ гостиной
Былъ запросто съѣздъ близкихъ и короткихъ:
И гулъ ихъ смѣха, ихъ бесѣдъ живыхъ,
Сквозь полъ и стѣны мелькомъ пробивался
До моего угла, тревожа слухъ
И умъ мой безпокойный. Я скучала;
Веселостью чужой, казалось мнѣ,
Дразнили лишь мое уединенье ....

Вдругъ, требуютъ въ гостиную меня ....
Иду, хотя не вѣрится! Въ смущеньи,
Межъ незнакомыхъ группъ, съ боязнью робкой,
Неловко и поспѣшно прихожу ....
Глаза мои не видятъ, и дыханье
Вдругъ замерло отъ страха и волненья.
И вотъ княжна Наталья предо мной,
Схватила руку мнѣ, и представляетъ
Меня кому-то .... Слышу женскій голосъ,
И ласковый и свѣжій, — я взглянуть
Осмѣлилась, — и вижу чудный взоръ,
Привѣтную улыбку .... Молодая,
Прекрасная, блистательная дама
Меня сажаетъ близъ себя .... твердитъ,
Что рада наконецъ меня увидѣть,
Что ей давно, давно со мной хотѣлось
Сойтись и сблизиться, что мы давно
Знакомы ....

Отгадли вы, не такъ-ли,
Елену Мѣховскую? ... Да, она, —
Воспитанница ваша, та, о комъ
Наслышалась отъ васъ я, ... про кого
Вы съ гордостью сердечной говорили ....
Когда она, упомянувъ о васъ,
Свое сказала имя, я едва
Не бросилась на шею къ незнакомкѣ,
Такъ хорошо знакомой; но княжна
Медузинъ взглядъ тотчасъ въ меня вперила,
И образумила меня. Еленѣ

По свѣтски отвѣчать старалась я
На свѣтскіе привѣты, но намёкомъ
Дать тайное, душевное значенье
Пустымъ словамъ . . . . Мы поняли другъ друга!
Она взяла съ княгини обѣщанье,
Что будутъ къ ней пускать меня, что часто
Мы видѣться съ ней будемъ . . . .

И во снѣ
И на яву я бредила Еленой!
Вчера, я провела весь день у ней . . . .
Картиною ея домашней жизни
И взоръ и сердце полны. Какъ счастливо,
Безъ глупой спѣси, безъ парадныхъ формъ,
У Мѣховскихъ устроено всё въ домѣ,
Для счастія семейнаго, простаго,
Чтобъ быть, не для того, чтобы казаться!
Богатство тамъ не тяжкое ярмо,
Неволящее ихъ, но радость жизни,
Возможность украшать по произволу
Размашисто-гостепріимный бытъ. —
Хозяинъ добръ, хозяйка весела;
Не молодъ онъ, — но старикомъ не смотритъ,
И важностью брюзгливой не стѣсняетъ
Живыя вспышки рѣзвости ея.
Она-же, откровенна какъ дитя,
Довѣрчива, какъ счастье молодое.
Взоръ, голосъ, рѣчи, станъ, движенья, поступь, —
Всё дышетъ беззаботностью въ Еленѣ.
Вокругъ ея, при ней, и въ ней самой

Всё свѣтится спокойствомъ лучезарнымъ,
Всё говоритъ о мирѣ благодатномъ.
У ней малютки — дѣти: что̀ за прелесть!
Болтаютъ и рѣзвятся на свободѣ,
И всѣхъ смѣшатъ, и звонкій говоръ ихъ,
Какъ ласточекъ привольныхъ щебетанье,
Одушевляетъ рядъ веселыхъ комнатъ.
Я слушала, глядѣла .... и сравнила
Радушный этотъ домъ съ жилищемъ чиннымъ
И знатнымъ нашей княжеской семьи ....

Однако знатностью своей, конечно,
Или значеньемъ въ свѣтѣ нмъ равна
Прекрасная Елена Мѣховская,
Затѣмъ, что ей почетъ и уваженье
У нихъ оказаны. — Съ тѣхъ поръ какъ я
Отыскана, обласкана Еленой, —
Какъ-будто иначе здѣсь на меня
Всѣ смотрятъ, и со мною обращенье
Перемѣнилось къ лучшему. Княжна
Сегодня не смѣялась надо мной;
Княгиня удостоила спросить,
Не холодно-ль мнѣ въ комнатѣ моей, —
А Лиза Зурова мнѣ предложила
Романсы новые, межъ тѣмъ какъ Надѣ
Алина вдругъ шепнула невзначай,
Перебирая Англійскій кипсекъ,
Что я похожа профилемъ и взглядомъ
На Флору Макъ-Иворъ .... Какая честь! ....

II.

Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится ....
(Жуковскій.)

23 Февраля 18.... За-полночь.

Не знала до-сихъ-поръ я, что и сѣверъ,
И холодъ, и снѣга, имѣютъ тоже
Поэзію высокую свою.
Не знала я волшебства зимней ночи,
Ея красотъ таинственныхъ и блѣдныхъ,
И полныхъ фантастическихъ картинъ.
Не знала я живаго наслажденья
Скользить легко и быстро, по пути,
Усѣянномъ алмазными зыбями,
Снѣговъ глубокихъ. Сани для меня
Лишь были неиспытаннымъ явленьемъ,
Когда они мелькали мимо глазъ,
Вдоль улицы пустой иль многолюдной;
А въ нихъ самой не позволялось мнѣ
По городу безпечно прокатиться.
(Княгиня говоритъ, что сани должно

Плебеямъ предоставить!) Но Елена
Другаго мнѣнья! съ ней сейчасъ въ саняхъ
Объѣхала я шумный Петербургъ,
Блистающій несчетными огнями,
И спящіе пустынно острова,
Гдѣ дачи безъ жильцовъ и безъ огней
Ждутъ, какъ сурки недвижные, чтобъ жизнь
Съ движеньемъ имъ весна-бы возвратила....
Какъ весело, какъ чудно, какъ свободно
Насъ увлекалъ безумно-прыткій бѣгъ
Несущихся какъ вихорь лошадей!....
Въ высокой и прозрачной синевѣ
Ночныхъ небесъ, плылъ медленно и тихо
Полкруглый мѣсяцъ; звѣзды-чародѣйки,
Какъ блёстки, и сверкали и метались
Вокругъ него несмѣтною толпою,
И серебромъ былъ облитъ лучезарнымъ
Весь сонный міръ. На кровляхъ, окаймленныхъ
Опушкой снѣговой, и на домахъ,
Бѣлѣющихъ, какъ призраки въ туманѣ,
И по дорогѣ, устланной на диво
Коврами снѣжными, — вездѣ сіялъ,
Вездѣ бродилъ волшебно-яркій отблескъ,
Причудливо предметы измѣняя,
Преображая ихъ своей игрой....
А воздухъ, просѣкаемый санями,
Очищенный морозомъ, онъ казался
Твердъ, какъ кристаллъ, какъ облако упругъ....
Всё ново было мнѣ, — всё изумляло
Мои глаза, мое воображенье.

То, шибкою ѣздой упоена,
Я торопила словомъ и желаньемъ
Порывъ неукротимыхъ бѣгуновъ;
То вдругъ пугалась я, и замирало
Въ груди моей тревожное дыханье
Со смѣлостью, еще мнѣ непривычной . . . .
И вотъ, Крестовскій островъ видимъ мы,
Съ его высокоглавыми соснамй;
И чудилося мнѣ, — всё это тѣни
Отжившихъ исполиновъ . . . . я боялась . . . .
Елена-же смѣялась надо мной!

И вотъ я дома, въ комнаткѣ знакомой,
Передъ ночной лампадою своей,
Въ своихъ любимыхъ креслахъ какъ всегда
Порой ночнаго отдыха . . . . ужъ время
Предаться сну лѣнивому, — но мнѣ
Сегодня не до сна: припоминаю
Свершенную прогулку, наслаждаюсь
Минувшимъ наслажденьемъ. Мнѣ теперь
И Петербургъ, и сѣверъ стали любы.
Они невыразимо приглянулись
Мечтѣ моей, живой и своенравной.
И свѣтлую ихъ сторону узнавъ,
Я не браню ужъ ихъ. Сегодня я
Съ красавицей-зимою помирилась! . . . .

III.

La pitié n'est pas de l'amour . . . .
(Vieille romance du siècle passé.)

Mais souvent elle en est le précurseur!
(Réflexion d'actualité.)

12 Марта 18. . . .

Елена мной безспорно завладѣла;
Почти всегда я вечеромъ у ней,
И съ ней дѣлю досужные часы,
Которые она отъ шума свѣта
Спасаетъ для домашней тишины.
Она, повеселясь и пріуставши
По баламъ и гостинымъ, отдыхаетъ
Сердечною и умственною жизнью
Въ своей семьѣ, въ своемъ родномъ углу.
И этотъ уголокъ благословенный,
Какъ онъ уютенъ, какъ заманчивъ онъ,

Какъ въ немъ легко и весело живется!
Домъ не великъ, но много комнатъ въ немъ,
Но убранъ онъ щеголеватымъ вкусомъ
И прихотью изящной. Здѣсь мой взоръ
Пріятно пораженъ и успокоенъ
Отсутствіемъ нелѣпой позолоты,
Тяжелыхъ бронзъ и роскоши ненужной.
Вездѣ цвѣты, картины мастерскія
И мягкіе ковры; тепло, свѣтло,
Не хочется разстаться ни съ хозяйкой,
Ни съ нѣгою и лѣнью благодатной
Въ жилищѣ миловидномъ. — Мы читаемъ,
Болтаемъ и поемъ; часы бѣгутъ, —
И непримѣтно бьетъ ударъ прощальный
Ихъ быстрой стрѣлкой рано возвѣщенный ....
Но мы всегда другъ другу говоримъ:
«До завтра!» А съ надеждою легко
Желанное свиданье ожидать!
Довѣріемъ Елены я вполнѣ
Теперь владѣю. Даже мнѣ она
Дала читать всю переписку съ братомъ,
Любимымъ ею страстно .... Этотъ братъ
Военный, нездоровъ, живетъ далеко,
Не терпитъ свѣта .... Скука и тоска
Томятъ его .... Разочарованъ онъ,
Какъ Пушкина Онѣгинъ, какъ Ренэ,
И какъ Манфредъ, воспоминаньемъ боленъ ....
Онъ смолоду служилъ, живалъ въ столицѣ,
И выѣзжалъ, и свѣтскій шумъ любилъ,

Но измѣнился вдругъ, — и навсегда
Любовною несчастливъ неудачей,
Обманутъ, онъ оставилъ модный свѣтъ,
И проклялъ всё, чѣмъ жизнь его манила,
Чѣмъ завлекла .... Одной сестрой теперь
Онъ дорожитъ въ своемъ уединеньи.
Отъ женщинъ онъ бѣжитъ, ихъ ненавидитъ ....
Онъ отжилъ для любви и для надежды,
Онъ въ тридцать лѣтъ состарѣлся душой ....
А между тѣмъ, наперекоръ судьбѣ,
Что̀ за душа! .... Какъ онъ уменъ и милъ! ....
Какъ жаль его! .... Какъ страшно и какъ горько
На жизнь и свѣтъ онъ жалуется въ письмахъ
Краснорѣчивыхъ! .... Но въ словахъ его
Скрывается и внутренняя гордость,
И твердость непреклонная: не проситъ,
Не приметъ онъ напрасныхъ сожалѣній.
Онъ хочетъ только высказать себя
И дать просторъ удушливымъ упрекамъ
Больнаго сердца ....

Мнѣ, читавшей часто
Страницы переписки откровенной,
Такъ сталъ знакомъ герой ея далекій,
Что кажется онъ мнѣ роднымъ, иль другомъ
Уѣхавшимъ .... что, кажется, при встрѣчѣ,
Узнаю я его .... Его романъ,
Его судьба томятъ и занимаютъ
Мою мечту, какъ тѣ разсказы въ книгахъ
Моихъ любимыхъ, отъ которыхъ я

Такъ искренно и такъ безумно плачу,
Не сплю, не ѣмъ, худѣю иногда.
Но если съ выдумкой, съ невѣрной сказкой
Я сердцемъ обживаюсь, если я
Для вымысловъ прекрасныхъ забываю
Сухую прозу бѣдной нашей правды:
То какъ-же-бы могла не волновать,
Не потрясать во мнѣ души и сердца
Дѣйствительная быль? . . . .

Ни днемъ, ни ночью
Теперь изъ рукъ моихъ не выпускаю
Завѣтныхъ писемъ, полныхъ томной страсти.
Читаю ихъ, на память ихъ учу,
Твержу изъ нихъ любимые отрывки . . . .
Занятія я бросила для нихъ,
Поезію они мнѣ замѣнили.

И даже иногда, какъ призракъ дальній
Въ неясномъ снѣ, мнѣ на-яву и мелькомъ
Является неуловимый образъ . . . .
Мерещатся несвязныя черты . . . .
Невиданный мнѣ видится. О немъ
Я думаю среди гостиной шумной,
И въ комнатѣ Елены, и потомъ
Въ тиши моей уединенной кельи.
Но почему? . . . . Сама не понимаю! . . . .

Здѣсь пропускается около года изъ дневника Зинаиды: все, въ немъ содержащееся, повторяетъ только

эти длинныя, безконечныя жалобы полу-дѣтской, полуженской души, ищущей жизни и находящей только пустоту, просящей счастія, удовольствія, движенья, и осужденной на скуку и бездѣйствіе. Подобныя эпохи переживаются трудно и мучительно, но разсказываются однимъ словомъ: она скучала, она ждала! ....

ГЛАВА V.

ПРОБУЖДЕНЬЕ СЕРДЦА.

Charmes de l'amour . . . . qui pourrait vous peindre? . . . Cette persuasion que nous avons trouvé l'être que la nature prédestinait pour nous; ce jour subit répandu sur la vie, et qui nous semble en expliquer les mystères; cette valeur inconnue, attachée aux moindres circonstances; ces heures rapides, dont tous les détails échappent au souvenir par leur douceur même, et qui ne laissent dans notre âme qu'une longue trace de bonheur; cette gaité folâtre, qui se mêle quelquefois à un attendrissement habituel, tant de plaisir dans la présence, et dans l'absence tant d'espoir; ce détachement de tous les soins vulgaires, cette superiorité sur tout ce qui nous entoure, cette certitude que désormais le monde ne peut nous atteindre où nous vivons; cette intelligence qui dévine chaque pensée, et qui répond à chaque émotion . . . . charmes de l'amour, qui vous éprouve ne saurait vous dépeindre!! . . . .

(Adolphe, par Benjamin Constant.)

I.

«Ты лишь вошелъ, я вмигъ узнала . . . . . .
«Вся обомлѣла, запылала,
«И сердцемъ молвила: вотъ онъ! . . . .»

(Письмо Татьяны.)

1 Января 18 . . . .

Есть въ жизни дни, минуты роковыя . . . .
Всё въ нихъ идетъ не чередой обычной,
Но страннымъ, сверхъ-естественнымъ порядкомъ;
Мы сами, будто подъ вліяньемъ рока,
Внушеніямъ должны повиноваться,
Предчувствіемъ увлечены, и грезимъ
Волнующія грезы на яву.
Какъ-будто не случается тогда,
А всё сбывается для насъ и съ нами . . . .

Вчера, чтобъ проводить годъ миновавшій,
И весело годъ новый встрѣтить, — мнѣ
У Мѣховскихъ былъ приготовленъ праздникъ:

На званый вечеръ собрали они
Моихъ ровесницъ нѣсколько, — дѣвицъ
Еще несвѣтскихъ, — и родню Елены,
Кузинъ, племянницъ, тетушекъ .... (Кому
Богъ не далъ племени, когда справлять
Придется имянины или праздникъ? ....)
И хоть неловко мнѣ и дико было
Сначала, межъ чужихъ и незнакомыхъ,
Однако, скоро общій говоръ, смѣхъ
И болтовня мнѣ голову вскружили,
И весело мнѣ стало .... Безъ тревоги,
Но радостью мнѣ новой сердце билось,
И было мнѣ покойно, хорошо,
Легко ....

А между тѣмъ, часы летѣли ....
Затѣями Елена оживляла
Весь вечеръ. Прочитавши громко намъ
Жуковскаго прелестную Свѣтлану,
Она осуществить хотѣла игры
Народной старины и русскихъ святокъ:
Возобновить дѣвическихъ гаданій
Забытый, но плѣнительный обрядъ.
Вотъ принесли пугливую насѣдку,
И передъ ней, среди зеркальной залы,
Всѣ, сколько насъ ни было, мы сложили
По кучкѣ крупъ, и каждая тайкомъ, —
Задумавши о чемъ-нибудь желанномъ, —
Вопросъ урочный свой судьбѣ шепнула.
Мнѣ не о чемъ, и нечего спросить

Мнѣ было, бѣдной! — ждать .... желать .... таить ...
Все это мнѣ невнятно, недоступно! ....
Пшеничный дождь межъ рукъ моихъ струился,
А мысль моя нѣмѣла .... Но потомъ
Мы приступили къ новой ворожбѣ:
Китайская фарфоровая ваза
Явилась на столѣ, — и, какъ въ балладѣ,

«Въ чашу съ чистою водой
«Клали перстень золотой,
«Серьги изумрудны;
«Разстилали бѣлый платъ,
«И надъ чашей пѣли въ ладъ
«Пѣсенки подблюдны.»

Такъ и у насъ: посыпалися кольцы
Съ лилейныхъ ручекъ, съ рукъ закрытыхъ крѣпко
Перчаткой щегольской .... Но пѣсни пѣть
Мы, дочери взыскательнаго вѣка,
Питомицы гостинныхъ, не могли,
И позвали кормилицу изъ дѣтской,
Да горничныхъ изъ дѣвичей. Онѣ
Поочередно намъ изъ старой книги
Всѣ святочныя пѣсни пѣли хоромъ,
Нестройнымъ, но веселымъ, вынимая
Изъ вазы по кольцу, какъ попадалось,
И на удачу. — Лишь рука моя
Была безъ всякихъ колецъ. Но Елена
Замѣтила — и приказала Налѣ
(Своей малюткѣ-дочери) скорѣй

Съ уборнаго стола ея мнѣ перстень
Какой-нибудь достать. — Дитя со смѣхомъ
Отправилось — со смѣхомъ возвратилось,
И бросило поспѣшно мой залогъ
Къ другимъ залогамъ . . . . Жребій до меня
Коснулся наконецъ, — не помню словъ
Мнѣ выпавшей на долю вѣщей пѣсни,
Но только, — мнѣ они сулили свадьбу
И жениха! — Елена хохотала,
А я краснѣла . . . . Маленькая Наля
Взяла кольцо отъ дѣвушекъ. — Его
Увидѣла Елена . . . . крикъ невольный,
Крикъ изумленья вырвался у ней . . . .
Блѣднѣя, задыхаясь отъ волненья,
Отъ дочери она хотѣла знать,
Какъ въ руки ей и на глаза попалось
Завѣтное, запретное кольцо,
Хранимое въ шкатулкѣ сокровенной,
И подъ замкомъ? . . Малютка увѣряла,
Что на столѣ взяла его въ потьмахъ.
А мать ея не вѣрила, дивилась,
Сомнительно качала головой,
И на меня смотрѣла долгимъ взоромъ,
Таинственно и странно. — Я смутилась . . . .
Я добрую Елену умоляла
Не мучить душу мнѣ недоумѣньемъ . . . .
И вотъ, — я узнаю, что перстень тотъ
Принадлежитъ не ей самой, а брату
Ея — и подаренъ когда-то былъ
Обманчиво-блистательнымъ залогомъ

Обманчивой любви .... Съ тѣхъ поръ, у ней
Хранится этотъ даръ разувѣренья, —
Измѣной оскверненный талисманъ .....
Ключъ отъ него не покидалъ Елены:
Непостижимъ, невѣроятенъ случай,
Открывшій вдругъ нечаянно его,
И впутавшій его въ гаданья наши ...
И я дивилась, молча .... Что судьбѣ
Вдругъ вздумалось играть со мной, пугать,
И возмущать меня чудесной тайной? ....

Межъ тѣмъ, трехцвѣтный воскъ былъ принесенъ,
Сплетенъ въ кресты, растопленъ надъ огнемъ,
Подъ шепотомъ волшебныхъ заклинаній;
И каждый изъ гадающихъ потомъ,
Спокойною, иль трепетной рукою,
Смотря по лѣтамъ, иль по ожиданьямъ,
Въ блестящій снѣгъ поспѣшно выливалъ
Кипящій и шумящій воскъ .... И странно,
И прихотливо тамъ онъ остывалъ
Узорами, фигурами, безъ счета.
И вотъ, одна изъ тетушекъ Елены,
Большая въ этомъ дѣлѣ мастерица, —
Надѣвъ очки, брала и подносила
Къ стѣнѣ на тѣнь всѣ слитки, разбирая,
Толкуя, и показывая намъ
То очерки капризныхъ силуетовъ,
То ихъ значеніе и смыслъ .... Отъ ней
Узнали мы кому и что пророчилъ
Таинственно-неясный образъ ихъ:

Дорогу-ли? . . . . богатство-ли? . . . . вѣнецъ, —
Иль ранній гробъ и скорбную утрату? . . . .
И слушательницъ лица и глаза
То оживлялись радостью стыдливой,
То грустно потухали, получивъ
Свой приговоръ, счастливый иль печальный.
Я подошла съ своимъ нестройнымъ слиткомъ,
И съ сердцемъ безмятежнымъ: — Боже мой!
Я узнаю, что вылился мнѣ всадникъ, —
На гордомъ скакунѣ, — въ плащѣ военномъ,
Съ разметаннымъ султаномъ надъ челомъ . . . .
И наконецъ, съ колодой картъ въ рукѣ,
Ворожея явилася межъ нами.
Я не хотѣла спрашивать её, —
Но какъ-то невзначай уговорили
Меня другія — и примѣръ увлекъ.
Я тоже подошла: оракулъ мнѣ
Предвозвѣстилъ желаній исполненье,
И гостя, мною-жданнаго возвратъ . . . .
Я тщетно увѣряла, что желать
Мнѣ нечего, и не кого мнѣ ждать . . . .
Никто не вѣрилъ мнѣ! Сама Елена
Лукаво улыбалась, повторяла
Три прорицанья мнѣ, всѣ три примѣты,
Которыя единогласно мнѣ
Сулили тоже самое.

И что-же?
Я начала бояться и робѣть,
И вспомнилось мнѣ про Макбета,

Гадавшаго безумно .... Надо мной,
Какъ надъ Кодорскимъ Таномъ, раздавался,
Или мечтался мнѣ зловѣщій голосъ.
Онъ говорилъ! «Не вызывай судьбы!» —

И кончились гаданья, игры, смѣхи.
За ужинъ сѣли. — Полночь приближалась,
И всѣ за ходомъ стрѣлки часовой
Внимательно слѣдили, — ожидали
Завѣтный, первый бой, — чтобъ встрѣтить шумно,
Торжественно и весело минуту, —
Которая, какъ рѣзкая черта,
Такъ быстро отдѣляетъ годъ отъ года,
Что не замѣтенъ общій переходъ
Отъ прожитаго къ будущему. — Вотъ
Забилъ и загудѣлъ завѣтный звонъ, —
И подали шампанское. — Всѣ встали;
Всѣ обнимать пошли родныхъ и ближнихъ,
Отцевъ и матерей .... А я осталась,
Недвижна на своемъ недвижномъ мѣстѣ ....
И ужъ сравненье въ душу мнѣ тѣснилось
Тяжелой мыслью .... ужъ слеза дрожала
На трепетной рѣсницѣ — но, внезапно,
Тревогой общей мой увлекся умъ. —
Раздался въ домѣ шумъ: бѣгутъ, кричатъ,
Всё суетится, — входитъ гость, пріѣзжій ....
Хоть нежданный, — встрѣчаемый съ восторгомъ,
И вотъ ужъ онъ Елену обнимаетъ, —
И вотъ она съ улыбкой и въ слезахъ,

На шеѣ у него . . . . «Владиміръ! братъ!»
Она вскричала съ радостнымъ испугомъ, —
И снова начались обниманья,
Разспросы, клики . . . . Послѣ обошелъ
Онъ тетушекъ, кузинъ, друзей домашнихъ . . . .
Мнѣ стало такъ неловко . . . . я одна
Была ему чужая, я хотѣла
Незримо ускользнуть, — уйти, уѣхать
Черезъ столовую, съ Еленой не простясь . . . .
Но въ тотъ-же самый мигъ передо мной
Елена вмѣстѣ съ братомъ очутилась,
И стала насъ знакомить . . . . Не нашла
Ни слова я въ отвѣтъ его привѣтамъ, —
Взглянуть едва рѣшилась на него,
И вдругъ, я вижу, онъ, остолбенѣвъ,
Глядитъ мнѣ на руку, смущеннымъ взоромъ . . .
Тутъ, потерялась я! — Я поняла,
Что онъ свое кольцо на мнѣ узналъ; —
Какъ воръ, краснѣла я; до дурноты
Кружилась голова моя . . . .

Потомъ
Не помню я, не видѣла, что̀ было,
Какъ кончился чудесный этотъ вечеръ, —
Какъ разошлись, какъ отвезли меня!
Я дома, — я одна! Спать не могу, —
И будто въ лихорадкѣ, всё дрожу я . . . .

II.

Who fears, — must deeply feel! . . . .

(Lady Stuart-Wortley.)

3 Января 18 . . . .

Елена ждетъ меня къ обѣду . . . . Нѣтъ! . . . .
Я не поѣду къ ней, ... я не поѣду! . . . .
Боюсь я встрѣтить новое лицо,
Увидѣть незнакомаго. — Не ловко
Мнѣ между братомъ и сестрой вмѣшаться, —
Ихъ и себя связать молчаньемъ, скукой
И принужденьемъ . . . . Нѣтъ! пускай они
Насмотрятся себѣ, наговорятся,
Вновь обживутся вмѣстѣ, — и тогда
Я появлюсь, безъ страха быть докучной! . . . .
И что̀ теперь во мнѣ Еленѣ милой
И счастливой? . . . . При ней ея Владимiръ,
Ея кумиръ . . . . Моя-же дружба ей,
Смиренная и дѣтская, зачѣмъ? . . . .
Я чувствую, что наши отношенья
Прiѣзжiй братъ измѣнитъ . . . . Боже мой!
Мнѣ кажется, завидно стало мнѣ,

Что не меня одну Елена любитъ,
Что въ ихъ союзѣ кровномъ я чужая? ....
Мнѣ кажется Елену я ревную!
Ревную къ брату? ....

Нѣтъ! глупа, больна,
Капризна я, и только! я боюсь
Съ Владиміромъ знакомиться, встрѣчаться,
Я знаю напередъ, что для него
И слишкомъ молода я, и ничтожна, —
Что онъ уменъ, и важенъ, и угрюмъ,
Что, передъ нимъ, я вѣрно оробѣю,
И вотъ зачѣмъ я ѣхать не хочу,
Я не поѣду! .... Вотъ кареты стукъ ....
Отъ Мѣховскихъ за мною прискакали ....
Что̀ дѣлать мнѣ? ....

III.

Je n'ai pu lui parler .... j'agissais dans la fièvre,
Mon âme à chaque mot arrivait sur ma lèvre ....

(Alfred de Musset: A quoi rêvent les jeunes filles.)

8 Января 18....

Принудили меня къ свиданью съ нимъ,
Съ пріѣзжимъ этимъ .... Увезли меня
Насильно, безъ оглядки .... Были гости
У Мѣховскихъ; — шелъ общій разговоръ
Про важныя дѣла, — науки, книги,
Политику; меня не замѣчали,
По счастью! Притаясь, могла я слушать
И наблюдать. Владиміръ говоритъ,
Какъ пишутъ прочіе — краснорѣчиво,
Свободно, сильно, ясно, — но безъ страсти
И безъ восторга. Видно, онъ читалъ
И думалъ очень много, и привыкъ
Всегда лишь только думать! .... Не такимъ
Себѣ его я представлять любила! ....
И не похожъ нисколько онъ на образъ,
Который, какъ-то чудно, самъ собой,
Въ умѣ моемъ нарисовался прежде

Подъ именемъ его. — Онъ такъ великъ,
Онъ такъ высокъ, что я его не вижу,
Когда стоимъ мы оба. Не хорошъ
И не красивъ онъ, — блѣдное лицо
Подернуто не думой вдохновенной,
А скукой вялою; глаза погашены,
Какъ пламя догорѣлое, — лишь голосъ
И выговоръ его полны и жизни,
И выраженья томнаго, — какъ-будто
Отъ музыки замолкшей слышно въ нихъ
Тревожное и сладостное эхо!
И, слушая его издалека,
Мнѣ точно плакать и смѣяться вмѣстѣ
Хотѣлось, отъ избытка чувствъ смятенныхъ.
Елена насъ знакомила, — но тщетно!
Мнѣ страшно съ нимъ, теряюсь и молчу;
А онъ, — онъ на меня конечно смотритъ,
Какъ на ребенка глупаго: ему
И скучно, и неловко предо мною,
Мы оба лишь молчали ....

О мечта!
Такъ что-жъ ты мнѣ, коварная, сулила? ....
Зачѣмъ-же я ждала, какъ откровенья,
Чего-то лучшаго, чего-то выше? ....
Зачѣмъ обманъ? Зачѣмъ оно предстало,
Явленіе неполное, въ комъ умъ
Не узнаетъ, и сердце не признаетъ
Ласкаемый заранѣ идеалъ? ....

IV.

Le temps, pour consoler l'homme qui souffre et pleure,
Au sable qui s'écoule et nous mesure l'heure,
Mêle parfois quelques grains d'or.

(Anaïs Ségalas.)

10 Февраля 18 . . . .

Настали дни всеобщаго волненья,
Шумъ масляницы новой начался,
И чѣмъ-то праздничнымъ самъ воздухъ по-
лонъ! . . . .
Какъ праздники несносны, нестерпимы,
Когда они не въ праздникъ намъ, когда
Ничто отъ будней ихъ не отличаетъ! . . . .
Разстроена жизнь мирная моя,
И въ эти дни, — когда и свѣтъ и городъ
Безумною тревогою веселья
Упоены, — когда вокругъ меня,
Вблизи, вдали, на улицахъ, въ гостиныхъ
Всё шумно, всё спѣшитъ за наслажденьемъ,
Всё гонится, волнуясь, — въ эти дни,
Я вдвое одинока, я одна!!
У Столбиныхъ не домъ — а кутерьма!

Пріемъ, обѣды, выѣзды и балы,
И маскарады всѣхъ ихъ поглотили.
Княжна еще худѣетъ, — быть должно
Отъ устали и хлопотъ напряженныхъ,
Чтобъ нравиться нарядами своими,
Когда не красотой, давнымъ давно,
Зачисленной въ безсрочномъ отпуску ....
(О ней, на дняхъ, за что-то разсердившись,
Такъ выразилась шопотомъ Алина,
При молодой княгинѣ, — и съ тѣхъ поръ
Весь домъ твердитъ удачную насмѣшку).
Княгиня карты бросила, забыла
Браниться и ворчать. — Княгиня Софья
Спитъ цѣлый день, чтобъ къ вечеру ожить,
И бабочкой блестящею и свѣжей
Вдругъ выпорхнуть, и прямо изъ уборной
На балъ умчаться. — Сестры, безъ уроковъ
И безъ учителей, рѣзвятся въ залахъ,
Съ утра играть и бѣгать отправляясь.
Madame-Dupré, къ обѣднѣ завернувъ,
Къ знакомымъ на весь день изволитъ чинно
Въ пестрѣйшей шали, въ блондовомъ чепцѣ
Переселяться .... Даже безъ ключей
Матрена Львовна бродитъ, запыхавшись,
И забываетъ чай намъ отпускать, —
И некогда болтать ей — и безъ сказокъ
Она уже встрѣчается со мной. —
У Мѣховскихъ — всё гости, — всё обѣды.
По вечерамъ Елены дома нѣтъ.
Не видимся почти мы. Ахъ! какъ скучно! ....

Вчера, однако, вспомнилося ей
О бѣдной Зинѣ, грустной и безродной, —
Она за мной прислала. — Мы болтали,
И я повеселѣла! — Но она
Была звана на чей-то балъ огромный,
И вотъ, почти въ тотъ часъ, когда ложимся
Въ другіе дни, — она пошла рядиться
И я за ней! Coiffeur ужъ ожидалъ, —
И мнѣ пришлося, новой Сандрильонѣ, —
Какъ нѣкогда золушкѣ той смиренной, —
Смотрѣть изъ за угла на эти сборы
Красавицы на торжество .... Но въ сказкѣ
Смиренница награждена была
Волшебницей за долгое терпѣнье; —
А въ наше время, — нѣтъ заступницъ-фей,
Нѣтъ крестныхъ маменекъ съ жезломъ всевла-
стнымъ,
И съ тыквами-каретами! .... И феи
Блаженной памяти, лишь понапрасну
Манятъ и дразнятъ легковѣрный умъ,
Не исполняя прихоти дѣвичей! ....
И такъ, глядѣла я какъ наряжалась
Моя Елена, — какъ къ лицу ей былъ
Румянецъ удовольствія живаго, —
Какъ радостно она приготовлялась
Къ веселіямъ запретнымъ для меня!
Я видѣла и кружева, и дымки,
И розовый вѣнокъ, — и волны лентъ
Прозрачно-шелковистыхъ — и брильянты,
И чудный блескъ каменьевъ дорогихъ,

И всё, что̀ тѣшитъ взоръ счастливицъ свѣтскихъ,
Что̀ щеголихъ и краше и милѣе
Поклонамъ и успѣхамъ выставляетъ ....
И, малодушной — больно стало мнѣ!
Не зависть, — нѣтъ! опять, опять сравненье
Моей судьбы и доли съ долей лучшей
Смутило душу мнѣ! .. Хотѣла я
Скрыть слабости минутной навожденье,
Не удалось! Тоска меня душила,
Предательски мнѣ слезы измѣнили! ....
Я вышла изъ уборной раздушенной
Въ Еленинъ кабинетъ ....

Тутъ былъ Владиміръ ....
Онъ подошелъ, онъ увидалъ меня;
Въ заплаканныхъ глазахъ моихъ, конечно,
Прочелъ онъ тайну дѣтскую .... Какъ стыдно,
Какъ горько было мнѣ! какъ я боялась,
Что станетъ онъ смѣяться надо мной,
Съ двойнымъ немилосердіемъ мужчины
И нелюдима! .... Важный видъ его
И блѣдное лице, и долгій взоръ,
И ростъ высокій, безъ того смущаютъ
Меня невыразимо.

Нѣтъ! напрасно!
Владиміръ былъ участья полнъ, — и мнѣ,
Отъ голоса отраднаго, отъ рѣчи
Его разумной, вдругъ легко и мирно
На сердцѣ стало. Онъ, онъ, безъ распросовъ,

Самъ угадалъ причину слезъ моихъ,
И спасъ мнѣ стыдъ признаться въ дѣтскомъ горѣ.
Онъ понялъ блажь неопытной мечты,
Порывъ моихъ желаній любопытныхъ;
Онъ снисходилъ къ припадку суеты,
И въ будущемь сулилъ мнѣ утѣшенье,
Всѣ чары свѣта, блескъ и шумъ его,
И то, что онъ успѣхомъ называлъ . . . .
(Какой успѣхъ? . . . . что̀ значитъ это слово?
И въ чемъ мнѣ успѣхать, когда ни цѣли,
Ни притязаній нѣтъ въ моихъ мечтахъ,
Просящихъ только радости и жизни? . . . .)
Онъ говорилъ еще, — а я краснѣла —
Что будто хороша я и умна . . . .
Онъ въ первый разъ, казалось, удостоилъ
Меня своимъ осмотромъ . . . . Наконецъ
Дичиться перестала я его,
Разговорилась съ нимъ; — хотѣлось мнѣ,
Въ глазахъ его, быть чѣмъ-нибудь другимъ,
Чѣмъ жалкою, безумною вертушкой,
И показать что мнѣ доступно въ жизни
Иное назначенье. — Скоро я
Забыла совершенно, что на свѣтѣ
Есть балы, праздники, увеселенья, —
Я слушала его . . . . я отвѣчала . . . .
Куда дѣвались страхъ, неловкость, робость? . . . .
И вдругъ, когда Елена къ намъ вошла,
Готовая, блестящая, — когда
Мнѣ должно было бросить разговоръ,

Чтобъ съ нею ѣхать до дома, — я встала,
Я распростилась съ нимъ и лишь тогда
Мнѣ вспомнилось, съ какой свободой странной
И безотчетной, рѣчь и мысль моя
Вдругъ вылились предъ нимъ, — предъ человѣкомъ
Столь важнымъ и степеннымъ, — столь мнѣ страшнымъ
До той поры .... Не вѣрилося мнѣ,
Что сблизилась я вдругъ, почти невольно
Съ Владиміромъ .... съ тѣмъ самымъ, кто мнѣ былъ
Достоинства и мысли воплощеньемъ, —
Съ тѣмъ самымъ, кто пугалъ меня, кому
Дивилась я въ почтеніи глубокомъ, —
Кому за восемь дней, — за часъ еще,
Я вымолвить полслова не рѣшалась ....
Но онъ такъ добръ! Зачѣмъ его бояться?

V.

O gioja, che si sente, a non si dice!
(Lucia.)

10 Февраля 18....

Владиміръ захотѣлъ меня утѣшить
Отъ заключенья долгаго: — сестрѣ
Привезъ онъ неожиданно билетъ
На ложу въ утренній спектакль, съ условьемъ,
Что и меня возьмутъ они съ собой.
Согласіе княгини, и — что̀ было
Сто разъ труднѣй! — согласіе княжны
Испрошено: заѣхали за мною,
И скоро мы всѣ трое помѣстились
Въ просторной ложѣ.... Мнѣ, отъ непривычки,
И прямо со свѣта дневнаго, было
Сначала такъ темно, — что ничего
Ни разглядѣть, ни различить, ни въ залѣ,
Ни на театрѣ мнѣ не удавалось.
(А солнце, какъ нарочно, въ этотъ день
Проснулось въ добромъ духѣ, и безъ сплина,
Что̀ рѣдко съ нимъ бываетъ въ Петербургѣ!)

Потомъ, мой взоръ блуждалъ по моднымъ ложамъ
И по рядамъ тѣхъ креселъ, гдѣ спѣсиво,
Лѣниво и небрежно помѣщался
Весь знатный кругъ, все барство. Я хотѣла
Хоть вскользъ увидѣть общество и свѣтъ.
Но я вотще искала, — не встрѣчались
Мнѣ типы думъ моихъ, — мелькали шляпки,
Уборы вкуса строгаго, — внизу
Мундиры, ордена, кресты, — но лица
Безличностью одною отличались ....
Въ толпѣ, мой взоръ не встрѣтилъ никого! ....
На сценѣ шелъ балетъ. Прекрасны танцы,
Когда они какъ-будто выраженье
Изящества, поэзіи и силы,
И жизни молодой, въ прелестной формѣ
Красавицы воздушной .... Подъ аккордъ
Гармоніи, въ тревожномъ увлеченьи,
И вся порывъ, и вся огонь и мощь,
Пусть легкая танцовщица стремится,
Преслѣдуетъ, кружится и бѣжитъ,
Пусть вдругъ она, прикованная, станетъ,
Ловка, и живописна, и томна.
И весело, и мило на нее
Тогда глядѣть и любоваться ею.
Раздолье взорамъ въ ней, осуществленье
Взыскательной художника мечты! —
Но мимикой отчаянной въ кадансъ
Размашисто и быстро выражать
Нельзя страстей ихъ, тайнаго волненья,

Ихъ цѣли, ихъ движенья, ихъ борьбы! . . . .
Смѣшно и дико намъ, когда, бѣснуясь,
Нѣмыя группы силятся, подъ звукъ
Гудящаго оркестра, передать
Намъ жизнь и драму жизни. — Что̀ балетъ,
Какъ не собранье куколъ на пружинахъ? . . . .

За то, — мотивы музыки меня
Невѣдомой отрадой услаждали.
То страстны, — то мучительно томны,
То нѣжны и легки, какъ мысль младенца,
Мелодіи звучали — я терялась
Въ тревожномъ упоеньи, — я мечтала, —
О чемъ? — не знаю! . . . . я постигла рай
Въ минуту благодати безотчетной . . . .
Упавши въ кресла мягкія, сидѣла
Безъ словъ и безъ дыханья . . . . Владиміръ,
Облокотясь за мной, слѣдилъ тайкомъ
За чувствами и мыслями моими . . . .
Смѣялся имъ, быть можетъ! . . . . Но меня
Насмѣшкою онъ не смущалъ: напротивъ,
Онъ будто радъ былъ за меня, — съ участьемъ,
Какъ добрый братъ, онъ занимался мной.

Мнѣ кажется, любить я страстно буду
Театръ и наслажденія его! . . . .

VI.

There was a time, when bliss
Shone o'er my heart from every look of his, —
When but to see him, hear him, breathe the air,
In which he dwelt, was my soul's fondest prayer.

(Thomas Moore, Lalla-Rook.)

17 Февраля 18 . . . .

Вчера, меня у Мѣховскихъ спросили
Давно-ли я къ миссъ Гарвей не писала? . . . .
И совѣстно признаться было мнѣ,
Что ужъ недѣли двѣ ни пол-строки
Не удалось, не довелось набросить,
Что мой дневникъ всё пишется, растетъ, —
Но ей не отсылаетса давно . . . .
А почему? . . . . Вопросъ такой доселѣ
И мнѣ самой еще не представлялся,
Но, впрочемъ, я теперь уже давно
Ни мыслей грустныхъ, ни глубокихъ думъ
Въ своей душѣ не подмѣчала . . . . Мирно
И безъ заботъ живется мнѣ покуда . . . .
Зачѣмъ, когда всё весело и ладно

Клеится на яву, — зачѣмъ мечтать,
Страдать, и уноситься безъ причины
Въ туманный міръ безплодныхъ сновидѣній? ....
По-прежнему, я часто у Елены;
Великій постъ ее мнѣ возвратилъ!
Катаюсь съ ней, гуляю; мы поемъ,
Бесѣдуемъ, читаемъ — всё какъ прежде,
Да только съ нами третій, — братъ ея,
И онъ не лишній! .... Нѣтъ! Съ его умомъ,
Съ его радушнымъ нравомъ, какъ-бы намъ
Онъ помѣшалъ? .... Теперь я свыклась съ нимъ,
И тайно насмѣхаюсь надъ собою,
Надъ робостью своею неумѣстной.
Владиміръ мнѣ сталъ точно братъ родной,
Любимый, уважаемый .... Онъ самъ
Повеселѣлъ; всѣ это замѣчаютъ,
Всѣ рады .... Онъ теперь почти забылъ
Превыспренніе толки о наукахъ,
Политикѣ, исторіи. — Онъ шутитъ, —
Онъ рѣзвится, съ дѣтьми, со мной, съ Еленой. —
Лишь изрѣдка, когда вдругъ невзначай
Коснется разговоръ большаго свѣта
И модныхъ дамъ, — когда произнесутъ
Чіи-то имена, то звукъ зловѣщій
Разбудитъ память въ немъ, — онъ поблѣднѣетъ,
Болѣзненно проявятся морщины
На мыслящемъ челѣ. — Тогда, онъ колко

И мѣтко сыплетъ стрѣлы злобныхъ шутокъ
На общество, а болѣе на женщинъ;
Красавицъ записныхъ перебираетъ,
Разоблачаетъ намъ ихъ тайный бытъ,
И хроники семейственныхъ соблазновъ.
Язвителенъ, жестокъ, неумолимъ,
Какъ онъ тогда величественъ, и — жалокъ!
Какъ всё въ немъ говоритъ о страшномъ горѣ,
О долгомъ испытаньи! . . . . Страстный голосъ
Холодность словъ его опровергаетъ . . . .
Притворство лицемѣрія разитъ онъ,
Безчувствіе кокетства онъ караетъ . . . .
И бѣдный женскій полъ онъ топчетъ въ
прахъ! . . . .
Но какъ пѣнять ему? . . . . Онъ былъ обма-
нутъ,
Предательски отверженъ, — завлеченъ
И брошенъ вдругъ безсовѣстной измѣной . . . .
Потомъ, онъ успокоится, нѣмѣетъ; —
И наконецъ, прибавитъ, запинаясь,
Что только первый пылъ и жаръ неложный
Дѣвической души его согрѣетъ, —
Что первая любовь младаго сердца
Одна могла-бъ его вновь оживить . . . .
Что только лишь такой любви святой
Еще желать, еще искать онъ можетъ . . . .
Вчера, прервавши вдругъ порывъ подобный,
Не досказавши словъ суда и мести,
Разсѣянья онъ захотѣлъ себѣ
И намъ, его волненьемъ зараженнымъ,

Онъ громко сталъ читать. — Такія чтенья
Любимый праздникъ мой! — Душой и сердцемъ
Я слушаю могучій, чистый голосъ,
Столь полный выраженья. Онъ звучитъ,
Какъ ропотъ грустной тайны, — какъ призывъ
Плѣнительный и страстный .... Онъ постигъ
Всѣ красоты роднаго языка,
И русскую поэзію онъ любитъ.
Въ его устахъ она такъ сладко льется,
Такъ хорошо, — что слушая его,
Въ груди моей любовь къ отчизнѣ милой
И преданнѣй, и пламеннѣй горитъ.
Случайно-ли, — нарочно-ли, — кто знаетъ? —
Но Плѣнника Кавказскаго он выбралъ ....
О! никогда не позабуду я
Высокаго, святаго наслажденья!
О! никогда не позабуду я
Ни слезъ моихъ, ни трепета, ни муки,
Когда свою печаль, свои страданья
Онъ выражалъ поэта мощнымъ словомъ,
И вопль души своей опустошенной
Сливалъ съ чужой тоской, съ сердечнымъ воплемъ
Героя Пушкина .... Мнѣ больно было
И горько .... за него! .... Казалось мнѣ,
Я ненавижу ту, — кого любилъ онъ,
Къ которой онъ въ разлукѣ обращалъ
Столь страстные, столь нѣжные упреки ....

Но кто-жъ она, та женщина пустая,
Кто не постигла счастья своего?
Но кто-жъ она, — кто безъ любви его
Умѣла привязать, — могла отринуть? ....

ГЛАВА VI.

ОНА ЛЮБИТЪ.

But sweeter still than this, than that, than all,
Is first and passionate love! . . . .

(Byron, Don-Juan.)

Il y a dans le coeur d'une femme qui commence
à aimer un immense besoin de souffrir.

(Charles Nodier.)

Duopo ho d'amarti, e duopo ho che tu m'ami
Di quel amor si pio, si ver', si forte,
Che abbella e vita, e gioie, e strassi, e morte.

(Silvio Pellico.)

I.

Pour mieux punir sa perfidie,
Je veux tout ce soir le bouder.

25 Февраля 18....

Сегодня я собою недовольна:
Я добрую Елену огорчила;
Я показалась ей неблагодарной,
Я глупою, заносчивой дѣвчонкой
Представила себя передъ чужими
И передъ нимъ.... предъ строгимъ судіей
Моей безумной блажи.... Что̀ онъ скажетъ?
Что̀ обо мнѣ онъ думаетъ теперь?....

Съ Владиміромъ я въ ссорѣ третій день....
Вотъ почему: (самой себѣ мнѣ стыдно
Признаться въ томъ, но, слово я дала, —

И мой дневникъ, какъ духовникъ безмолвный
Узнаетъ каждый шагъ мой, каждый трепетъ!)

Я слышала, бывало, отъ Елены
Что братъ ея поетъ прекрасно. Мнѣ
Давно уже его хотѣлось слышать;
Просила, приставала я, напрасно!
Упрямый причудливый — всегда
Отказомъ онъ отдѣлатся умѣлъ!
То голосъ пропадалъ, то ничего
Припомнить онъ не могъ, и отговорки
Отбили у меня просить охоту.
Третьяго дня, никто не ждалъ меня,
Я тихо пріѣзжаю, пробираюсь
Чрезъ комнаты пустыя, — нѣтъ Елены,
Нѣтъ никого; но, слышу — въ кабинетѣ
Поетъ какой-то голосъ незнакомый . . . .
На цыпочкахъ тихонько подхожу
И узнаю могучій, сильный теноръ,
Гармоніи и чудной страсти полный . . . .
То былъ Владиміръ самъ . . . . И онъ твердилъ
Одинъ романсъ, издавна мной любимый,
Прелестный Баратынскаго романсъ, —
Мѣняя только въ немъ одно лишь слово . . . .
Но это слово! . . . . Много было въ немъ
Тревожнаго и тайнаго значенья!

«Не искушай меня безъ нужды,
«Дитя, ты нѣжностью своей!

«Разочарованному чужды
«Всѣ обольщенья прошлыхъ дней!

«Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
«Ужъ я не вѣрую въ любовь,
«И не могу предаться вновь
«Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ! . . . .»

Дыханье притая, безъ силъ, безъ словъ,
Стояла я у двери растворенной . . . .
И можетъ быть, — испугъ-ли, умиленье,
Или другое что, гдѣ мнѣ упомнить?
Но, можетъ бытъ, я тронута была,
Я плакала . . . . невольно, безъ сознанья!
О! точно безъ сознанья!! . . . . Вдругъ, очнувшись,
Я слышу, замеръ пѣсни томный стихъ,
Я вижу, предо мной стоитъ Владимiръ . . . .
Съ веселою и ласковой улыбкой.
Онъ руку протянулъ къ рукѣ моей;
Но я, стыдясь невольнаго смятенья,
Я вздумала притворною досадой
Отдѣлаться отъ разговора съ нимъ,
Предупредить догадки и разспросы . . . .
И вотъ, — сколь лишь могла я, сколь съумѣла,
Насмѣшливо и колко, я его
Поздравила съ возвратомъ вожделѣннымъ
И голоса, и памяти заразъ . . . .
Онъ отвѣчалъ, что, въ этотъ день и часъ
Помолодѣвъ, онъ дивно былъ настроенъ,
Расположенъ, какъ юноша, мечталъ,

И вторилъ музыкой своимъ мечтамъ.
«Не вамъ, прибавилъ онъ, не вамъ за то
«Смѣяться надо мной, или пенять мнѣ!
«Не вамъ-бы портить мнѣ своимъ упрекомъ
«Волшебный этотъ часъ самозабвенья!»

Но знаю, что̀ мнѣ въ голову пришло,
Что̀ вдругъ меня такъ больно поразило.
Но я была въ безумьи, въ забытьи:
«Что̀ мнѣ до вашихъ грёзъ, до вашихъ думъ?»
Сказала я. «Ни права, ни желанья
«Нѣтъ у меня въ нихъ требовать отчета,
«Спѣшу оставить васъ, предайтесь имъ
«Спокойно и свободно! . . . .» И поспѣшно
Я убѣжала въ спальню, безъ оглядки,
Зовя Елену, Налю, всѣхъ домашнихъ,
Не вѣдая сама зачѣмъ, на что̀? —
Одумавшись, мнѣ стало такъ неловко,
Что начала по прежнему бояться
Я встрѣчи, и вниманья, и рѣчей
Владиміра . . . . Во весь тотъ длинный вечеръ
Я бѣгала упорно отъ него;
Елену увела смотрѣть наряды,
Въ которыхъ толку я не разумѣю, —
И до которыхъ мнѣ и дѣла нѣтъ . . . .
За чаемъ, я не сѣла близъ него,
Какъ принято у насъ. И наконецъ,
Когда онъ сталъ читать, съ дѣтьми за куклу
Я принялась . . . . Дѣтей послали спать,
А я, я предложила Мѣховскому

Играть въ пикетъ, и проиграли мы
До поздней ночи.

Кажется, Елена,
Не замѣчала странностей моихъ;
Но братъ ея, со мной прощаясь чинно,
Мнѣ на ухо шепнулъ: «Желаю скоро
«Васъ видѣть здѣсь, но только, безъ капризовъ!!»

Капризы?!! .... Боже мой! что̀ за обида!
Какъ онъ несправедливъ! .... Во всю дорогу
Я плакала, и плакала опять,
Когда одна я дома очутилась,
И спать легла .... Вчера мнѣ цѣлый день
Скучалось и грустилось .... А сегодня,
Была звана обѣдать я къ Еленѣ, —
Но написала ей, что я больна,
Чтобъ не ждали меня .... А между тѣмъ,
Мнѣ дома не сидится. Ни читать,
Ни заниматься нынче не могу я.
Сестеръ уговорила я: мы силой
Воздвигнули *Madame Dupré*, и вмѣстѣ
Отправились пѣшкомъ вдоль улицъ грязныхъ,
Дошли до Мѣховскихъ по тротуару,
Шагали осторожно мимо оконъ;
Увидѣла Елена .... И сердито
Мнѣ пальчикомъ прелестнымъ погрозила ....
Потомъ своихъ окликнула она:
Всѣ подошли .... всѣ видѣли меня,
И всѣ, казалось мнѣ, дивились съ нею ....

Вотъ скажутъ, что опять капризна я,
Что я хочу причудничать . . . . Пускай!
Мнѣ всё равно! — Лишь только больно мнѣ,
Что милая Елена усумнится,
Что, можетъ быть, подумаетъ она
Что будто съ нею быть мнѣ надоѣло . . . .
Но какъ мнѣ быть, и что-же дѣлать мнѣ,
Когда душа сама съ собой въ разладѣ,
Когда меня волнуетъ и томитъ
Смѣсь робости, боязни и досады? . . . .
О! эта ссора, это обвиненье
На сердцѣ у меня лежитъ, какъ камень,
И видитъ Богъ, какъ тяжко мнѣ теперь!

II.

Lass mich verstummen, lass mich schweigen,
Lass mir mein Herz, mein Schweigen und mein Leiden! ....

27 Февраля 18....

Мы помирились съ нимъ. Онъ мнѣ вчера
Прислалъ букетъ, — нѣтъ! самъ завезъ его,
И мнѣ велѣлъ сказать, что ждутъ меня
Для саннаго катанья у Елены.
И вотъ я вечеромъ отправилась, какъ будто
И не бывало ничего межъ нами:
Ждала распросовъ я, быть можетъ, толковъ,
Насмѣшливыхъ .... Но, по счастью,
Ошиблась я. Никто не намекнулъ
Объ укрывательствѣ моемъ. Меня
Встрѣчали, угощали, занимали ....
Мнѣ было веселѣй, безпечнѣй, чѣмъ
Когда-либо .... Владимiръ тоже веселъ
И разговорчивъ былъ .... При раставаньи
Замѣтилъ только онъ мнѣ мимоходомъ,
Что часто я задумчива теперь,

Или грустна. Онъ проситъ, умоляетъ,
Чтобъ я ему, какъ брату и какъ другу,
Открыла всё, что̀ на сердцѣ имѣю.
Онъ обѣщалъ быть тоже откровеннымъ,
Мнѣ отвѣчать на всѣ мои распросы . . . .
Да что̀-же я скажу ему? . . . . О чемъ
Мнѣ спрашивать его? . . . .

III.

J'ai bien raison de m'alarmer,
J'ai bien raison d'être peureuse . . . .
Ah! j'ai peur, j'ai peur de l'aimer!

(Comte Jules de Rességuier.)

28 Февраля 18 . . . .

Онъ хочетъ знать, зачѣмъ въ моихъ глазахъ
Примѣты слезъ . . . . . зачѣмъ я потеряла
Улыбку прежнюю . . . . зачѣмъ въ моихъ устахъ
Живыхъ рѣчей и пѣсней вдругъ не стало . . . .
Ему-ли трудно отгадать
То, что̀ не смѣю я сказать?

Бывало я съ довѣріемъ безпечнымъ
Задумчивый его встрѣчала взоръ;
Бывало, ласково, съ спокойствіемъ сердечнымъ
Я съ нимъ вела короткій разговоръ . . . .
Теперь, боюсь его очей
Боюсь ласкающихъ рѣчей!

Его слова мнѣ на душу запали,
Его глаза преслѣдуютъ меня;
Отсутствія часы мнѣ длинной казнью стали
И лишь при немъ живу и мыслю я:
О! кто пойметъ, кто объяснитъ
Чѣмъ сердце полно, чѣмъ болитъ?

IV.

Ich bin mündig, — denn ich liebe!
(Schiller's Thecla.)

1 Марта 18....

Владимiръ .... какъ онъ добръ! какъ чудно добръ!
Какъ я люблю его! ....

Что̀ я сказала? ....
Ну, да! Не стану лгать передъ собой ....
И лгать къ чему? .... Люблю его, люблю
Всей силою, всей мощью, всѣмъ умѣньемъ
Восторженнаго сердца моего ....
Люблю его ... давно!! .... Съ тѣхъ самыхъ
поръ,
Что онъ предсталъ мнѣ въ первый разъ,
какъ генiй,
Осуществитель тайныхъ сердца думъ,
Какъ посланный съ небесъ, предвозвѣщенный
Самой судьбой .... какъ божество, какъ радость,
Какъ солнце для безрадостной слѣпой,

Прозрѣвшей жизнь и міръ съ его явленьемъ! . . . .
И даже мнѣ теперь приходитъ въ мысль,
Что я его любила прежде . . . . . тайно,
Невнятно, какъ во снѣ, ... когда, заочно,
Онъ по словамъ другихъ мнѣ былъ знакомъ,
И повѣстью своей смущалъ меня;
Когда черты его мечтамъ моимъ
Всё грезились, чудесно создаваясь
Въ взволнованномъ умѣ . . . . Любила я,
Своей любви сама не понимая,
И онъ пришелъ, и любимъ мы вдвоемъ,
Мнѣ кажется . . . . И тайну роковую,
Томленьемъ и тоской я поняла.

V.

I share with thee every thought that delights me
I read; it is only to tell thee again;
I have not a feeling on earth but unites me
To thee .... be it intellect, pleasure, or pain!

2 Марта 18....

Люблю тебя, люблю тебя,
Я тайну сердца разгадала,
Я въ сердцѣ робкомъ прочитала,
Чтò долго крылось отъ меня.
Я знаю, чтò сбылось съ душою,
И почему тоскую я ....
Я очарована тобою,
Люблю тебя! ....

Когда на балѣ вальсъ безумный
Чету уноситъ за четой,
Когда въ толпѣ свѣтло и шумно,
Привольно младости живой, —
Тогда, въ тиши уединенья,
Отъ всѣхъ веселій бытія
Одно дано мнѣ услажденье:
Люблю тебя!

Когда, читая, увлекаюсь
Я краснорѣчіемъ страстей;
Когда я пѣснью восхищаюсь,
Иль есть мечта въ душѣ моей;
Тебя видѣнье мнѣ являетъ,
Съ тобой дѣлю всѣ чувства я;
Припѣвъ одинъ лишь сердце знаетъ:
Люблю тебя!

Когда съ людьми я, и придется
Мнѣ въ жизни ихъ участье брать:
Смѣяться, если имъ смѣется,
Ихъ мыслямъ мыслью отвѣчать, —
Я говорящимъ не внимаю;
Ихъ міръ — міръ чуждый для меня;
Со мною ты! . . . . Я повторяю:
Люблю тебя!

И если смерть рукой холодной
Нить жизни юной перерветъ,
Душѣ откроетъ путь свободный,
Меня на вѣчность призоветъ;
Когда житейское забуду,
Когда съ землей прощуся я,
Шептать, смыкая очи, буду:
Люблю тебя! . . . .

VI.

C'est j'ai rencontré des regards, dont la flamme
Semble avec mes regards et briller et mourir,
Et cette âme soeur de mon âme,
Hélas! que j'attendais pour aimer et souffrir.

(Victor Hugo.)

8 Марта 18....

Такъ я люблю его .... мнѣ сердце всё сказало:
То чувство, что̀ мнѣ жизнь и сладость бытія,
Я дружбою его напрасно называла,
И мнила обмануть себя!
Оно — любовь! .... Теперь я это знаю! ....
Любовь, любовь въ душѣ моей горитъ,
Ее, себя, — я нынѣ понимаю,
И голосъ сердца говоритъ!
При первой встрѣчѣ съ нимъ, въ день перваго свиданья,
Судьба таинственной связала цѣпью насъ.
Я не ждала его, но предвѣщанья
Мнѣ привели его, въ урочный, вѣщій часъ,
Имъ просіялъ, имъ былъ ознаменованъ
Печальный года часъ, какъ новою зарей:

Имъ жизни путь далекій очарованъ,
Онъ жизни цѣль и смыслъ принесъ съ собой.
Власть непонятная насъ сблизила, сроднила,
Отъ сердца сердцу вѣсть желанная пришла;
Всё то, что̀ сладкое предчувствіе сулило,
Всё, что̀ ждала мечта, — я въ немъ вполнѣ нашла.
Онъ раздѣлилъ младой души волненье,
Души испытанной дѣлю страданья я;
Отъ прежнихъ мукъ ему я утѣшенье,
А онъ — грядущаго отрада для меня! . . . .
Въ моемъ присутствіи онъ тихо оживаетъ;
Перестаетъ роптать, не проклинаетъ свѣтъ,
И вѣроломные обѣты забываетъ,
Чтобъ недомолвленный отгадывать обѣтъ . . . .
Ко мнѣ, ко мнѣ, онъ, гордый, непокорный,
Онъ, женскихъ козней врагъ, невольно привлеченъ, ...
Онъ для меня разстался съ думой черной,
И вѣрою моей согрѣтъ, и вѣритъ онъ.

VII.

Le doute, si dramatique en amour.
(Balzac.)

12 Марта 18. . .

Когда я съ нимъ . . . . когда въ глазахъ его
Горитъ и блещетъ зной мятежный;
Когда, какъ счастья вѣсть, до слуха моего
Доходитъ голосъ томно-нѣжный . . . .
О! я блаженствую . . . . я вѣрю . . . . я люблю . . . .
Въ душѣ молчитъ змѣя сомнѣнья, —
И мнится мнѣ тогда: онъ понялъ страсть мою,
И дѣлитъ онъ мое волненье! . . . .

Но въ тѣ часы, какъ нѣтъ его со мной,
Когда томитъ меня разлука, —
Мнѣ въ сердце страхъ и скорбь внушаетъ демонъ злой,
Моею забавляясь мукой.
Я снова трепещу . . . . Что̀ любитъ онъ меня —
Не вѣрится душѣ тревожной;
Я знаю, искренна, свята любовь моя . . . .
Но страсть его . . . . не сонъ-ли ложный? . . . .

VIII.

«Горе мнѣ! какіе звуки!
«Пламень души всю проникъ ....»
(Жуковскій.)

14 Марта 18....

Въ концертъ меня возили. *Stabat-Mater* *)
Придворныхъ пѣвчихъ хоръ давалъ. Мы были
Всѣ трое тутъ: Елена, онъ и я.
Всѣ трое, съ страстнымъ, чуднымъ, мощнымъ плачемъ

*) Перголезовскій, разумѣется. — Прелестная опера, которую, неизвѣстно почему, Россини угодно было назвать *Stabat-Mater*, всегда внушала мнѣ непреодолимое желаніе написать для нея слова и либретто героико-аморознаго духа и содержанія. Даже та арія, которую такъ чудно гремѣлъ нашъ Рубини, напоминаетъ побѣдное шествіе тріумфатора, торжественный гимнъ счастливаго *promesso-sposo*; — но до Богородицы, до смертельной истомы Ея передъ Спасителемъ на Крестѣ, — далеко этой блестящей и веселой музыкѣ, почти не выходящей изъ мажорныхъ тоновъ! Перголезе понялъ характеръ церковной музыки, и его *Stabat-Mater* достигъ своего назначенія. Россини увлекся привычкой, и сочинилъ оперу. — У перваго звучитъ молитва, плачетъ страданье. У втораго земная страсть ждетъ земныхъ выраженій.

Скорбящей Богоматери сливаясь,
Мы плакали навзрыдъ, вся зала съ нами . . . .
Нѣтъ, то не музыка земная, не аккорды,
Не пѣсни, не молитвы! То отрывокъ
Небесныхъ гимновъ ангельскихъ, въ минуту
Высокую и страшную предсмертныхъ
Господнихъ мукъ, наполнившихъ стенаньемъ
Пространство горнее и высшій міръ! . . . .
Нѣтъ, то не дивное созданье мысли,
Искусства или слуха: то святыня
И таинство, то вдохновенье свыше,
То Божій духъ, сошедшій откровеньемъ
Въ горящую и вѣрящую душу! . . . .

Какъ листъ дрожала я, мои рыданья
Изъ глубины груди моей разбитой
Насильно вырывались . . . . Я боялась
Волненіемъ моимъ нарушить
Приличіе и чинность свѣтской формы:
Но, близъ меня сидѣвшій, вдругъ Владиміръ
Тихонько взялъ меня за руку: тотчасъ
Я успокоилась . . . . Гляжу, онъ блѣденъ,
Онъ дышетъ тяжело, онъ самъ едва
Удерживать умѣетъ силой воли
Чувствительности взрывъ, таимый имъ.
Онъ въ трепетѣ нервическомъ, для вида,
Разсѣянно щипалъ султанъ на шляпѣ,
И сыпались поломанныя перья
Вокругъ него, и даже на меня,
Какъ прихоти безпомощныя жертвы . . . .

Невольно, безъ сознанья, я нагнулась,
Я подняла одно изъ этихъ перьевъ . . . .
И спрятала его въ рукѣ дрожащей . . . .
Онъ увидалъ, ... онъ улыбнулся мнѣ
Такъ сладостно, такъ грустно и такъ нѣжно,
Что взоръ мой опустился, упоенный! . . . .
Съ тѣхъ поръ, ношу всегда, вездѣ съ собой
Завѣтное перо, залогъ мгновенья,
Столь полнаго и чувства, и значенья.
Я въ лоскутовъ его зашила, и
На бьющемься мятежно-страстномъ сердцѣ
Держу и берегу мой легкій кладъ,
Богатый для меня воспоминаньемъ
И, можетъ быть, надеждой . . . . Боже мой!
Кто разгадаетъ мнѣ мою надежду?

Вчера, однако, бѣгая съ дѣтьми
Я выронила мой завѣтный кладъ:
Онъ поднялъ мнѣ его; потомъ лукаво
Спросилъ, что въ немъ за талисманъ таится?
Я страшно испугалась . . . . Что̀ сказать?
Какую ложь придумать? . . . . И зачѣмъ,
Зачѣмъ обманъ? . . . . Но правду отвѣчать, —
Но истины завѣтной выдать тайну, —
Я тоже не могла . . . . я промолчала;
Я убѣжала прочь . . . . Мой талисманъ!! . . . .
Да, онъ нашелъ приличное названье
Сокровищу невинному! — Шутя,
Онъ угадалъ значеніе и цѣну
Предмета, столь ничтожнаго для взоровъ . . . .

Но только талисманъ наружный мой
Есть лишь символъ другаго: зримый образъ
Незримаго, душевнаго! . . . . Того
Никто, никто не можетъ разгадать,
Никто . . . . ни даже онъ, онъ самъ не знаетъ!

Есть талисманъ священный у меня.
Храню его: въ немъ сердца все имѣнье,
Въ немъ цѣль надеждъ, въ немъ узелъ бытія,
Грядущаго залогъ, дней прошлыхъ упоенье.
Онъ не браслетъ съ таинственнымъ замкомъ,
Онъ не кольцо съ завѣтными словами,
Онъ не письмо съ признаньемъ и мольбами;
Не милымъ именемъ наполненный альбомъ
И не перо изъ бѣлаго султана . . . .
И не портретъ подъ крышею двойной . . . .
Но людямъ не назвать во вѣки талисмана,
Не отгадать имъ тайны дорогой,
Мнѣ талисманъ дороже упованья:
Я за него отдамъ сейчасъ и жизнь и кровь.
Мой талисманъ — воспоминанье,
И неизмѣнная любовь! . . . .

———

IX.

Quand je l'eus vu . . . . le vide de mon coeur était rempli!

(Elisa Rivers.)

25 Марта 18 . . . .

Онъ говоритъ глаголомъ вдохновенья,
Въ глазахъ его нездѣшній лучъ горитъ,
На немъ печать могучаго стремленья,
Онъ всѣхъ къ себѣ влечетъ, и всѣхъ собой дивитъ.
Онъ нѣжное внушаетъ уваженье,
Онъ сотворенъ, чтобъ святость дружбы знать;
Онъ испыталъ младой любви волненье . . . .
Но не съумѣлъ въ ней счастія сыскать.
Любовь къ отечеству, отваги духъ высскій,
Прямая честь и правда дышатъ въ немъ;
Къ добру открылъ онъ путь себѣ широкій,
И съ бодростью идетъ своимъ путемъ.
Онъ вѣруетъ въ величіе искусства,
Въ таинственность, въ значеніе его,
Въ поэзію, въ гармонію и въ чувство . . . .

Не дѣлитъ онъ хладъ вѣка своего,
Не увлеченъ припадкомъ вычисленій,
Наукой цифръ, убійственно-сухой;
Не захватилъ его ознобъ мірскихъ сомнѣній:
Онъ съ дерзкою не возстаетъ хулой
На алтари, на Бога, на законы . . . .
Не вопіетъ онъ съ братьей молодой
На всё, что̀ вѣкъ надмѣнный, несмышлёный,
Преслѣдуетъ безумною враждой . . . .
Онъ не таковъ! . . . . въ его душѣ прекрасной
Почтенье есть къ святынѣ, къ небесамъ,
И вѣрѣ съ нимъ легко и безопасно,
И молодымъ не страшенъ онъ сердцамъ! . . . .

Онъ простъ въ словахъ, въ поступкахъ, въ обхожденьи,
Онъ молчаливъ, разсѣянъ и угрюмъ:
То углубленъ въ житейскомъ размышленьи,
То воспаритъ въ міръ сновъ, мечты и думъ.
Онъ холоденъ на видъ, но ясно пламенѣетъ
Огонь въ груди его, сокрытый и нѣмой.
Онъ всё цѣнить, всё понимать умѣетъ,
Онъ разгадалъ весь міръ своей мечтой:
Въ душѣ его, страданьемъ очищенной,
Чужая скорбь найдетъ отвѣтъ себѣ;
И милости, и жалости священной
Доступенъ онъ, испытанный въ борьбѣ.
Что̀ въ избранныхъ залогъ отъ неба благодатный,
Что̀ въ мыслящихъ толпу бездушную смѣшитъ,
Что̀ свѣту въ нихъ и дико и невнятно,

Всё лучшее въ душѣ — въ груди его горитъ,
Обманутъ онъ; . . . . но пылкія мечтанья
Онъ съ опытомъ холоднымъ сочеталъ;
Онъ сердца жаръ и блескъ очарованья
Съ мятежнымъ пламенемъ страстей не потерялъ.
Нѣтъ! . . . въ немъ душа живая не остыла,
Онъ искренно вновь можетъ полюбить . . . .
И счастлива изъ женъ та, чей взоръ милый
Преднареченъ его обворожить!! . . . .

ГЛАВА VII.

НЕДОУМѢНЬЯ.

Il dit que mon regard est pur comme un beau jour,
Il dit qu'il est touché de ma pâleur réveuse;
Il dit que tous ses voeux sont de me voir heureuse;
Mais il ne parle pas d'amour! ....

(Léona.)

Que de fois de mes yeux une larme échappée
Me fit dire en tremblant: «Si je m'étais trompée ....
«Si tout n'était que rêve et erreur? ....
L'absence, oh! que l'absence est une amère chose,
Quand s'effrayant d'aimer, le coeur se trouble, et n'ose
Croire à l'amour d'un autre coeur! ....

(M-me Melanie Waldor.)

I.

The heart has its omens . . . . and mine are of sorrow
I know that my future has anguish and tears.

3 Апрѣля 18 . . . .

У Мѣховскихъ прервались дни веселья,
Ихъ свѣтлый домъ на время опустѣлъ:
Ужъ нѣтъ у нихъ Владиміра. Въ деревню
Уѣхалъ онъ. — Но, къ счастью, не надолго;
Какія-то дѣла онъ долженъ кончить, —
Потомъ вернется снова, слава Богу! . . . .

Съ его сестрой, въ отсутствіи его
Скучаю я, — скучаю нестерпимо:
Ни въ чемъ мнѣ безъ него отрады нѣтъ,
Ни въ чемъ участья я не принимаю.
И страшно мнѣ самой, что я могла
Въ такъ мало дней такъ много измѣниться,
Такъ искренно къ нему привыкнуть; страшно,
Что жизни онъ моей необходимъ.

Сестра его теперь гораздо меньше
Груститъ о немъ и думаетъ, чѣмъ я.
Сестра?! . . . Но что̀ сестра передо мною?
Какъ сравнивать съ ея спокойнымъ чувствомъ
Мой пламенный, болѣзненный порывъ,
Мою тоску, тревожную, нѣмую?
Зачѣмъ пустымъ сравненьемъ измѣрять
Неизмѣримое, младаго сердца
Единую и первую любовь? . . . .
Невѣденьемъ обманывать себя
Прошла пора, . . . прошла на вѣкъ: я знаю,
Какъ мнѣ назвать, что чувствую къ нему:
Люблю его . . . . люблю не такъ, какъ брата, ...
Люблю . . . . безъ толкованій, просто, такъ,
Какъ женщинѣ дано любить, — всѣмъ сердцемъ.

А онъ? . . . . Что̀ я ему? . . . Какъ онъ меня,
Какимъ живымъ, иль мертвымъ чувствомъ
любитъ!! . .
Груститъ-ли онъ теперь по мнѣ въ разлукѣ? . . . .
Или спокоенъ? Что̀, — когда вдали
И безъ меня легко ему живется? . . . .
Когда онъ былъ со мной, — когда при немъ
Я жить, мечтать, блаженствовать спѣшила, —
Сомнѣніямъ не предавалась я,
Не думала, не размышляла. Нѣтъ, —
Соображать не могъ тревожный умъ,
Чѣмъ счастлива бывала я, — зачѣмъ
Такъ радостно и скоро сердце билось?
Сіяньемъ ослѣпительнаго блеска

Озарена, не спрашивала я,
Откуда падалъ свѣтъ? . . . . Любя сама, —
Не спрашивала я средь упоенья,
Любима-ль я, иль нѣтъ? . . . .

Теперь, одна.
Я въ память прихожу, ... и хладъ разлуки
Обвѣялъ, освѣжилъ и душу мнѣ,
И мыслящій разсудокъ. Разбираю,
Допытываюсь я, разузнаю,
Кто мнѣ велѣлъ надѣяться и вѣрить? . . . .
На чемъ надежда робкая моя
Волшебный и воздушный свой чертогъ
Такъ смѣло, такъ поспѣшно основала? . . . .
Слова его, поступки и намёки,
И бѣглую игру его лица.
Всё, всё хочу припомнить, объяснить:
Хочу рѣшить задачу роковую, —
И если я ошиблась — пусть ошибку
Увижу я свою, — и прокляну!
А тамъ . . . . пусть Богъ помилуетъ меня! . . . .
Онъ никогда не говорилъ люблю,
Но онъ глядѣлъ такъ долго и такъ нѣжно! . . . .
Онъ тайну мнѣ не досказалъ свою,
Но взоръ его горѣлъ мечтой мятежной;
Не требовалъ, не далъ онъ клятвъ святыхъ, —
Но онъ просилъ довѣрія, участья, ...
Но онъ твердилъ о вѣчномъ, чудномъ счастьѣ,
И голосъ, полный томной страсти,
Дополнилъ смыслъ рѣчей пустыхъ.

Онъ не ловилъ признанья моего,
Но онъ искалъ, онъ ждалъ меня съ томленьемъ;
Всегда меня встрѣчалъ привѣтъ его
Улыбкою и радостнымъ волненьемъ.
Онъ не спросилъ — умѣю-ль я любить, —
Но нравиться, но милымъ быть старался; —
Не плакалъ онъ, когда со мной прощался,
Но онъ такъ гордо любовался
Слезой, что̀ я хотѣла скрыть!

Онъ не сказалъ: «пріѣду, жди меня!»
Но онъ сказалъ: «меня не забывайте!»
Безъ словъ была я, голову склона,
И грустно мнѣ онъ молвилъ: «руку дайте!»
И крѣпко мнѣ сжималъ её потомъ,
И нехотя, насильно разставался, ...
Простясь, сто разъ ко мнѣ вновь обращался,
И такъ отрадно, улыбался,
Махая бѣлымъ мнѣ платкомъ! . . . .

II.

Le badinage le plus doux
Finit quelquefois par des larmes.

(M-me Desbordes-Walmore.)

17 Апрѣля 18....

Мои стихи .... я ненавижу ихъ!! ....
Они виной ужасной пытки мнѣ ....
Предательски они изобличили
Безумную, но милую мнѣ тайну ...
Ихъ видѣла, ихъ вырвала Елена
Изъ рукъ моихъ, смѣясь и торжествуя,
Дразня меня названіемъ Коринны,
Новѣйшей Сафо — маленькой Жоржъ-Сандъ ....
Ихъ хочетъ показать, ихъ перешлетъ
Она къ Владиміру .... О! какъ кляну
Теперь тебя я, неумѣстный даръ, —
И васъ, досуговъ дѣтскихъ вдохновенья,
Васъ, наущенья думы молодой!!
Напрасно я отъ всѣхъ, и отъ самой

Елены даже тщательно таила
Страницы дневника, гдѣ иногда
Перо мое довѣрчиво сбирало
Души моей живыя изліянья;
Напрасно эти гимны безъ искусства
Я думала навѣки схоронить,
Въ забвеньи, молчаньи, недоступномъ
Чужому взору . . . . Нынче поутру
Меня Елена неожиданно застала
Съ какой-то новой пѣснію въ рукахъ, —
Подкралась, ... прочитала . . . . унесла, —
Схватила на столѣ моемъ записки,
Перелистала всё . . . . И поняла!! . . . .
И поняла всё то, что̀ я скрывала,
О чемъ и съ ней молчать хотѣла я! . . . .
Понравились ей этѣ бредни, грёзы, —
И вздумала она разсѣять ими
Уединенья брата, — хочетъ знать,
Какъ онъ, знатокъ искусный, ихъ оцѣнитъ? . . . .
Напрасно я съ слезами умоляла, —
Напрасно передъ нею на колѣнахъ
Стояла я: — она неумолима! . . . .
Лишь только я успѣла упросить,
Не сказывать Владиміру, откуда,
И отъ кого стихи она взяла.
Безъ имени, какъ опытъ посторонній,
Онъ ихъ прочтетъ . . . . Но если онъ узнаетъ? . . . .
Но если угадаетъ онъ меня? . . . .
Заранѣе краснѣю! . . . . — Страшно мнѣ,

И стыдно за одно, — какъ-будто я
Уличена въ какомъ-то преступленьи . . . .

Какъ встрѣчусь я съ Владиміромъ потомъ?
Какъ самъ меня онъ приметъ, если вдругъ
Пойметъ онъ тайный смыслъ моихъ стиховъ,
Пойметъ меня, неузнанную прежде? . . . .
А не понять не можетъ онъ, не можетъ!!
Онъ слишкомъ хорошо слѣдилъ за мной,
Онъ слишкомъ изучалъ мое смятенье!

Какъ предо мной Елена виновата! . . . .
Такъ легкомысленно со мной она
И такъ безжалостно могла-ль шутить?
Должна-ль она была играть безпечно
Моей завѣтной тайной, чувствомъ робкимъ
И недоступнымъ? . . . . Ахъ! и я глупа! . . . .
Чему дивлюся я? . . . . Она спокойна,
И весела и счастлива себѣ,
Какъ ласточка въ своемъ родномъ гнѣздѣ.
Гдѣ-жь ей понять, гдѣ-жь ей беречь и нѣжить
Въ чужой душѣ мучительную страсть
И чуткую, болѣзненную робость
Любви нераздѣленной, одинокой? . . . .
Какъ можно ей, владычицѣ сердецъ,
Привыкнувшей къ всемірнымъ поклоненьямъ,
Предугадать, что̀ женщина другая
Должна терпѣть, когда въ замѣнъ любви
Ей хладное грозитъ пренебреженье?

Во всемъ, во всемъ сама я виновата:
Зачѣмъ мечтамъ давала волю я? . . . .
Зачѣмъ во мнѣ такъ сердце говорливо,
И высказать рѣшилось на словахъ
Восторги, вдохновенья, ожиданья,
Ненужныя . . . . напрасныя? . . . . О Боже! . . . .
Чѣмъ кончится всё это! . . . . Страшно мнѣ! . . . .

III.

Douter — c'est espérer.

19 Апрѣля 18....

Что̀ сдѣлалось со мной? .... страхъ чудный, непонятный
Волнуетъ сердце мнѣ, съ тѣхъ поръ какъ знаю я,
Что роковая вѣсть умчалась невозвратно,
Что тайна робкая откроется моя! ....
И такъ, спасенья нѣтъ, и скоро онъ узнаетъ
Всё, что̀ мнѣ душу тяготитъ?
За часомъ часъ идетъ, за ночью день мелькаетъ,
Мое безумное признаніе летитъ ....
Летитъ какъ молнія, ... какъ радость отъ несчастныхъ,
И долетитъ къ нему, ... домчится! Боже мой!
Пойметъ-ли сердцемъ онъ значенье гимновъ страстныхъ,

Въ сердечной полнотѣ сложенныхъ мной? . . . .
Встревожитъ-ли его мое волненье?
Раздѣлитъ-ли мое онъ увлеченье?
Воспламенится-ли душой? . . . .
Всегда обманутый, рабъ жалкаго искусства,
Онъ былъ игралищемъ кокетокъ записныхъ;
Онъ позабылъ давно языкъ прямаго чувства;
Не вѣритъ женщинамъ, возненавидѣлъ ихъ . . . .
Съ толпою вѣтренной, коварной и холодной
Меня смѣшаетъ онъ, и вмѣстѣ проклянетъ;
Онъ назоветъ меня мечтательницей модной,
И голосъ искренній лишь ложью назоветъ . . . .
Онъ можетъ, строгости разсудка предаваясь,
За легкомысліе безумную винить;
Подумать, что хочу, тщеславьемъ увлекаясь,
Изъ шалости ему я голову вскружить . . . .
И онъ заплатитъ мнѣ насмѣшливымъ пре-
зрѣньемъ.
Его презрѣніе?! . . . . Оно убьетъ меня! . . . .
Вражду всеобщую приму съ пренебреженьемъ,
Но противъ мнѣнія его безсильна я!

О! сердце вѣщее, о! сердце молодое,
Не даромъ тяжко ноешь ты!
Не даромъ на душу уныніе нѣмое
Наводитъ черныя мечты!
Не даромъ тайное предчувствіе всечасно
Сулитъ мнѣ грусть, бѣдой грозитъ:
Не даромъ подъ окномъ, въ полночь, пророкъ
опасный,

Злой воронъ, воетъ и кричитъ:
Несчастье надо мной нависло мрачной тучей,
Оно обрушится, ... сразитъ, ...
И отверженіе своей печатью жгучей
Любовь младую заклеймитъ! . . . .

Сердце замерло, застыло,
Холодъ душу оковалъ,
Предо мной въ дали унылой
Всё темно, какъ подъ могилой;
Упованья лучъ пропалъ.
Сердце вздрогнетъ и забьется,
Пробужденное тоской:
Я смотрю: — вотъ онъ смѣется . . . .
Я внимаю: раздается
Осужденье надо мной! . . . .

О! какъ страдаю я! . . . . Но смутное волненье,
Но слёзы, страхъ, тоска, томящіе меня,
И неизвѣстности всѣ скорби и мученья, —
Ихъ промѣнять не соглашуся я
На безотрадную извѣстность горькой доли,
На подтверженіе несчастья моего . . . .
Кто любитъ искренно, тотъ робокъ поневолѣ, —
Боюсь его, боюсь его! . . . .

Нѣтъ! не хочу я знать убійственное мнѣнье,
Холоднаго судьи холодный приговоръ;
Нѣтъ! не хочу предъ нимъ, краснѣя отъ смятенья,
Читать въ глазахъ его насмѣшку и укоръ.

Помедли, рокъ неумолимый,
Свиданья часъ не приближай,
Моей души мечты любимой
Не разувѣрь, не разрушай! . . .

Теперь, я трепещу порою упованьемъ,
Теперь приходитъ мнѣ думъ свѣтлыхъ череда, . . .
Тогда-жъ прощуся я съ надеждой, съ ожиданьемъ,
И сердца жизнь померкнетъ навсегда!

IV.

On souffre de l'incertitude,
On meurt de la réalité!

(M-me Desbordes-Walmore.)

2 Мая 18....

Безумная! .... Чего-жъ страшилась я? ....

Всё кончено! прошло! .... Не разразившись
Надъ головой моей, склоненной всуе,
Громовая минула туча .... Мимо
И безъ вреда ударъ грозы пронесся.
Владиміръ здѣсь: мы свидѣлись .... спокойно,
Безъ объясненій, чинно .... Не нашла
Ни перемѣны въ немъ я, ни волненья;
По прежнему внимателенъ, привѣтливъ;
По прежнему со мной онъ веселъ, шутитъ,
По прежнему ему загадкой я! ....
Да! тщетно онъ въ разсѣянныхъ рукахъ
Держалъ мои горячія признанья,
Не понялъ онъ, — не разгадалъ ихъ тайны!
Онъ не узналъ въ нихъ страсти безъименной!....

Ему онѣ, какъ сказано, стихи
Чіи-то, и откуда-то! Онъ вѣритъ,
Что это сочиненья чуждой музы,
Созданія далекой незнакомки . . . .
Ни тѣни подозрѣнья на меня
Не бросилъ даже онъ, неблагодарный! . . . .

Тѣмъ лучше!! . . . . рада я!! Теперь я знаю,
Какъ глупо я, какъ пошло ошибалась . . . .
Теперь, — спокойна я . . . . или должна
Спокойной быть: мнѣ нечего ужъ ждать!
Мнѣ нечего бояться иль робѣть,
Бѣжать его догадокъ иль презрѣнья.
Я, для него, лишь дѣвочка простая,
Любимица сестры его, — ребенокъ,
Ничтожное и темное созданье, —
Въ которомъ онъ ни чувства, ни ума,
Ни сердца, можетъ быть, не полагаетъ! . . . .
Мой голосъ задушевный, мысль моя,
Всё это лишь поэзія и сказка,
Которой онъ не понялъ содержанья!
Нѣтъ, безвнимательный, не знаетъ онъ,
Что я могу мечтать, грустить, любить . . . .
За вымыселъ холодный принялъ онъ
Святую истину! . . . . Вдали онъ ищетъ
Поэта неизвѣстнаго, когда
Я отъ него такъ близко!

Боже мой!
Зачѣмъ-же мнѣ, напрасно ослѣпленной,

Казалося .... столь многое? .... зачѣмъ
Такъ поздно я теперь уразумѣла?
Не отгадалъ, не понялъ онъ меня,
За тѣмъ, что отгадать ему нѣтъ нужды!
Я, я была какимъ-то обаяньемъ
Упоена, взволнована, счастлива ....
Я, читала въ взорахъ безъ любви
Желанное признанье, выраженье ....
Я, межъ рѣчей пустыхъ искала смысла,
Значенія и тайны, мнѣ отрадной ....
Онъ не любилъ, не любитъ онъ меня,
Не думаетъ о мнѣ .... и я ошиблась! ....

ГЛАВА VIII.

Р Е В Н О С Т Ь.

Pourquoi, par quels fatals attraits
L'air où tu vis fait-il qu'on t'aime?

(Polonius.)

.... Oh! what damned minutes tells he o'er
Who dotes, yet doubts; suspects, yet strongly loves! ....

(Shakspeare, Othello.)

.... Da steh ich,
In fürchterlicher Einsamkeit verstossen ....
Verworfen .... Nein! verdrungen, nur verdrungen
Von einer Nebenbuhlerin! .... Er liebt,
Kein Zweifel mehr! ......

(Schiller, Don Carlos.)

Une autre le verra, tendre et triste près d'elle,
Vivre de ses regards, frissonner de sa voix! ....

(M-me Desbordes Valmore.)

I.

I thought, my jealous heart would brake ....

(Byron.)

J'enviais la beauté de ses traits,
En l'admirant mes yeux se remplissaient de larmes,
Et triste, humiliée, alors je comparais
Le deuil de mon visage à l'éclat de ses charmes.

(Delphine Gay.)

14 Мая 18....

Брожу внизу по длинной, темной залѣ,
По комнатамъ парадным, опустѣвшимъ,
Въ ночную пору .... Сонъ не освѣжитъ
Меня своимъ спасительнымъ забвеньемъ.
Безумная, съ горячей головой,
Съ трепещущимъ, ожесточеннымъ сердцемъ,
Хожу, бѣгу .... себѣ ломаю руки ....
Нѣтъ слёзъ въ глазахъ, нѣтъ въ памяти моей
Ни связи, ни порядка .... Я страдаю ....
Мнѣ тяжело! ....

Вотъ что̀ со мной случилось:
Я видѣла, я знала, что меня

Не любитъ онъ; но, холоденъ ко мнѣ,
Онъ холоденъ равно былъ ко всему,
Ко всѣмъ другимъ; въ немъ сердце было мертво,
Свободно и ничьё .... Но, горе мнѣ!!
Но нынче мнѣ пришлось понять и видѣть,
Что можетъ жить оно не для меня! ....
Что можетъ онъ любить .... любить другую!
Какая-то красавица, — вдова,
Сказала мнѣ, — Елену навѣщала, —
Нарядная, веселая, живая,
Блестящая всѣмъ цвѣтомъ жизни свѣтовой,
Всей гордостью души самодовольной ....
И онъ, нашъ мизантропъ, нашъ нелюдимъ,
Обманутый и опытный Владиміръ,
Онъ былъ у ногъ ея .... Онъ увлекался
Старинною привычкой волокитства,
Явился вновь ловителемъ сердецъ ....
Забытую искательства науку,
Хвалу и лесть влюбленныхъ поклоненій, —
Всё для нея припомнилъ онъ опять,
Всё расточалъ какъ щедрый чародѣй ....
Какъ взоръ его свѣтилъ, пылалъ, горѣлъ,
Встрѣчаяся съ ея лукавымъ взоромъ!
Какъ рѣчь его искусная лилась
Потоками изъ устъ медоточивыхъ! ....
Поспорить вздумалъ онъ, какъ въ старину,
Въ бою двухъ самолюбій, двухъ расчетовъ,
Въ умѣніи и навыкѣ плѣнять.
По-прежнему, онъ испытать хотѣлъ,
Удастся-ли ему обворожить

Лѣнивый слухъ надмѣнной модной дамы,
Балованную спѣсь царицы бальной ....
Но кто-жъ изъ нихъ другаго побѣдилъ? ....
Кто увлекалъ? иль кто былъ увлечёнъ?
Они равно казались заняты,
Равно одинъ другимъ довольны были? ....
И я, нѣмой свидѣтель этой сцены,
Я видѣла чужое торжество,
Ея веселый видъ, его волненье ....
И искреннимъ сравненьемъ измѣряла
Межъ ей и мной всю бездну растоянья ....
Я понимала, сколь мила она,
И сколь ничтожна я! .... Вотще хотѣла
Соперницу счастливую свою
Я подчинить нещадному разбору
Взыскательно-пристрастнаго суда:
Нѣтъ! .... зависти и ревности моей
Не удалось найти въ ней недостатокъ! ....
Всё есть у ней, всё совершенно въ ней,
И красота, и умъ, и свѣтскій навыкъ,
И даже та удачная небрежность
Въ пріемахъ, и походкѣ, и нарядѣ,
Которая лукавой простотой
Изысканности чудной утонченья
Изобличаетъ намъ .... Она мила,
Какъ рѣзвое дитя, — она опасна
Какъ хитрая царица-чародѣйка ....

И мнѣ понятно стало, почему
Владиміру такъ нравилась она,

Онъ правъ! что̀ я предъ ней? .... Но мнѣ за то
Мучительнѣй, больнѣе становилось!

Прощаяся съ Еленой, ей она
Вторичное сулила посѣщенье,
И слово съ той взяла къ себѣ пріѣхать ....
Владиміръ тоже званъ .... Они сойдутся,
Увидятся опять .... Пускай ихъ! .... Только
Чтобъ встрѣчи ихъ свидѣтель не была я! ....

II.

Но ты любить, какъ я, не можешь!
(Пушкинъ.)

16 Мая 18....

Я удивила, кажется, княжну:
Съ ней въ первый разъ сама заговорила,
Что̀ прежде невозможнымъ было мнѣ,
Какъ подвигъ сверхъ-естественный и странный;
Но — горе и нужда къ чему не склонятъ?
Чему насъ не научатъ? А вѣдь мнѣ,
Мнѣ нужно было знать и разспросить
Объ этой чаровницѣ, о богинѣ,
Разбившей въ прахъ мечты мои .... Я знаю!
Она, одна изъ тѣхъ счастливицъ свѣтскихъ,
Балованныхъ успѣхомъ и удачей,
Которыхъ жизнь лишь цѣпь всѣхъ благъ земныхъ,
Но нечему завидовать у неба.
Она знатна, богата; до-сихъ-поръ
Свободою своею наслаждаясь,
Она своимъ безсчетнымъ женихамъ

Отказомъ непреклоннымъ отвѣчала;
Но вдругъ одинъ нашелся предпочтенный,
Понравился, — она выходитъ за мужъ,
И слово ужъ дано, и скóро свадьба ....
Такъ что́-жъ она Владиміра тревожитъ?
Зачѣмъ его смущать надеждой ложной? ....
Такъ, стало-быть, она кокетка? Хочетъ
Поклонника отсталаго причесть
Ко всѣмъ другимъ? И это ей не грѣхъ? ....
И ей такой обманъ, такая шутка
Безстыдная, безчестная, возможны! ....
О! эти дамы свѣтскія! .... Гдѣ сердце,
Гдѣ совѣсть ихъ? — А онъ? .... онъ какъ наказанъ
За свой восторгъ неосторожный къ ней,
За суету исканій вѣроломныхъ! ....
Я радуюсь! .... Ахъ, нѣтъ! нѣтъ, я не рада, —
Мнѣ жаль его, мнѣ больно за него ....
Довольно онъ обманутъ былъ и преданъ, —
И вотъ ему опять обманъ готовятъ,
Еще одно грозитъ разувѣренье!
Я не должна, я не могу теперь
Своей обиды помнить и отмщать,
Себялюбиво радуясь страданьямъ
Его души .... Нѣтъ! я скорблю .... я плачу ....
Мнѣ страшно .... за него, и за себя! ....

III.

J'ai vu ses yeux dans leur douce lumière
S'attacher sur des yeux qui donnent le bonheur.

(M-me Desbordes Valmore.)

17 Мая 18....

Мученья ревности! .... Донынѣ вы одни
Моей груди еще не волновали;
Ядъ медленный снѣдающей печали,
Тоску томительной любви,
Всё испытала я, — лишь васъ душа младая,
Глухимъ предчувствіемъ заранѣй понимая,
Узнать боялася, свой жребій отгадавъ ....
Но день борьбы пришелъ, — и голосъ сердца правъ ....
Познала я ревнивыя терзанья!
День ясной радости вдругъ тучей осѣня,
Вашъ роковый ударъ нашелъ, настигъ меня,
И я томлюсь въ тоскѣ страданья!

Обворожителя обворoживъ собой,
Къ себѣ, въ глазахъ моихъ, влекла его другая ....

И онъ, обманчивой надеждой замирая,
Онъ предавался ей и сердцемъ и душой.
Онъ говорилъ такъ весело, такъ живо,
Такъ страстно на нее взиралъ!
Онъ улыбался ей краснорѣчиво,
При ней свой горькій опытъ забывалъ . . . .
Но холодно она торжествовала,
Но ложной ласкою сіялъ коварный взоръ,
Быть можетъ, о другомъ она тогда мечтала,
Другаго помнила любовный разговоръ,
Другаго мысленно въ душѣ боготворила . . . .
А для него чужда, безчувственна была!
Въ ней только гордость говорила,
Ея тщеславью только льстило,
Что новаго она поклонника нашла!

Отъ нихъ, отъ нихъ я удалялась,
И хоть на видъ спокойной оставалась, —
Въ душѣ весь адъ кипѣлъ, и волновалъ её,
И сердце сжатое мое
Отчаянья слезами обливалось.
Скрывала я безумный трепетъ свой,
Улыбкой горькой, принужденной,
И стона скорби потаенной
Не понялъ онъ, занявшись ей одной! . . . .

Съ тѣхъ поръ, я принесла въ свое уединенье
Страданья новыя и новую печаль,
И память врѣзала на вѣкъ въ свою скрижаль

День встрѣчи роковой, день тайнаго мученья.
Съ тѣхъ поръ, пугается его душа моя ....
Съ тѣхъ поръ, въ груди моей стѣсненной
Таится алчная, грызущая змѣя.
И ревность спутницей мнѣ стала неизмѣнной,
И сердце всё болитъ, и всё тоскую я!

IV.

O bon ange! veillez sur lui.

18 Мая 18....

Нѣтъ, не могу молчать, когда я знаю
Какой обманъ готовится ему.
Мнѣ кажется, какъ соучастникъ въ кражѣ,
Какъ злой сообщникъ тайнаго убійства,
Предъ совѣстью и Богомъ я грѣшна,
И чуждое добро я укрываю —
Молчаньемъ и потворствомъ! .... Да, добро
Безцѣнное! Его покой и сердце,
Разбитые, поруганные дерзко
Рукою святотатственной кокетки!
Мнѣ долгъ велитъ, внушаетъ дружба мнѣ
Предупредить его, сказать ему ....
Но что̀ сказать? И какъ? черезъ Елену? ....
Нѣтъ! я боюсь! Елена угадаетъ
Все то, въ чемъ я признаться не хочу!
Съ Владиміромъ самой заговорить?
Но силы мнѣ измѣнятъ; но при немъ,

Подъ взорами его .... Нѣтъ! нѣтъ! не
смѣю! ....
Ужели написать? Ужель суду,
Насмѣшкѣ и презрѣнію его,
Подвергнуться изъ чистаго участья,
Изъ жалости одной? .... Къ нему писать,
Искать слова холоднаго приличья,
Безстрастные совѣты, разсужденья ....
И замирать, и застывать сто разъ,
Пока письмо отважное не кончу,
И не вручу ему рукой дрожащей, —
А тамъ, стоять предъ нимъ, какъ передъ
казнью
Виновный, осужденный, — и смотрѣть,
И выжидать, что̀ скажетъ онъ, какъ приметъ
Непрошенную правду, какъ пойметъ
Поступокъ мой, хоть смѣлый, но незлобный ....
Достанетъ-ли на эту пытку силы
И духа у меня, хоть будетъ воля? ....
Достанетъ!! Дѣло тутъ не обо мнѣ,
Не объ моихъ ребяческихъ волненьяхъ!
О немъ, о немъ одномъ должна я помнить,
Спокойствіе его оберегать ....
Я напишу! .... Рѣшилась я! .... Сейчасъ
Я напишу къ нему ....

Но помолиться
Пойду я прежде .... Съ нянею княжны
Въ соборъ Казанскій сбѣгаю тайкомъ;
Она меня къ обѣднѣ часто водитъ

По храмамъ Божіимъ, покуда сестры
Съ княжною ѣздятъ слушать модныхъ пѣвчихъ,
Да второпяхъ поклона три отмѣрить
Въ церквахъ домовыхъ знати, ей родной.

V.

ПИСЬМО ЗИНАИДЫ КЪ ВЛАДИМІРУ.

Toi, toi .... qui sans me voir a passé près de moi,
Quoi! tu cherchais l'amour .... et j'étais devant toi?
(M-me Desbordes Valmore.)

Она вашъ идеалъ .... Вамъ нравится она ....
Вы очарованы, завлечены, влюбились! ....
Какъ мальчикъ, какъ дитя, вы мигомъ покорились,
Достаточна улыбка вамъ одна,
Одинъ вамъ нуженъ взоръ, чтобъ восхититься
ею! ....
И счастье, и любовь, все видите вы въ ней,
Да! въ ней одной! ....

Судьбой измученный своею,
Страдалецъ опытный, игралище страстей,
Вы мните отдохнуть отъ тщетнаго волненья,
Хотите, прежнія забывъ разувѣренья,
Свой жребій пополамъ съ подругой раздѣлить,
И въ чашѣ бытія вдвоемъ блаженство пить?
Взаимность вамъ сулитъ для сердца исцѣленье,
Вы жаждете любить .... равно любимымъ быть....

Вы ищете ее, избранную судьбою,
Чтобъ васъ вполнѣ понять, вашъ выборъ оцѣня, —
Созданье свѣтлое, въ комъ съ ангельской душою
И сердце женщины пылало-бъ молодое,
Хранилище чистѣйшаго огня:
И всё вы въ ней нашли!! .... Но знаете-ль, несчастный,
Что сердце и любовь ужъ отдала она?
Что избранъ ужъ другой? .... Что страшно и опасно
Питать у ногъ ея надежды сонъ напрасный? ....
Бѣгите! .... вамъ она не суждена! ....
Скажите, знали-ль вы, какъ тяжело, какъ больно,
Безумно полюбя, скорбѣть и увядать?
Какъ грустно ввѣриться надеждѣ добровольно,
И въ безнадежности потомъ всю жизнь страдать? ....
Вы испытали-ли истому и волненье
Души обманутой, души въ борьбѣ съ тоской? ....
Пришлось-ли вамъ скрывать грызучія мученья
Любви отверженной, любви непонятой? ....
И ревновали-ль вы, когда пренебрегали
И страстью вашею, и вами, и при васъ
Другаго вамъ шутя предпочитали,
Другаго прославляли напоказъ? ....
О нѣтъ! конечно нѣтъ! Вы много испытали,
Но эти горести еще безвѣстны вамъ!
Вы-бъ не забыли ихъ .... Вы были-бъ осторожны!
И этотъ новый-бы порывъ любви тревожной
Теперь васъ не увлекъ къ обманчивымъ мечтамъ!

Я по себѣ сужу: во вѣкъ я не забуду,
Что̀ чувствую теперь, и какъ страдаю я! ....
Я недовѣрчива, я неприступна буду ....
И не пробудится опять любовь моя ....
О Боже! что̀ со мной? .... Что̀ высказала я? ....
Зачѣмъ промолвилась о тайнѣ сокровенной? ....
Зачѣмъ себя въ примѣръ я привела? .... Кому,
Кому повѣрила я ропотъ потаенный? ....
Его боялась я, и каюся ему! ....
Безумна я!! .... Куда-же онъ дѣвался,
Молчанья задушевнаго обѣтъ?
Гдѣ слово, данное самой себѣ? .... И слѣдъ
Бывалой твердости въ минуту затерялся ....
Такъ, не хотѣла я, чтобъ мой кумиръ безцѣнный
О тайнѣ дѣвичьей, о грустномъ чувствѣ зналъ, —
И не ласкала я въ себѣ мечты надменной
Изгнать изъ думъ его любимый идеалъ.
Молчала долго я, тоску свою таила, —
И удалося мнѣ скрыть сердце отъ него;
Но я не хитростью догадки отвратила:
Ахъ, нѣтъ! спасло меня, меня хранило
Слѣпое равнодушіе его! ....

Онъ ихъ читалъ, — невольныя признанья,
Порывы пламенной, неопытной любви!
Онъ ихъ читалъ, небрежно, безъ вниманья, —
И не открылъ глаза.... Къ чему-жъ слова мои?....
Нѣтъ! онъ не понялъ ихъ!! .... Но я въ нихъ всё сказала,

Въ нихъ душу излила подъ именемъ чужимъ ....
Онъ видѣлъ только умъ тамъ, гдѣ любовь дышала,
И сердца моего онъ не сравнилъ съ своими, —
Не разгадалъ его! .... Ну, такъ и быть! .... Богъ съ нимъ, —
О вѣрно понялъ-бы ты чувства, выраженье,
Когда-бъ мои слова произнесла она!! ....
Въ любви, одна любовь даетъ уразумѣнье,
Грусть сердца страстнаго безстрастью не внятна! ....
Но межъ тобой и мной нѣтъ связи задушевной;
Другъ другу чужды мы, какъ радостямъ печаль,
Какъ свѣтлая заря чужда для тучи гнѣвной,
Какъ узника цѣпямъ чужда героя сталь! ....
Мы оба рождены съ пылающей душою,
Съ мечтами пылкими .... Но не сошлися мы!
Но насъ не сблизило сочувствіе родное,
И хладомъ тайнымъ мы на вѣкъ раздѣлены!
Ты забавляешься веселостью безпечной,
Неловкой странностью и живостью моей,
Ты вѣришь простотѣ ребяческихъ рѣчей,
И ты не вѣдаешь, что горести сердечной
Ядъ медленный сокрытъ подъ рѣзвостью моей!

О! ты несправедливъ! .... Но я роптать не смѣю,
Ты въ заблужденіи .... прощаю я тебя!
Равняться не могу, и не дерзаю съ нею ....
Но знай: тебя любить умѣла-бы и я!

VI.

Гори, письмо любви!

(Пушкинъ.)

Oh! it was filled with words of flame,
With all the wishes wild and dear
Which love may write, but dares not name.

(Thomas Moore.)

20 Мая 18....

Вотъ какъ мы исполнять умѣемъ вѣрно
Намѣренья свои! вотъ какъ мы можемъ
Надѣяться на твердость и на силу
Души своей, и на самихъ себя! ....
Я поклялась себѣ, дала себѣ
Святое слово, — написать къ нему,
О немъ одномъ лишь только, и объ ней,
Себя отъ нихъ далеко отстраняя,
Не говоря ни слова о себѣ,
Не намѣкая даже о завѣтной,
Сердечной тайнѣ сердца .... И теперь
Что-жъ вышло, Боже мой! .... Письмо мое,
Какъ исповѣдь младенца передъ няней,
Умѣющей допрашивать искусно

О рѣзвостяхъ и шалостяхъ его,
Всю душу передъ нимъ изобличило,
Всю страсть мою безумную сказало ....
И думая о немъ, я по-немногу
Имъ увлеклась, невольно, непримѣтно,
За словомъ слово вымолвила .... Всё,
Всё онъ узналъ-бы, если-бъ прочиталъ
Неосторожный бредъ ....

Онъ не прочтетъ!! ....
Мой разумъ не совсѣмъ еще затмился,
Я понимаю глупую ошибку,
И пламени на жертву предаю
Признанье безразсудное! ... Оно
Уже горитъ, въ рукѣ моей дрожащей ....
Уже легкіе листы испепелились ....
Свершился приговоръ, — и пусть равно
Свершится и Владиміра судьба!
Я прекословить ей не стану больше!
Пусть любитъ онъ кого, и какъ онъ хочетъ,
Пусть страждетъ, если Богъ ему велѣлъ!

Остерегать его я не умѣю,
Я не могу, я не должна! Дитя,
Мое-ли это дѣло? .... Нѣтъ — вторично
Не уступлю я искушенью, нѣтъ,
Чтобы спасти другихъ, себя не выдамъ! ....

VII.

'Tis past, that melancholy dream! . . . .
(Wordsworth.)

14 Мая 18. . . .

Я успокоена . . . . и какъ внезапно,
Какъ просто объяснилось, развязалось,
Что̀ мнѣ узломъ таинственнымъ казалось,
Что̀ было мнѣ ударомъ громовымъ!
О жизнь! всегда-ль ты такъ играешь нами,
И мучишь насъ, и дразнишь безъ нужды,
По прихоти своей необъяснимой? . . . .
О свадьбѣ чаровницы той опасной
Узналъ онъ неожиданно, при мнѣ:
И что̀ жъ? онъ слышалъ новость роковую
Безъ горя, безъ досады, безъ полненья,
Онъ не дивился, не былъ потревоженъ . . . .
Такъ, стало быть, её не любитъ онъ?
Онъ похвалилъ красавца-жениха,
Онъ превознесъ прелестную невѣсту.
Онъ говорилъ о близкомъ счастьѣ ихъ:
Такъ стало быть, онъ равнодушенъ къ ней? . . . .

О чемъ-же я, безумная, грустила?
Зачѣмъ я столько дней, часовъ ужасныхъ,
Въ страданьяхъ провела? . . . . Теперь, самой
Мнѣ странно вспомнить о минувшемъ горѣ,
Мнѣ и смѣшно, и стыдно за себя . . . .

Но что̀-же быть должна сама любовь,
Любовь прямая, страстная, святая,
Любовь взаимная межъ двухъ сердецъ,
Когда одно ея лишь подражанье,
Случайное, пустое волокитство,
Такъ можетъ волновать и занимать,
Такой огонь даетъ, такую силу
И взорамъ, и рѣчамъ, и поклоненьямъ? . . . .
Что̀-жъ быть должна любовь во всемъ цвѣту,
Во всемъ ея роскошномъ, чудномъ блескѣ,
Когда желанье нравиться, одно
Минутное, безцѣльное кокетство,
Такой волшебный свѣтъ, такую нѣгу
На женщинъ проливаетъ мимоходомъ? . . . .
Когда такъ утѣшительно, такъ сладко
Въ чужомъ восторгѣ мгновенный пробуждать.
О, какъ должно быть слаще во сто разъ,
Невыразимо слаще быть любимой,
Любимой тѣмъ, кто намъ межъ всѣми милъ! . . . .

ГЛАВА IX.

ТО ГОРЕ, ТО РАДОСТЬ.

Намъ надобны и страсти, и мечты;
Въ нихъ бытія условіе и пища.

(Баратынскій.)

Faint was that hope, and rayless!! .... yet' t'was fair,
And soothed with many a dream! ....

(Coleridge.)

Oh! ces passions, ces cruelles passions, comme elles savent verser par torrents la joie et la douleur, vous ouvrir le ciel et vous précipiter dans l'abîme! ....

(Amélie Mansfeld.)

I.

A tant d'amour il eût été sensible
S'il avait sû! ....

(M-me Desbordes Valmore.)

2 Іюня 18....

Когда-бъ онъ зналъ, что пламенной душою
Съ его душой сливаюсь тайно я....
Когда-бъ онъ зналъ, что скукой и тоскою,
Тоской по немъ томится жизнь моя!....
Когда-бъ онъ зналъ, какъ страстно и какъ нѣжно
Онъ первою любовію любимъ....
Онъ не далъ-бы въ печали безнадежной
Мечтамъ моимъ увянуть золотымъ....
Когда-бъ онъ зналъ!.....

Когда-бъ онъ зналъ, — онъ, съ строгостью безвѣрца
Привыкнувшій надъ чувствами шутить, —
Что близъ него есть преданное сердце,
Есть существо, готовое любить,....

Что подъ моей холодностью безсмѣнной
Таится страсть безмолвная къ нему, ...
Онъ ожилъ-бы, любовью пробужденный,
И сердцу-бы повѣрилъ моему . . . .
Когда-бъ онъ зналъ! . . . .

Когда-бъ онъ зналъ, въ душѣ его остывшей
Зажглась-бы вновь златыхъ надеждъ заря;
И онъ, давно языкъ страстей забывшій,
Припомнилъ бы языкъ тотъ для меня!
Когда-бъ онъ зналъ какимъ очарованьемъ
Я жизнь его умѣла-бъ надѣлить, —
Онъ снова-бы сдружился съ упованьемъ! . . . .
Не любитъ онъ, ... а могъ-бы полюбить,
Когда-бъ онъ зналъ! . . . .

II.

Aimer, prier, chanter — voilà toute ma vie!
(Lamartine.)

5 Іюня 18.... На Каменномъ Островѣ.

Я пристрастилась къ музыкѣ. День цѣлый
Фантазіямъ безсвязнымъ, безъискуснымъ
Задумчиво, невольно предаю
И пальцы и мечты мои. Аккорды,
Прелюдіи, — неполные молитвы
Выходятъ изъ-подъ рукъ моихъ неловкихъ,
А въ сердцѣ, между тѣмъ, поется пѣснь,
Чудесная, восторженная пѣснь! ....
Слагается она сама .... И часто
И я, какъ-бы во снѣ, себѣ самой
Невѣдомо, — я запою .... и звуки
Разсѣянно изъ пламенной груди,
Фантазіей неясной вылетаютъ,
А робкія слова клеятся сами,
И вяжутся, и вдругъ стихи и стансы
И гимны цѣлые выходятъ стройно. —
И ихъ потомъ пою ужъ я съ сознаньемъ,

И помню ихъ. — Но только мнѣ теперь
Не такъ, какъ прежде, ловко и свободно
Крылатымъ вдохновеньямъ предаваться:
Мы переѣхали на острова,
На дачу родовую предковъ князя,
По лѣтнему обычаю столицы. —
И тутъ, нашъ дѣтскій флигель окруженъ
Конюшнями, сараями, людскими,
И шумомъ нестерпимымъ, этимъ шумомъ,
Вседневной, пошлой жизни мелочной,
Что Пушкинъ нашъ звалъ мышьей бѣготнею ....
Гдѣ-жъ тутъ мечтѣ привольной разыграться? ....
А съ улицы, межъ тѣмъ, къ намъ пыль летитъ
Удушливымъ столбомъ; сквозь низкихъ оконъ
Гулъ мостовой, трескъ модныхъ экипажей,
Стукъ кавалькадъ, и голоса прохожихъ,
Всё слышно намъ; въ убійственной близи
Сосѣдей черезъ улицу мы видимъ,
Въ занятіяхъ, въ подробностяхъ ихъ жизни,
Какъ будто-бы своихъ домашнихъ .... Впрочемъ
Ни зелени, ни тѣни, ни пространства;
Сплоченныя стѣны, городъ! .... Только городъ
Изъ досокъ деревянныхъ! .... Дымъ отъ пыли....
Спасенья нѣтъ, — вечеромъ, туманъ
Спустится безцвѣтнымъ покрываломъ, —
И сыростью болотной западетъ
На грудь, на взоръ, на мысль, — на всё и всѣхъ ....
И вотъ, дрожитъ подъ холодомъ тлетворнымъ,
И влага обливаетъ сквозь одежду

Несчастныхъ жертъ обычая и моды . . . .
И это здѣсь зовутъ дышать весной,
Природы благодатью наслаждаться? . . . .
Для нашихъ дамъ раздолье: цѣлый день
Гостямъ отбою нѣтъ; обѣды, балы,
Катанье по водѣ, или гулянья
По сушѣ, то пѣшкомъ, то въ экипажахъ,
Да съѣзды у военнаго оркестра,
Да пикники веселою гурьбой, —
Минуты не дадутъ спокойной имъ.
За то, княжна довольна, а графини
Измучились, какъ рекруты въ походѣ.
А мнѣ, — мнѣ эта жизнь въ стеклянной клѣткѣ,
Какъ тяжкій сонъ, какъ злой недугъ, вредна.
Я гасну здѣсь душой . . . . я поглупѣла! —
Мнѣ только хорошо, когда урвусь
На день иль два къ моей Еленѣ, — въ Стрѣльну,
На дачу молчаливую въ сторонкѣ,
Въ просторный садъ, въ старинный, темный
паркъ,
Гдѣ съ братомъ и дѣтьми, въ семьѣ своей
Она уединенно отдыхаетъ
Отъ зимнихъ наслажденій и тревогъ.
Тамъ, комнатку въ высокомъ мезонинѣ
Я нахожу, и много книгъ любимыхъ,
Да дружескій пріемъ съ свободой сладкой . . . .
Тамъ море вижу я! . . . . Тамъ жадный взоръ
Слѣдитъ его окраины сѣдыя
И ловитъ мутныхъ волнъ прибой шумливый,
И носится просторно по пучинѣ

Необозримо-дальной .... А межъ тѣмъ,
Мечтѣ моей виднѣется картина
Другая .... память вѣрная рисуетъ
Другіе берега, ... другое море,
Прозрачнѣй, голубѣе и свѣтлѣе, —
Подъ южнымъ небосклономъ, озареннымъ
Полуденнымъ, великолѣпнымъ солнцемъ ....
Но и заливъ Балтійскій сталъ мнѣ любъ,
И грустную красу его люблю я.
Онъ породнился съ думою моей,
Созрѣвшею на сѣверѣ туманномъ, ...
Онъ ей подъ цвѣтъ, ... онъ будитъ и плѣтняетъ
Тоскливые той думы переливы ....
Когда я налюбуюсь вдоволь имъ,
Меня везутъ кататься въ одноколкѣ,
Владиміръ правитъ самъ, и съ нимъ вдвоемъ
Мы разъѣзжаемъ долго каждый день
По парку, по окрестностямъ .... Порою
Заѣдемъ такъ, что и дороги нѣтъ
Средь гущи неразчищенной. Подъ нами
Какъ-будто въ полѣ слабые колосья,
Березы молодыя гнутся съ трескомъ,
И валежникъ волнуется шумя;
А легкій экипажъ вверхъ дномъ валится,
И соскочить приходится въ болото,
Обоимъ ѣздокамъ, подъ дружный хохотъ;
И пополамъ мы дѣлимъ смѣхъ и горе! —
А иногда, — (вѣдь оба слѣпы мы!)
Мы примемъ за извилины дороги
Какой-нибудь побѣгъ песка на склонѣ

Крутаго берега, — и попадемъ
Чуть что не въ море! .... Какъ мы уцѣли, —
Какъ головы доселѣ на плечахъ
У насъ обоихъ, — право, непонятно!
Знать Богъ хранилъ! .... Еленѣ никогда
Не признаемся мы въ продѣлкахъ нашихъ, —
А то она пускать не станетъ насъ
На смерть и гибель вѣрную. — За то,
Мы веселимъ ее своимъ запасомъ
Чудесныхъ впечатлѣній путевыхъ,
Неизданныхъ для міря! — Ахъ! какъ сладко,
Какъ свято можно жить на Божьемъ свѣтѣ,
Когда найдешь попутчиковъ по сердцу,
И съ ними дѣлишь дни, ихъ не считая! ....
Но послѣ дней такихъ, но послѣ рая,
Вернуться въ кругъ враждебный, въ вѣчный адъ, —
Какъ тяжело! .... я знаю это чувство.
Мнѣ суждено испытывать его.
Когда на острова изъ мирной Стрѣльны,
И къ Столбинымъ отъ добрыхъ Мѣховскихъ
Я возвращаюсь грустно, безнадежно, ...
Какъ узникъ въ одинокую тюрьму! ...

III.

Thou art not false, but thou art fickle . . . .
(Byron, Turkish Song.)

12 Іюня 18. . . . На Каменномъ Островѣ.

Я провела опять три дня съ Еленой,
Владиміра не видя . . . . Онъ хандритъ,
Онъ на охотѣ былъ . . . . Вотще сестра
Его звала, пріѣздъ мой возвѣщала, —
Онъ ей велѣлъ сказать что онъ не въ духѣ,
И къ обществу веселому не годенъ;
Онъ не вернулся!

Стало-быть, ему
Нѣтъ дѣла до меня, до встрѣчи рѣдкой
И не всегда со мной ему возможной? . . . .
И стало-быть, я не нужна ему? . . . .
Со мной шутить, смѣяться и мечтать
Готовъ онъ въ добрый часъ, когда досужно,
Когда удовно, — а въ другое время
Я ничего, я для него ничтожна . . . .
Какъ сонъ вчерашній, какъ листокъ газеты,

Прочитанный легко и любопытно,
Покуда онъ и новъ и незнакомъ,
И брошенный потомъ въ углу съ презрѣньемъ...
И нынче такъ, — завтра всё забыто,
Измѣнено, ... и мы опять чужіе? ....
Онъ непонятенъ мнѣ! .... Его причуды, ...
Его слова, ... со мною обращенье, ...
Всё странно такъ, такъ сбивчиво, неровно! ....
А говорятъ, что женщины капризны!! ....

IV.

My foolish heart, ... be still, or break!
(*Byron.*)

14 Іюня 18 . . . . На Каменномъ Островѣ.

Зачемъ любить, когда любовь напрасна? . . . .
Когда взаимности ей задушевной нѣтъ?
Когда надеждъ моихъ увялъ цвѣтокъ прекрасный,
Когда средь глуши лѣсной никѣмъ незримый цвѣтъ . . . .
Когда мнѣ за любовь лишь платитъ невниманье, —
Когда улыбки мнѣ отвѣтомъ на страданья, ...
Зачѣмъ, зачѣмъ любить?
Зачѣмъ любить безмолвно, безнадежно?
Зачѣмъ младую жизнь мученьямъ обрекать?
Или другой любви, любви живой и нѣжной
Я не могу внушить, я не могу сыскать? . . . .
Иль небо счастія на вѣкъ надъ мной сомкнулось? . . .
Но въ первомъ выборѣ коль сердце обманулось,
Зачѣмъ, зачѣмъ любить? . . . .

V.

Laisse-moi te dire un mot, un seul mot, qui contient le monde: je t'aime! et un autre mot, qui contient le ciel: vous m'aimez!! . . . .

(Alexandre Dumas, Albine.)

20 Іюня 18 . . . . Въ Стрѣльнѣ, у Мѣховскихъ.

Здѣсь празднуютъ его рожденья день:
Съ утра за мной Елена прискакала,
Насильно увезла меня. Давно,
Готовясь къ празднику моихъ друзей,
Я вышила подушку . . . . Но ее,
Какъ подарить Владиміру, не знала,
Не смѣла. И теперь, когда мы были
Въ холодныхъ отношеньяхъ всю недѣлю, —
Чуть что не въ ссорѣ, — странно было мнѣ
Самой шагъ первый сдѣлать къ примиренью,
И доказать ему что занималась
Сюрпризомъ для него я . . . . До обѣда
Почти мы не видались. — За столомъ,
Когда всѣ стали пить его здоровье,
И я должна была сказать два слова
Въ условленный привѣтъ, я покраснѣла, —

Да дѣлать было нечего! — Спасибо
Кому-то изъ дѣтей, что громкимъ смѣхомъ
Всеобщее вниманье онъ отвлекъ, —
Мнѣ съ рукъ сошли неловкость и смущенье. —
Потомъ, пошли гулять, катались въ лодкѣ; —
Позднѣе вечеромъ, когда стемнѣло,
Былъ фейерверкъ зажженъ, — а мы смотрѣли,
Какъ яркія ракетки возвышались,
Шипя, на горизонтѣ, тихо, прямо,
Всё выше, выше, — а потомъ, вдругъ съ свистомъ
Намъ на голову падали, какъ звѣзды
Съ чудесною заоблачною вѣстью,
Какъ дивные, небесные цвѣты . . . .
Владимiръ, какъ ребенокъ, былъ доволенъ
И веселъ; я смотрѣла на него, —
И видѣла, какъ вмѣстѣ съ искрометнымъ
Огнемъ блестящихъ свѣчекъ, взоръ его
И вспыхивалъ, и жарко разгорался . . . .
И весело, и страшно стало мнѣ:
Какъ онъ хорошъ, когда онъ забываетъ
И думать, и хандрить! . . . .

И наконецъ,
За вистъ его съ гостями усадили.
Я улучила мигомъ этотъ случай, —
Взяла свою подушку, — и къ нему,
Въ его мнѣ незнакомый кабинетъ,
Невидима ни кѣмъ, пошла съ боязнью
И трепетомъ, чтобъ тайно положить

Туда подарокъ мой. — Вхожу, — и тотчасъ
Мое забилось сердце, голова
Пошла кругомъ: всё въ комнатѣ завѣтной
Такъ живо говорило мнѣ о немъ, ...
Всё было такъ пропитано любимымъ
Турецкимъ табакомъ его, что мнѣ
Казалоса — онъ самъ, онъ самъ здѣсь былъ
Передо мной! — Опомнившись, спѣшила
Всё видѣть, разсмотрѣть: его диванъ,
Усѣянный журналами, и кресло,
Гдѣ сидя, онъ качается, какъ въ люлькѣ
Балуемое нянькою дитя . . . .
Оружіе, кальянъ, два-три портрета
Товарищей; — надъ письменнымъ столомъ
Еще портретъ, но женскій! . . . . Мнѣ вдругъ стало
Невыразимо-больно . . . . Подхожу,
Смотрю, — о, слава Богу! . . . . это только
Коринна, знаменитая картина
Художника французскаго! — Коринна!? . . . .
Зачѣмъ-же здѣсь? . . . . Что̀ въ ней онъ полюбилъ? . . . .
Чего, кого она символъ ему? . . . .
А на столѣ, листокъ, забытый, видно,
Предъ выходомъ его: онъ тутъ чертилъ
Эскизъ съ своей Коринны, только ей
Другое далъ лице, совсѣмъ другое! . . . .
Какъ-будто сходство чье-то уловить
Старался онъ, ... и мельче и моложе
Фантазія его, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ

Классическій его оригиналъ . . . .
Меня онъ здѣсь хотѣлъ изобразить! . . . .
Внизу-же, подъ набросанной головкой,
Написаны, намараны стихи,
И вдоль, и поперегъ, кругомъ и въ клѣтку,
Отрывками, цитатами. — Читаю,
И узнаю! . . . . Мои стихи, мои!! . . . .
Онъ затвердилъ, онъ наизустъ ихъ знаетъ,
Онъ пишетъ ихъ въ досужные часы!! . . . .
Онъ глупый обликъ мой возсоздаетъ
Подъ образомъ Коринны вдохновенной!! . . . .

Не помню, какъ ушла я, какъ бѣжала,
Какъ-бы въ чаду какомъ-то угорѣвши . . . .
Но не въ гостиную, въ шумливый кругъ,
Нѣтъ! мнѣ одной хотѣлось быть, — одной! . . . .
И на пустомъ балконѣ я осталась,
Сбираясь мыслями и духомъ. — Нѣтъ!
Нѣтъ! я не думала, — о чемъ мнѣ думать? . . . .
Я только усмиряла трепетъ сердца
Безумнаго . . . . Я только пріучилась
Ко встрѣчѣ съ нимъ . . . . Но страшно стало мнѣ, —
Еленѣ я сказать послала тихо,
Что голова моя вдругъ заболѣла
Отъ пороха, что нуженъ мнѣ покой, —
И въ комнаткѣ своей поспѣшно скрылась! . . .

VI.

La nature a deux chants, de bonheur, de tristesse,
Qu'elle rend tour-à-tour ainsi que notre coeur,
De l'une à l'autre note elle passe sans cesse.
Homme! l'une est ta joie et l'autre ta douleur!

(Lamartine, Harmonies.)

21 Іюня 18.... тамъ-же.

Подушку онъ нашелъ, — и угадалъ!....
Но вотъ бѣда! я въ торопяхъ, невольно,
Украла у него листокъ съ Коринной
И со стихами... Кажется, хватился
Онъ этого листка, — подозрѣваетъ,
Что онъ въ моихъ рукахъ.... Отдать ему, —
То значило-бъ признаться въ похищеньи!....
Молчать — всего умнѣе: я молчу!
Пусть думаетъ что̀ хочетъ! — а рисунокъ, —
Ужъ такъ и быть, возьму себѣ его!....

Мы принялись опять за одноколку, —
За прежнія катанья.... Безъ разспросовъ,
Безъ дальнихъ объясненій, мы друзья, —
И мнѣ самой смѣшно, что въ ссорѣ мы
Такъ долго быть могли изъ пустяковъ!

VII.

> Je n'espère rien, je ne demande rien, je ne veux que vous voir: mais je dois vous voir s'il faut que je vive!
>
> *(Adolphe, par Benjamin Constant.)*

30 Іюня 18.... На Каменномъ Островѣ.

Мнѣ снова грустно: скоро минетъ срокъ, —
Онъ долженъ ѣхать, по дѣламъ, по службѣ —
Поѣдетъ онъ!.... На долго-ли?.... Не знаю!
Спросить не смѣю, и боюсь спросить!
Что̀, если скажутъ мнѣ отвѣтъ недобрый:
«На долго!....» Между тѣмъ, хочу стараться
Отвыкнуть отъ присутствія его,
Отъ встрѣчей съ нимъ.... Къ Еленѣ стану рѣже
Я уѣзжать....

Ахъ жизнь! коварный сонъ!...
Зачѣмъ такъ глупо ты играешь нами?....

VIII.

Oh! dis-moi donc pourquoi, pourquoi m'enchantes-tu?

3 Іюля 18.... у Мѣховскихъ.

Вчера, онъ спрашивалъ, зачѣмъ блѣдна я, —
Зачѣмъ у нихъ теперь бываю рѣже,
Зачѣмъ я не пою и не рѣзвлюсь
По-прежнему? .... И мало-ли еще,
Чего не спрашивалъ! .... А самъ, въ то время
Отвѣта выжидая, — улыбнулся
Такой коварной, хитрою улыбкой ....
Онъ на меня такъ пристально смотрѣлъ,
Что страшно было мнѣ. — Но въ этомъ страхѣ
Такая радость чудная была? ....
Опять бывалая блеснула мысль,
Что онъ ко мнѣ не вовсе равнодушенъ ....

Онъ говорилъ, что скоро долженъ ѣхать:
Что грустенъ онъ; что онъ себѣ въ отраду
Желалъ-бы отъ меня услышать слово
Участья нѣжнаго .... и увѣренья
Просилъ въ моей къ нему пріязни вѣчной ....

Онъ на судьбу роиталъ, зачѣмъ она
Такъ далеко ему велѣла жить
Въ изгнаньи одинокомъ, въ праздной скукѣ,
Когда онъ здѣсь такъ счастливъ могъ-бы быть ....

Что̀ значитъ это все? .... зачѣмъ ему
Моя пріязнь, участіе мое? ....
Что̀ значатъ эти толки объ изгнаньи,
Объ одиночествѣ? .... Что̀ хочетъ онъ? ....
Боюсь и не понять, и понимать ....
Онъ мнѣ всегда загадкой недоступной!

Очарователь мой! зачѣмъ, зачѣмъ напрасно
Меня волнуешь ты по прихоти своей?
О! какъ играешь ты моей судьбой несчастной,
Какъ хитро ты проникъ во глубь души моей!
Да! .... на челѣ моемъ ты прочиталъ страданье,
Ты разгадалъ вполнѣ притворный холодъ мой,
Ты знаешь всё! .... и что̀-жъ? — Ты требуешь признанья,
Меня преслѣдуешь, насмѣшливый и злой ....
О! не смущай меня допросомъ и мольбами ...
Нѣтъ, нѣтъ! сокрою я безуміе свое,
Не буду слабою, не увлекусь мечтами, —
И торжество не довершу твое.

Не выскажу тебѣ я тайны мнѣ завѣтной,
Нѣтъ! .... въ сердце глубоко мнѣ врѣзалась она,
И лишь одной любви сочувственной, отвѣтной,

Взаимпой-бы любви довѣриться могла . . . .
Прости! оставь меня! . . . . вѣдь ты меня не любишь!
Вѣдь ты меня любить пе будешь никогда? . . . .
Зачѣмъ-же знать тебѣ, что жизнь мою ты губишь,
Что безъ тебя она лишь грустныхъ дней чреда? . . . .
Быть-можетъ, гдѣ-нибудь въ дали, ты повстрѣчаешь
Ту, кто мечты твои должна осуществить, ...
Въ ней красоту найдешь, и всё ты въ ней узнаешь
Что̀ можетъ нравиться, привлечь и побѣдить:
Будь счастливъ, ... будь любимъ! . . . . Подруга молодая
Да будетъ ангелъ твой хранитель на землѣ!
Люби, люби ее! . . . . Но о быломъ мечтая,
Когда-нибудь . . . . хоть разъ . . . . воспомни обо мнѣ! . . . .

IX.

The shock, the shout, the groan of war ....
(Byron.)

8 Іюля 18.... На Каменномъ Островѣ.

Я вѣсть ужасную узнала .... Боже!
Не вѣрится, — а вѣрить надо будетъ ....
Всѣ въ городѣ толкуютъ о войнѣ,
Всѣ говорятъ, походу должно быть,
И полкъ его изъ первыхъ выступаетъ ....
Поэтому, изъ первыхъ будетъ онъ
Въ бою, въ опасности! .... И за него, —
Несчастная! — дрожать придется мнѣ! ....

И такъ, судьба нашла, что для меня
Разлуки съ нимъ, одной разлуки мало, —
И прибавляетъ къ ней другое горе, —
Мучительный, невыносимый страхъ! ....
О Воже! ... смилуйся! .... не дай, не дай
Имъ сбыться, имъ исполниться, тѣмъ толкамъ,
И тѣмъ рѣчамъ, смущающимъ меня!

Удвой, умножь стократъ мои страданья,
Но гнѣвъ свой разрази лишь надо мной,
Надъ головой моей предосужденной —
Спаси его . . . . храни его, Всесильный,
Не приведи бояться за него! . . . .

X.

Le manteau des guerriers flotte sur son épaule,
Il porte dans sa main un glaive redouté ....

(Le Comte de Rességuier.)

12 Іюля 18 .... На Каменномъ Островѣ.

Когда настанетъ день за родину сразиться,
День славы, день борьбы, день мести роковой,
Когда во всѣхъ сердцахъ отвага загорится,
И всѣ умы вскипятъ военною мечтой: —
Когда въ красивый строй всѣ наши соберутся
Знамена русскія побѣдою почтить,
Когда въ родныхъ степяхъ повсюду раздадутся
Обѣты грозные: погибнуть иль сгубить:
Тогда, въ воинственный нарядъ онъ облачится,
Тогда каратель-мечъ въ рукѣ его сверкнётъ,
Ретивый, борзый конь съ нимъ гордо въ бой помчится,
Сребристый шарфъ на немъ какъ молнія блеснетъ.

Тогда въ глазахъ его зажжется жаръ небесный,
Огонь отважныхъ думъ, геройства, чувствъ святыхъ:
Всю душу выскажетъ взоръ грозный, но прелестный;
Онъ будетъ страхъ врагамъ, примѣромъ для своихъ.
Онъ смѣло поведетъ дружину удалую,
Онъ клятву дастъ и кровь, и жизнь не пощадитъ
За дѣло правое, за честь, зя Русь святую,
И полетитъ впередъ, погибнуть иль сгубить! . . . .
А я? . . . . Сокрытая въ своемъ уединеньи,
Безъ права и безъ силъ опасность съ нимъ дѣлить,
Томимая тоской безумнаго волненья,
Я буду слезы, страхъ и грусть свою таить . . . .
Я буду дни считать, ... расчитывать мгновенья, ...
Я буду вѣсти ждать, ждать утромъ, въ часъ ночной;
И тысячи смертей перенося мученья,
Вездѣ его искать желаньемъ и тоской . . . .
Или, во храмъ святой войдя съ толпой холодной,
Средь равнодушныхъ лицъ печальна и мрачна,
Порывамъ горести предамся я свободно,
Никѣмъ невидима, въ мольбу углублена.

Но тамъ, но даже тамъ, вдругъ образъ незабвенный,
Нежданный, явиться межъ алтаремъ и мной,
И я забуду храмъ, мольбу, обрядъ священный,
И за него во прахъ поникну головой ....
Когда-жъ, богатыя побѣдями и славой,
Дружины храбрыя, свершивши подвигъ свой,
Вернутся въ градъ родной толпою величавой,
При кликахъ радости общественной, живой:
И между ними онъ вдругъ явится предъ строемъ,
Весь порохомъ покрытъ, съ сверкающимъ мечемъ,
На полѣ грозныхъ битвъ прославленный героемъ,
Въ бою окрещенный и сталью, и огнемъ:
И имя милое молвою разнесется,
И загремитъ ему хвала отъ всѣхъ сторонъ,
Хвала соотчичей! .... О! какъ тогда забьется
Въ немъ сердце радостью! .... какъ счастливъ будетъ онъ!
И я услышу все, всѣмъ буду наслаждаться,
Гордяся втайнѣ имъ, дѣля восторгъ его,
Я буду медленно блаженствомъ упиваться,
Нмъ налюбуюся, ... и скроюсь отъ него!

XI.

Star of the brave . . . .
Which millions rushed in arme to greet.
(Byron.)

13 Іюля 18 . . . . На Каменномъ Островѣ.

О бѣлый крестъ! . . . . Георгія знакъ чудный,
Любимый крестъ отваги молодой,
Награда лучшая за подвигъ самый трудный,
Грудь милаго украсится-ль тобой? . . . .

Придешь-ли ты благословенной данью
На сердце полное думъ жаркихъ и огня,
И старый воинъ братской дланью
Вручитъ-ли юношѣ удалому тебя?

О бѣлый крестъ! . . . . когда тебя увижу
На немъ, — на избранномъ моей мечты живой,
Я гордость женскую предъ храбростью унижу,
Я честь ему воздамъ съ моей хвалой!

Я образу Георгія святаго
Пожертвую любимый свой нарядъ.
Надъ нимъ, среди вѣнца златаго,
Мои алмазы загорятъ! ....

XII.

Et qu'un adieu de douce confiance
Vienne adoucir les années de l'absence! ....
Je pars demain! ....
(Marie, Opéra.)

19 Іюля 18.... Въ Стрѣльнѣ у Мѣховскихъ.

Слухъ о войнѣ умолкъ, но всё походъ
Сбирается, — Владиміръ долженъ ѣхать!
Его Елена хочетъ провожать
До Новгорода. — Онъ просилъ меня
Поѣхать тоже съ ними. — «Хочу», —
Сказалъ онъ мнѣ, — «чтобъ мой послѣдній взоръ,
«Мою семью родную покидая,
«Васъ близъ сестры моей оставилъ; — точно
«Какъ первый взоръ мой, въ самый день пріѣзда,
«Васъ встрѣтилъ близъ нея! ....» Какъ отказать? ....

Я ѣду! . . . . Но молчать, но притворяться
Спокойною, — кто, кто мнѣ силы дать? . . . .
.

Я не вижу теперь; какъ въ лихорадкѣ
Считаю всѣ минуты, всѣ часы
Послѣднихъ этихъ дней . . . . Ахъ! ихъ такъ мало! . . . .

ГЛАВА X.

ОТСУТСТВІЕ.

. . . . Oh! could'st thou but know
With what a deep devotedness of woe
I wept thy absence! . . . . o'er and o'er again
Thinking of thee, ... still thee, ... till thought
grew pain,
And memory, — like a drop, that night and day
Falls cold and ceaseless, — wore my heart away! . . .
Did'st thou but know how pale I sat a home,
Mine eyes still turn'd the way thou wert to come, ...
Thou pitiest me, ... I know thou would'st, ... that sky
Hath nought beneath it half so lorn as I!

(Thomas Moore, Lalla-Rookh.)

. . . . mon amour
Redemande en vain sa présence.

(Milleroye, Elégies.)

I.

Прости, безумная тоска,
Сегодня жизнь моя сладка,
. . . .
И день еще, и статься можетъ,
Я до разлуки роковой
Не доживу . . . . Господь поможетъ! . . . .

(Баратынскій, Эда.)

25 Іюля 18 . . . . въ Новгородѣ.

Мы здѣсь съ утра; — доѣхали сюда,
Какъ говорятъ, благополучно . . . . Завтра
Въ Владиміромъ простимся мы совсѣмъ; —
Онъ далѣе отправится, — а мы
Вернемся тотчасъ въ Стрѣльну . . . . Завтра, завтра,
Чрезъ нѣсколько часовъ, всему конецъ!! . . . .
Теперь, теперь еще весь этотъ вечеръ,
И ночь безъ сна, мучительная ночь,
Остались мнѣ до роковой разлуки,
Какъ осужденному на смерть, предъ казнью

Одна заря на свѣтѣ остается ....
За то, какъ жадно я ловлю душой
Послѣднія мгновенья дорогія! ....
Какъ я спѣшу наслушаться его,
Какъ на него спѣшу я наглядѣться! ....
Какъ я желала-бы, чтобъ этотъ вечеръ,
Чтобы его летучія мгновенья
Замедлились, и стали-бы годами! ....
А годы предстоящіе, а дни,
Безрадостные дни мои всѣ вмѣстѣ
Я даромъ-бы могилѣ отдала! ....
Я не могу, ... нѣтъ, нѣтъ! .... я не умѣю
Привыкнуть къ этой мысли непонятной
Отъѣзда и отсутствія его ....
Вообразить себѣ не въ силахъ я,
Что солнце безъ него взойдетъ и ляжетъ,
Что міръ поидетъ обычной чередой, —
Что безъ него весна не прекратится,
И будутъ цвѣсть цвѣты и птицы пѣть,
Когда межъ имъ и мной пространство, даль,
Растелются непроходимой бездной,
И тяжкая разлука встанетъ грозно
Запретною желѣзною стѣной ....

Но прочь теперь заранее страданье,
Прочь, мрачныя мечты! .... Сегодня должно
Еще счастливой быть и улыбаться:
Сегодня съ нимъ еще пробуду я!
И онъ ко мнѣ такъ милъ, такъ ласковъ
сталъ! ....

Привѣтливѣй, нѣжнѣе во сто разъ,
Чѣмъ въ лучшія бывалыя минуты. —
Онъ говоритъ о суетности женской,
О шаткости измѣнчивыхъ мечтаній
Неопытной и молодой души, ...
Онъ говоритъ, что страшно уѣзжать,
Не зная, какъ и для чего вернешься . . . .

ВЪ ТОТЪ-ЖЕ ДЕНЬ ВЕЧЕРОМЪ.

У всенощной всѣ трое были мы
Въ старинномъ и величественномъ храмѣ
Святой Софіи. Тамъ усердно я
Молилась — за него и за себя, —
Когда онъ вдругъ мнѣ на ухо шепнулъ:
«Вотъ образокъ вамъ отъ святой иконы, —
«А вашъ отдайте мнѣ!» — Я отдала! . . . .

. . . . А если-бъ
Онъ и кольца просилъ-бы у меня, —
Могла-ли-бъ отказать я, въ этотъ день,
И въ этотъ часъ послѣдняго прощанья? . . . .

Когда мы изъ собора шли домой,
Елена что̀-то тихо говорила
Ему, и оба на меня взглянули
Съ участіемъ и тайнымъ любопытствомъ.
Мнѣ стыдно стало, чувствовала я,
Что слезы у меня еще въ глазахъ
Упорныя стояли, какъ улика . . . .

Я отвернулась . . . . Вдругъ, ко мнѣ Елена
Поспѣшно подошла и въ лобъ меня
Поцѣловала нѣжно и безмолвно. —
А онъ меня взялъ за руку, и — странно,
И долго такъ глядѣлъ онъ на меня, —
И покраснѣла я еще жарчѣе . . . .

II.

Il est parti, celui que tant aimer!
Cessez clamours et poignantes souffrances!

(Romance chevaleresque.)

27 Іюля 18.... Въ Стрѣльнѣ.

Мы здѣсь опять съ Еленой, — онъ поѣхалъ....
Дорогою такъ утомилась я,
Что жаръ и бредъ всю ночь меня держали, —
И нынче я въ постелѣ. — Но за то,
Меня не отпускаютъ Мѣховскіе,
Покуда не оправлюсь я совсѣмъ....

III. *)

Er kam .... er ging! ....
(Goethe, Wilhelm Meister.)

9 Августа 18.... На Каменномъ Островѣ.

Уѣхалъ онъ .... и радость миновалась,
И счастіе разсыпалось мое! ....
Лишь имъ однимъ всё въ жизни оживлялось,
Уѣхалъ онъ, — ничтожнымъ стало всё! ....

Уѣхалъ онъ: всё пусто и уныло,
Всё замерло и спитъ вокругъ меня,
Ужъ болѣе не слышу голосъ милый,
Ужъ болѣе его не вижу я!

*) Опять приходится сокращать этотъ дневникъ, въ которомъ никакихъ особенныхъ случаевъ не разсказывается; избираемъ изъ него только тѣ страницы, гдѣ болѣе видно состояніе души и сердца пишущей.

Уѣхалъ онъ! его льдяную руку
Пожала я трепещущей рукой,
И въ мигъ одинъ постигнувъ всю разлуку,
Я думала, что разстаюсь съ душой.

Едва въ глазахъ я слёзы удержала,
Едва мой взоръ всего не разсказалъ,
Ему прости чуть внятно дошептала
Въ полголоса, ... и голосъ мой дрожалъ ....

Уѣхакъ онъ! Его я проводила
Съ отчаяньемъ, съ напутною мольбой, ...
И отъ него, отъ счастья, сохранила
Однѣ мечты, да грусть въ душѣ больной.

Зачѣмъ, скажи, зачѣмъ ты мнѣ являлся,
Когда нельзя мнѣ вѣчно быть съ тобой? ....
Зачѣмъ, зачѣмъ твой образъ въ сердце вкрался,
Когда тебѣ не спутникъ образъ мой? ....

Зачѣмъ меня очаровать умѣлъ ты,
Когда тебя опасно мнѣ любить?
Зачѣмъ внушить надежду мнѣ хотѣлъ ты,
Когда её мнѣ суждено забыть?

Я до тебя томилась и страдала
Лишь скукою, лишь жизни пустотой;
Безстрастная душа охолодала,
Оковывалъ мнѣ сердце лёдъ тройной:

Но ты предсталъ, ... и всё перемѣнилось,
И закипѣлъ духъ юности во мнѣ:
Какъ пышный цвѣтъ, душа вдругъ распустилась
И зацвѣла, возрадуясь веснѣ.

И сердце вмигъ любовію забилось,
И міръ предъ нимъ украсился тобой,
И жизнь моя волшебно озарилась,
И я приходъ блахословляла твой.

Но долго-ли? . . . . Всё снова опустѣло,
Съ тѣхъ поръ, какъ ты опять сокрылся вдаль . . . .
Я здѣсь одна, съ мечтой осиротѣлой,
И вдвое мнѣ ужаснѣе печаль.

Я остаюсь безъ думъ, безъ вдохновенья,
Безъ радости, безъ солнца, безъ весны,
И только мнѣ пустыя сожалѣнья
Да тщетныя роптанья суждены!

IV.

The beam of night came down.

(Ossian.)

Vas-tu, comme Ossian, plaintive et languissante,
Dans l'asile de la douleur? ....

(Baour-Lormian.)

23 Августа 18.... На Каменномъ Островѣ.

Сіяй, полночная красавица эѳира,
Луна сребристая и блѣдная, сіяй!
И зыбкимъ блескомъ озаряй
Обитель горести и мира ....
Луна сребристая и блѣдная, сіяй!
Я знаю, ты робка! Ты, грустная, боишься
Толпы услышать крикъ и шумъ,
Но ты несчастныхъ не дичишься,
Ты вѣрная наперсница ихъ думъ!
Приди! .... Вокругъ меня всё тихо и безмолвно,
Приди! .... я здѣсь одна, одна съ тоской моей;
Тебя не оскорбятъ привѣтъ и взоръ мой томный,
Вѣдь мы друзья съ давнишнихъ дней!
Въ годахъ младенческихъ ужъ я тебя любила,

Мнѣ дорогъ былъ восходъ вечерній твой,
И часто я украдкой приходила
Тебя смотрѣть ночной порой,
Тобою вдоволь любоваться,
И наглядѣться на тебя!
Я при тебѣ мечтамъ любила предаваться,
Твой блескъ былъ чарою всесильной для меня.

Они прошли, тѣ дни живыхъ мечтаній,
Они прошли, невѣрнымъ, легкимъ сномъ!
Томлюся я теперь подъ роковымъ крестомъ
Сердечныхъ мукъ и испытаній . . . .
Сама себѣ кажуся я другой . . . . .
Существенность и жизнь тому виной . . . .
Не съ ясною душой, не съ полнымъ жизни взоромъ,
Не съ дѣтскою улыбкою къ тебѣ
Иду теперь, — о нѣтъ! . . . . покорствуя судьбѣ,
Главу склоняю я подъ строгимъ приговоромъ;
И сумраченъ мой взоръ, и я какъ смерть блѣдна,
И крадуся какъ тѣнь, неровными шагами,
Чтобъ встрѣтить мутными, потухшими глазами
Тебя, моя любимая луна!
Недавно, помню я, въ лазури ты сіяла,
Какъ дорогой алмазъ свѣтла,
Какъ бѣлая жемчужина кругла, ...
А я, задумавшись, безмолвно наблюдала,
Какъ величаво ты межъ звѣздъ по небу шла,
Какъ съ дымкой облаковъ прозрачныхъ ты играла:
Но не тобой тогда я занята была, —

Но не къ тебѣ мои стремились думы! . . .
Ихъ волновалъ кумиръ другой,
Кумиръ души моей, очарователь мой,
Виновникъ горести мучительно-угрюмой . . . .
Гостилъ въ ту пору гдѣ-то онъ,
Веселыми веселый окруженъ,
А я ждала его, ждала нетерпѣливо, ...
Ждала, какъ ждутъ съ надеждой и тоской.
Ужъ ночь была; твой лучь таинственно-игривый
Одинъ блисталъ во мглѣ сырой;
И ночь свѣтла была тобою,
И путь его былъ ярко озаренъ;
И я по дальному пути неслась мечтою,
И думала: вотъ ѣдетъ онъ! . . . .
И всё ждала, ... и всё смотрѣла,
И всё обманута была, ...
И вечеръ цѣлый просидѣла
Въ слезахъ и скукѣ у окна . . . .

Но не пріѣхалъ онъ! . . . . День кончился печальный,
Мой даромъ день пропалъ.
Покоя часъ безвременно насталъ, ...
Покой — не для меня! . . . . Какъ камень погребальный,
На сердцѣ тяжкій грузъ отчаянья лежалъ,
И съ жаркихъ вѣждъ моихъ сонъ тихій отгонялъ! . . . .
О! сколько горькихъ слёзъ тогда передъ тобою
Я пролила, небесная луна!

Какой убійственной тоскою
Душа моя была полна! . . . .
До утра яснаго въ безсонницѣ, въ мечтаньѣ,
Я не сводила глазъ съ тебя,
И взоромъ, тусклымъ отъ страданья,
Слѣдила за тобой, пока взошла заря.
И что̀-же? . . . . отозвать-бы вновь теперь желала
Тѣ длинные часы страданья моего:
Хоть было грустно мнѣ, но всё-же сердце знало,
Что слѣдующій день обрадуетъ его, ...
Но я надѣялась, любила, ожидала, ...
Теперь, не жду ужъ ничего! . . . .

Сіяй-же ты, сіяй, красавица эѳира,
Луна сребристая и блѣдная, сіяй!
Тотъ край, гдѣ дышетъ онъ роскошно озаряй,
А для меня, уныло освѣщай
Обитель горести и мира! . . . .

V.

Comme une erreur mensongère . . . .
(Romance célèbre.)

28 Августа 18.... Въ Стрѣльнѣ, у Мѣховскихъ.

Какъ блестящая комета,
Какъ огнистый метеоръ,
Какъ румяный лучъ разсвѣта,
Какъ запретной страсти взоръ,
Онъ очамъ моимъ явился,
Вдохновенный, неземной,
Онъ мелькнулъ, и мигомъ скрылся,
Овладѣвъ моей душой.

Какъ гласъ лебедя прощальный,
Какъ воздушной арфы звонъ,
Какъ звукъ пѣсни погребальной,
Какъ страдальца слабый стонъ,
Онъ навелъ на молодое
Сердце грустную мечту;
Онъ лишилъ его покоя,
Въ немъ посѣялъ пустоту.

Какъ улыбка упованья,
Какъ сибирская весна,
Какъ слеза воспоминанья,
Какъ полночная луна, —
Онъ чудесно, непонятно,
Всю мнѣ душу озарилъ,
И умчался невозвратно,
И недолго погостилъ!

VI.

. . . . Dass ich nur immer wissen möge, wo er ist und wie es ihm geht, wenn ich ihn nicht sehen kann!

(Cecil, Gräfin Hahn-Hahn.)

13 Сентября 18 . . . . Въ Петербургѣ.

Мы снова въ городѣ. — Настала осень
Угрюмая; и стужа и дожди
Насъ выгнали изъ лѣтняго жилища; —
И я одна межъ всѣхъ домашнихъ нашихъ
Объ этомъ безпріютномъ кочевьѣ
Не пожалѣла. — Имъ тамъ шумно было,
А шумъ они вѣдь любятъ, какъ потребность,
Какъ первое условіе ихъ жизни! —
Мнѣ лучше здѣсь; я здѣсь отъ всѣхъ подальше,
Свободнѣе, ... могу всегда одною
Спокойно оставаться. — Мѣховскіе
Не скоро будутъ въ городѣ. Но теперь
Я и объ нихъ не очень сокрушаюсь:
Бывать у нихъ мнѣ стало тяжко, грустно . . .
Елена это видитъ, — и сама
Ужъ не зоветъ меня и не увозитъ

Такъ часто, такъ настойчиво, какъ прежде
Ахъ! какъ она добра! .... и какъ умна!
Мнѣ никогда она не намекала
О томъ, что̀ я открыть ей не могу,
Не смѣю, — но она всё поняла, —
Она меня безмолвно утѣшаетъ
Двойною дружбою своей. Она твердитъ,
Что скоро братъ ея покинетъ службу,
Вернется навсегда .... Когда есть письма,
Она ихъ сообщаетъ тотчасъ мнѣ; —
И комната Владиміра была,
Съ его отъѣзда, чайнымъ кабинетомъ,
Гдѣ собирались мы читать, мечтать
И толковать о немъ, объ улетѣвшемъ
Ея жильцѣ .... Я поняла, какъ мило
Придумано всё это для меня, —
Но не словами я благодарила
Мою Елену: что̀ въ словахъ пустыхъ? —
Я только всё и болѣе и нѣжнѣе
Люблю ее, цѣню въ ней умъ и душу. —
И близки мы по-прежнему другъ другу,
Хотя по-прежнему сходиться намъ
Мѣшаетъ тайна грустная моя
И снисходительность ея молчанья!

VII.

I had a dream . . . .

(Byron.)

20 Сентября 18 . . . .

То былъ лишь сонъ! . . . . то былъ обманъ мгновенный,
Одинъ, одинъ обманъ, ... и больше ничего! . . . .
И всё прошло на вѣкъ, и въ памяти смятенной
Остался только слѣдъ блаженства моего.
Какъ мимолетное, эѳирное видѣнье,
Блеснуло счастіе . . . . и сердце мнѣ зажгло:
Оно разсыпалось . . . . и на душу легло
О миломъ снѣ живое сожалѣнье!

Всё было сонъ: любовь, очарованье,
Восторги, радости, сердечный бредъ, мечты . . . .
Всё, чѣмъ былъ красенъ міръ, чѣмъ льстило упованье,
Чему я вѣрила, ... чего теперь ужъ нѣтъ! . . . .
Что̀ рано сердце мнѣ такъ сильно взволновало,

Чтò закипѣло въ немъ мятежною грозой,
Чтò изсушило вдругъ цвѣтъ жизни молодой, ...
Всё было сонъ, всё сгинуло, пропало!

Всё было сонъ: слова его, привѣтъ,
И упоеніе присутствія его,
И сладость частыхъ встрѣчъ, взаимности привѣта,
И рѣчи нѣжныя кумира моего, —
И жаркій разговоръ, и взоровъ выраженье,
И недосказанный, но понятой обѣтъ . . . .
Чтò было нѣкогда, чего теперь ужъ нѣтъ, ...
То былъ лишь сонъ! Какъ страшно пробужденье!! . . . .

VIII.

Et quand ils demanderont l'heure qu'il est, on leur répondra: toujours! . . . .

(L'Enfer du Dante.)

Въ началѣ Октября 18 . . . .

Однообразно и уныло
За днями дни холодные идутъ, ...
Не грѣетъ, не живитъ ихъ радости свѣтило,
Они отрадъ мнѣ не несутъ.
Мертвящей скуки сонъ надъ жизнью тяготѣетъ,
И жизнь подъ бременемъ его изнемогла,
Въ тоскующей душѣ жаръ чувства ледѣнѣетъ,
Вся прелесть бытія, какъ вешній цвѣтъ, прошла.
Ко всѣмъ и ко всему печально-равнодушна,
Не, слыша, слушаю, не видя, я гляжу;
Привычкѣ, случаю разсѣянно-послушна,

Безъ воли, безъ надеждъ, безъ цѣли я брожу.
Ужъ я ни чувствовать, ни мыслить неспособна,
Уже меня ничто не веселитъ,
Уже меня и горе не крушитъ; ....
Мое спокойствіе могильному подобно!
Но прахъ усопшаго въ своей могилѣ спитъ; ...
А я! .... тоска въ душѣ взволнованной кипитъ!! ....

Когда взойдетъ заря, я съ страхомъ помышляю,
Что сутки цѣлые мнѣ суждено прожить, —
Промаяться, и время проволочить,
И къ этой карѣ я себя приготовляю.
Покуда длится день, стараюсь я слѣдить
За стрѣлкой часовой; ловлю ея движенья,
И мѣрныя считая ударенья,
Я жду, чтобы насталъ скорѣе часъ ночной.
Пробилъ-ли онъ? — приникнувъ къ изголовью
Измученной, больною головой, —
Мечтаю о быломъ съ восторгомъ и любовью,
Или зову къ себѣ грёзъ благотворныхъ рой,
И ихъ волшебное вліянье умоляю
Видѣній зеркало глазамъ моимъ открыть,
И, хоть на мигъ одинъ, видъ милый мнѣ явить ....
Потомъ, съ молитвою о немъ, я засыпаю,
Съ надеждою во снѣ имъ посѣщенной быть ....

Вотъ жизнь моя, съ тѣхъ поръ, какъ вдаль
я проводила
Того, кѣмъ свѣтъ былъ милъ, того, кѣмъ
сердце мило . . . .
Вотъ какъ безмѣнно я тоскую и томлюсь.
Его присутствіе мнѣ-бъ счастье возвратило . . . .
Его присутствія уже-ли не дождусь?

IX.

Du bonheur ce que j'ai su comprendre,
C'est qu'on en meurt par le regret.

(M-me Desbordes Valmore.)

Октября 18....

Душою пылкой, ненасытной,
Бывало, счастье я звала, ...
Его просила и ждала
Въ порывахъ думы любопытной ....
И тосковало по любви,
И билось сердце молодое, ...
И было насъ когда-то двое, ...
И рай предсталъ мнѣ на земли! ....
Загадка жизни объяснилась,
Очарованье совершилось,
И я довѣрчивой душой
Благословляла жребій свой,
Но ахъ! .... недолго!! На поминѣ, —
Когда молюсь о счастьѣ нынѣ, —
Я говорю: «за-упокой!»

ГЛАВА XI.

ВОСПОМИНАНЬЯ.

Che fai? .... che pensi? .... che pur dietro guardi
Nel tempo che tornar non puòte ormai
Anima sconsolata? ....

(Petrarca.)

Любить, любить! .... Какъ дико звучитъ это слово въ свѣтѣ! .... Отголоски, будто въ пещерѣ, повторяютъ много разъ: любить, но кто отвѣчаетъ вамъ? .... Камни! .... хуже чѣмъ камни, — пустота! ....

(Марлинскій.)

Non je n'espère plus de jours, comme ceux, que je regrette, mais qu'ils soient bénis du moins, comme les derniers de ma vie, s'ils n'ont pas dû être l'aurore d'un bonheur durable! ....

(M-me de Staël, Corinne.)

I.

Ma vie . . . . elle n'est pas là! . . . .

(M-me de Staël, Delphine.)

2 Ноября 18 . . . .

Сегодня, Надинькѣ завили букли,
Ей минуло семнадцать лѣтъ, и скоро
Её представятъ въ свѣтъ. На этотъ случай,
Къ намъ тремъ, на верхъ торжественно собрали
Всѣхъ молодыхъ дѣвицъ ея родни,
И будетъ фортопьянщикъ, чтобъ плясать
Онѣ могли, и кавалеры тоже
Приглашены изъ школъ и корпусовъ,
Всё сверстники, почти-что дѣти! . . Такъ-то
Въ недѣлю разъ хотятъ устроить намъ
Домашній балъ, чтобъ пріучить сестру
«Къ приличію и тону свѣта». Я
Сказалася больною. Что мнѣ тамъ?
Я никого не знаю, и меня
Никто не знаетъ. Этотъ дѣтскій кругъ
Съ ужимками большихъ и ихъ тщеславьемъ,

Мнѣ кажется смѣшонъ. Хоть и по лѣтамъ, —
Но мнѣ онъ не по мыслямъ. Пусть княжна
Надъ дикостью моей смѣется; мнѣ
Теперь ея насмѣшки не страшны;
Ужъ къ нимъ привыкла я, и равнодушно
Переношу и колкости, и ласки,
И скуку жизни вялой, безнадежной . . . .
Межъ ними, но не съ ними я! . . . . Мнѣ сонъ
Всё внѣшнее, всё зримое, и правда
Лишь только то, чего не вижу я,
Что̀ чувствую въ душѣ моей глубоко! . . . .
Для грустнаго сегодня, для поры
Теперешней, — для жизни настоящей
Слѣпа я, и глупа, и недоступна,
Минувшему всѣмъ сердцемъ предаваясь:
И для меня, какъ вѣчнымъ привидѣньемъ,
Міръ полонъ имъ! . . . . да, полонъ имъ однимъ! . . . .

II.

. . . . Now dearly I have dwelt
On one unbroken dream of thee!

(Byron, attributed Poems.)

8 Ноября 18 . . . .

Порой случается, мнѣ въ тишинѣ
Вдругъ слышится вблизи какой-то шумъ,
Его шаговъ знакомый, тихой шумъ . . . .
Мнѣ чудится: онъ входитъ! . . . . онъ вошелъ! . . . .
Онъ предо мной! . . . . И нѣжно улыбаясь,
Привѣтствуетъ меня и долгимъ взоромъ,
И словомъ ласковымъ . . . . . . Я слышу, слышу
Такъ явственно бряцанье звонкихъ шпоръ . . . .
Я чувствую: отъ бѣлаго султана
Мнѣ свѣжимъ воздухомъ въ глаза, въ лице
Повѣяло, какъ чудной, новой жизнью . . . .
И радостная дрожь меня беретъ,
Въ груди моей дыханье замираетъ,
Краснѣю я, . . . мнѣ весело, мнѣ стыдно,
Мнѣ хорошо . . . . какъ будто-бы онъ точно,

Онъ самъ со мной, какъ будто-бы при немъ
Я скрыть должна сердечное волненье ....

Хочу съ нимъ говорить: нѣтъ словъ въ устахъ,
Нѣтъ голоса, нѣтъ мыслей у меня! ....
Хочу взглянуть .... но смѣлость измѣнила!
И взоръ потупленный прикованъ долу! ....
И долго я, въ несказанномъ смущеньи,
Въ припадкѣ, непонятномъ мнѣ самой,
Блаженнаго и сладкаго безумья —
Видѣніемъ своимъ упоена;
И долго, власть разлуки побѣждая,
Душа взволнована своей мечтой,
Своей чудесной грезой на яву,
И тѣнь любимую въ восторгѣ я
Стараюся почтить благоговѣньемъ
Покорнымъ и нѣмымъ, любовью прежней,
Моей святой и пламенной любовью! ....

III.

. . . . In sadness
Still I feel how dear thou art! . . . .
(Byron, Miscellaneous Poems.)

12 Ноября 18. . . .

Мечтать о немъ, мечтать о немъ,
Вотъ всё, что мнѣ осталось!
Другой мечтой, иль лучшимъ сномъ
Жить сердце отказалось.
Хоть скучно мнѣ, хоть грустно мнѣ
Въ разлукѣ отчужденной,
Но память прошлаго душѣ
Останется священной.

Но развлеченій не прошу,
Но не хочу отрады,
Но за страданье не возьму
Ни платы, ни награды;
Но горе съ плачемъ роковымъ
Мнѣ счастье замѣняетъ:
Оно имъ полно, дышетъ имъ . . . .
И съ нимъ меня сближаетъ! . . . .

IV.

. . . . And echo answers: « Where? . . . . »
(Bride of Abydos.)

13 Ноября 18 . . . .

Гдѣ ты, минутный гость, гдѣ ты, гость сердцу милый? . . . .
Обворожитель мой, какъ быстро скрылся ты! . . . .
Скажи, ты занесенъ былъ къ намъ волшебной силой,
Иль былъ созданіе обманчивой мечты? . . . .
Зачѣмъ грустить душа, взволнована тобою?
Зачѣмъ ты пустоту оставилъ въ сердцѣ мнѣ?
Зачѣмъ младую жизнь ты отравилъ тоскою?
Зачѣмъ . . . . но голосъ мой не долетитъ къ тебѣ! . . . .

Тебя я помню, вдохновенный!
Твои слова, твой пылкій умъ, —
Борьбою съ жизнью окриленный, —
Святыя тайны грустныхъ думъ,
И теплоту мечты прекрасной,
Непринужденный разговоръ,

И блескомъ чуднымъ полный взоръ;
И голосъ полный нѣги страстной,.....
Всё, поразившее меня,
Всё слышу, ... вижу, ... помню я! ....

Всегда окружена холодными сердцами,
Людьми покорными ничтожнымъ суетамъ,
Предубѣжденія, обычая рабами, —
Могла-ли вѣрить я возвышеннымъ сердцамъ?....
Могла-ли ожидать, что идеалъ мой милый,
Мечта любимая, взлелеянная мной,
Внезапно явится, ... и жизни путь унылый
Одѣнетъ красками надежды неземной! ....

Но ты предсталъ мнѣ, добрый геній,
Меня улыбкой подарилъ,
Тревогой нѣжныхъ впечатлѣній
Мнѣ пустоту души смѣнилъ.
Ты оживилъ мои мечтанья:
Я вновь повѣрила добру;
Въ тебѣ нашла я на-яву,
Всё, что̀ сулило ожиданье, ...
И сердце вмигъ очнулось вновь,
И загорѣлась въ немъ любовь!

И гдѣ-же ты теперь? .... Судьба тебя умчала
Далеко, можетъ-быть, на вѣки отъ меня!
Жестокая! она мнѣ счастье показала
За тѣмъ лишь, чтобъ живѣй о немъ жалѣла я;

За тѣмъ, чтобъ встрѣтившись однажды здѣсь съ тобою,
Возненавидѣла на вѣкъ я всѣхъ другихъ, ...
Чтобъ тщетная любовь мучительной тоскою,
Затмила-бы зарю печальныхъ дней моихъ . . . .

Прости-же ты, мой незабвенный! . . . .
Нѣмое горе, и въ душѣ
Воспоминаній рядъ безцѣнный,
Вотъ всё, что остается мнѣ!
Прости, прости! . . . . Одной мольбою,
Однимъ желаньемъ о тебѣ
Я буду докучать судьбѣ:
Чтобы избранная тобою
Любить умѣла-бы какъ я, ...
Чтобъ ты былъ счастливъ .... безъ меня! ....

V.

His eye's dark charm 't were vain to tell,
But look on that of the gazelle,
It will assist thy fancy well:
As large, as languishingly dark;
But soul beamed forth in every spark
That darted from beneath that lid,
Black, as the jewel of Giamschid!

(The Giaour.)

20 Ноября 18....

О! какъ я помню ихъ, тѣ очи огневыя,
Которыхъ чудный блескъ очаровалъ меня! ....
Какъ помню взоры тѣ, привѣтные, живые,
Чей страстный разговоръ понять старалась я!! ....
Какъ пламенно они, какъ радостно сверкали,
Какъ вдохновенный умъ въ нихъ видимо горѣлъ!
Какъ много хитрые тѣ взоры обѣщали, ...
Какъ небывалое онъ въ нихъ сказать умѣлъ! ....
Какъ искуситель-змѣй, въ чудесный рай манилъ онъ,

А я? . . . . я вѣрила, что рай доступенъ вновь . . . .
Двя равнодушнаго ужъ слишкомъ нѣженъ былъ онъ,
Но слишкомъ холоденъ, коль то была любовь! . . . .

VI.

Di memoria nudrirsi .... più che di speme! ....
(Mirabeau, Lettres à Sophie.)

26 Ноября 18....

Люблю я взоръ его очей:
Люблю я звукъ его рѣчей,
И рѣдкую его усмѣшку,
И благородное чело;
Люблю сужденіе его,
Его незлобную насмѣшку,
Бесѣдъ непринужденный складъ,
Небрежность въ поступи, въ привѣтѣ,
И отчужденье въ шумномъ свѣтѣ,
И средь веселій гордыхъ хладъ. —
Люблю его одушевленье
Въ кругу родномъ, въ кругу друзей,
Когда всей пылкости своей
Онъ предается безъ зазрѣнья. —
Люблю, когда вдругъ оживясь,
Онъ отъ души разговорится;
То вскочитъ, будто торопясь

Всё высказать, то вновь садится;
Межъ-тѣмъ, туманомъ обложась,
Янтарь поспѣшно задымится
Въ рукахъ его, и по устамъ
Востока легкій фиміамъ
Струей капризною клубится . . . .
Люблю внимать его рѣчамъ,
Его разсказамъ и преданьямъ
И сердца пылкимъ изліяньямъ,
И неувянувшимъ мечтамъ . . . .
Порой люблю въ немъ видъ угрюмый,
Глубокихъ замысловъ клеймо,
Разсѣянность, примѣту думы, —
Люблю безмолвіе его!

Люблю припоминать былое,
Имъ умъ питать, имъ сердце грѣть,
Дней прошлыхъ время золотое
Вновь пережить, пересмотрѣть . . . .
Люблю то мѣсто, гдѣ, бывало,
Сидѣли часто мы вдвоемъ,
Гдѣ близъ него, я всё мечтала,
Забывъ весь міръ, о немъ одномъ . . . .
Опасные мнѣ разговоры
Тогда онъ хитро начиналъ,
И допрошающіе взоры
Лукаво на меня вперялъ:
Я трепетала, я мѣшалась,
Краснѣла, робости полна;
Или въ восторгѣ улыбалась,

Любви порыву предана . . . .
Люблю . . . . любила я волненье,
Имъ пробужденное во мнѣ;
Я находила упоенье
Въ самыхъ слезахъ, въ самой тоскѣ.

Но нынче . . . . хладной мглой разлуки
Вся жизнь моя омрачена,
И услаждаетъ сердца муки
Лишь мысль о немъ, мечта одна . . .
Люблю его, хоть не умѣла,
Хоть не могла я, хоть не смѣла
Въ любви покаяться предъ нимъ! . . . .
Какъ пламенно его люблю я,
То Богу одному скажу я . . . .
И то не языкомъ земнымъ!

VII.

Il n'aimait pas . . . . j'aimais ! . . .
(M-me Desbordes-Walmore.)

29 Ноября 18. . . .

Коваренъ онъ! . . . . Онъ, не любя меня,
Мнѣ сердце искушалъ и лестью и вниманьемъ,
Онъ зналъ, что вѣтрена, что легковѣрна я,
Что обмануть меня онъ могъ своимъ исканьемъ;
Со мной онъ милъ, лукавъ, притворно-нѣженъ былъ . . . .
Не зная какъ легко хитрить и лицемѣрить,
Могла-ли я ему, могла-ли не повѣрить? . . . .
Онъ сердце слабое завлекъ, обворожилъ, —
И дорого плачу я за минуты счастья,
Имъ подаренныя такъ не на-долго мнѣ,
Ахъ! онъ не отгадалъ, въ своемъ слѣпомъ безстрастьи,
Какъ гибельна любовь неопытной душѣ!
А я, своей мечты я не могу забыть;
Онъ мной дней нѣсколько для шутки занимался,
А я должна всю жизнь его любить! . . . .

ГЛАВА XII.

ПЕРЕПИСКА.

Il faut si peu de chose à ceux qui ont beaucoup soufferts pour les soulager! .... Une goutte d'eau est un bienfait dans le désert. Il n'y a que les heureux et ceux à qui rien ne manque qui soient exigeants.

(Fréderic Soulié.)

Les erreurs de la femme viennent presque toujours de sa croyance au bien, ou de sa confiance dans le vrai.

(Balzac.)

I.

Message inattendu, caches-toi sur mon coeur,
Caches-toi, je n'ose te lire! . . . .

(M-me Desbordes Valmore.)

3 Декабря 18 . . . .

О радость! О восторгъ невыразимый
И нежданный! . . . . Чѣмъ заслужила я
Такую сладкую отраду? . . . . кто,
Кто за меня успѣшно умолилъ
Небесное могущество? . . . .

Письмо

Ко мнѣ, и отъ него . . . . Письмо! о Боже!
Благодарю . . . . слезами, — не словами!
Онъ пишетъ мнѣ, ... онъ вспомнилъ обо мнѣ,
Онъ издали, въ разлукѣ мною занятъ? . . . .
За эту радость, я ему прощаю
Всё прошлое, всѣ муки, всѣ страданья,
Всѣ пени на него! Я позабуду,
Какъ плакала и какъ томилась я:

Лишь радостью, любовью, упоеньемъ
Полна душа во мнѣ, трепещетъ сердце . . . .

Не знаю, что̀ вдругъ вздумалось ему
Участіемъ своимъ меня утѣшить;
Но, кажется, въ письмѣ его я вижу
Не свѣтскую учтивость, не пріязнь
Холодную одну: нѣтъ, отголосокъ
Сердечности и чувства нахожу,
Я въ строкахъ дорогихъ. Не я одна,
Елена тоже мнѣнья моего:
Вчера, когда она мнѣ отдала
Завѣтное письмо, въ глазахъ моихъ
Всё смеркло вдругъ отъ страха и волненья:
Я не могла читать. Она взялась
Мнѣ въ немощи помочь . . . . Она читала
И вмѣстѣ мы вникали въ тайный смыслъ
Всѣхъ словъ его, всѣхъ бѣглыхъ выраженій . . . .
Когда мы кончили, Елена мнѣ
Шепнула, улыбаясь: «такъ не пишутъ
Къ тѣмъ, кто не милъ, или не дорогъ намъ! . . . .»

II.

ПИСЬМО ВЛАДИМІРА КЪ ЗИНАИДѢ.

Вотъ съ полгода почти какъ мы разстались, —
И можетъ-быть, уже успѣли вы
Прохожаго угрюмаго забыть, —
Который на мгновенье тѣнь свою
Печальную набросилъ ненарокомъ
На свѣтлый токъ спокойной жизни вашей? ....
Быть-можетъ, этотъ срокъ, имъ прожитой
Безжизненно, безрадостно, для васъ
Ознаменованъ былъ какой-нибудь
Зарею новой, новымъ пробужденьемъ
Блаженства или чувства въ вашемъ сердцѣ?
И въ полгода такъ много жили вы,
Что ужъ боится онъ отъ васъ отстать! ....
Всё кажется ему, — вотъ онъ вчера
Еще на васъ глядѣлъ, еще былъ съ вами,
И съ вами, опечаленный, прощался ....
А вамъ, — а вамъ, прекрасное дитя,
Всё это, какъ минувшее давно,
Уже смѣшно и непонятно стало? ....
Вы молоды, вы — женщина: для васъ

Богата жизнь обѣтами, мечтами . . . .
И будущность златая впереди
Васъ издали манитъ очарованьемъ;
Я всё прошелъ, всё пережилъ давно,
Чтò можетъ насъ прельстить и обморочить;
Я бѣденъ ожиданьемъ, и меня
Надежда не баюкаетъ, не нѣжитъ;
И если я впередъ смотрю, то съ страхомъ
И твердостью, — готовязь на борьбу,
На горестный обманъ, а не на радость! —
И если я еще душою живъ,
И сердцемъ не увялъ, и еслибъ могъ
Еще быть счастливъ я, чтò пользы въ томъ? . . . .
Кому какое дѣло до меня? . . . .
И для кого всё это пригодится? . . . .

Однако, васъ благодарить хочу я,
И долженъ: ваше свѣтлое явленье
Навѣяло поэзію на душу
Мою отцвѣтшую; вы были для меня
Какъ милый призракъ юности забытой,
Какъ легкій и крылатый гость съ небесъ,
Вдругъ встрѣченный среди земныхъ обмановъ!
Я отдохнулъ при васъ, я молодѣлъ,
Смотря на вашу молодость живую!
Вы помирили съ жизнію меня, —
Вы женщинъ предо мною оправдали!
Близь васъ, при васъ, отъ васъ я научился
Вновь вѣровать и вѣрить, вновь любить
Прекрасное; — да! вы почти меня

Заставили вдругъ глупо замечтаться,
Какъ школьника .... Спасибо и за то! ....
Вы милы, вы добры, — быть-можетъ, даже,
И слишкомъ для меня .... Когда, бывало,
Поссоримся мы съ вами, иль миримся,
Всё ни за что̀, — когда я васъ дразнилъ,
Чтобъ слышать, какъ умно вы защищались,
Чтобы глядѣть вамъ прямо въ эти глазки
Сердитые и чудные при томъ, —
Вы думали, я васъ не понимаю, —
Цѣнить, какъ должно, васъ я не умѣю? ....
Дитя, дитя!! .... Богъ съ вами! .... Вѣрьте мнѣ, —
Я знаю васъ, я знаю цѣну вамъ,
Конечно, лучше, нежели вы сами!
Но глухъ и слѣпъ казался часто вамъ,
Но я нѣмымъ остался, чтобы васъ
Не испугать догадливостью чуткой ....,
Чтобъ васъ не сглазить, радость вы моя!
О! счастливъ тотъ, блаженъ, стократъ блаженъ,
Кто царствуетъ надъ вашими мечтами! ....
Кто избранъ вашей думой прихотливой,
Кого вы любите! Но вы — ребенокъ!
Не долго, не всегда вамъ объ одномъ
И томъ-же всё мечта̇ть! его не долго
Вы будете и помнить и любить ....
Вы встрѣтите, полюбите другаго,
Вамъ сердца первый сонъ смѣнитъ, и скоро,
Сонъ новый, сонъ другой! .... Такъ быть должно, ...

Таковъ порядокъ вѣчный межъ людьми,
И межъ сердцами ихъ! Сперва мы ищемъ,
Что̀ старше насъ, испытаннѣй, сильнѣе,
Чтобъ робкой головой къ нему склониться.
Такъ слабый плющъ себѣ опоры ищетъ
У сломаннаго дуба, и его
Всей свѣжестью и зеленью своею
Онъ любитъ одѣвать и наряжать;
Мы тоже всѣ сокровища любви
Приносимъ въ даръ избранникамъ сердечнымъ....
Потомъ, ужъ въ насъ самихъ проснется сила,
И властвовать захочется тогда,
И нѣжимъ уже мы самолюбиво
Цвѣтущее растенье молодое,
И ароматъ его благоуханный
Вдыхаемъ жадно мы, чтобъ оживить
Слабѣющей и обнищавшей жизни
Въ себѣ струю. Такъ быть должно, сказалъ я,
Такъ будетъ съ вами .... Можетъ-быть, сер-
диться
Вы станете за проповѣдь мою,
И вѣщуна непрошеннаго вы
Съ досадой проклянете? .... ахъ! онъ правъ!
Такъ будетъ съ вами! .... А теперь пока,
Вы боретесь съ судьбою вамъ враждебной,
Несродной вамъ; въ семьѣ чужой, холодной,
О, бѣдное дитя мое, вамъ трудно,
Вамъ горько жить! Вы, — баловень природы, —
Столь-щедро одѣленная дарами
Ея неподкупными, — вы, съ душой,

Съ умомъ, и сердцемъ вашимъ бѣднымъ,
Не знаете, какъ справиться, какъ быть;
Они для васъ мучительная роскошь,
И васъ за нихъ преслѣдуютъ всечасно,
Межъ-тѣмъ-какъ васъ они гнѣтутъ богатствомъ
И лишнимъ, и опаснымъ. Вы, въ томъ домѣ
Блистательно-спѣсивомъ, чинно-скучномъ,
Какъ странникъ образованный, случайно
Попавшійся въ плѣнъ къ дикимъ племенамъ,
Гдѣ всѣ ему, и онъ всѣмъ чуждъ; гдѣ слово,
Потребности и мнѣнія его
Равно и непонятны и смѣшны . . . .
И дикари столичной шумной жизни
Не понимаютъ васъ, — и ихъ вражда
Вамъ мститъ за всё высокое, святое,
Что̀ небо вамъ дало, чего въ нихъ нѣтъ! . . . .
Терпите, и крѣпитесь, и мужайтесь! . . . .
Готовьтеся къ усиленной борьбѣ;
Чѣмъ далѣе пойдете вы, чѣмъ выше
Васъ увлечетъ порывъ младой души,
Тѣмъ болѣе враговъ и битвъ найдете
На каждомъ вы шагу! Не унывайте:
Когда-нибудь, избавившись изъ плѣна,
Въ иномъ быту, въ кругу другомъ, на волѣ
Очнетесь вы, и будете тогда
Сама-собой, достойною себя . . . .
Поэзіей васъ Богъ благословилъ,
Поэзія васъ вознесетъ далеко
И высоко! И славы гордый лавръ
Цвѣтущее чело вамъ обовьетъ,

И скажемъ мы тогда, гордяся вами:
Какъ хороша младая слава наша,
И какъ славна родимая краса! . . . .
Впередъ, дитя, — свои расправьте крылья,
Смѣлѣй, — лишь опереться вы умѣйте
На сильную и дружескую руку! —
Теперь для васъ и пусто и мертво,
Потомъ придетъ! — Богъ не оставитъ васъ! . . . .
Я знаю, вамъ отраденъ, вамъ знакомъ
Святой пріютъ невозмутимой вѣры;
Спасайтесь въ немъ! Тамъ свыше озаритъ
Васъ тихая и свѣтлая надежда,
А я, вдали отъ васъ, слѣжу съ любовью
Наперсника и брата каждый шагъ,
И каждый вашъ привалъ въ пути земномъ!
И болѣе чѣмъ съ дружескимъ участьемъ
Благословляю васъ отъ всей души,
И радуюсь за васъ, за васъ боюсь . . . .
И сладкою надеждой замираю
За васъ и за себя! . . . . Пока, прощайте!
Но свидимся-же мы когда-нибудь! . . . .»

III.

Should I greet thee? . . . .
(Byron.)

4 Декабря 18 . . . .

Мнѣ надобно его благодарить, ...
Мнѣ должно отвѣчать безъ замедленья,
На добрыя и дружескія рѣчи,
На ласковый привѣтъ его письма:
А я боюсь . . . . боюсь, чтобы сердце снова
Не увлеклось, себѣ не измѣнило,
И лишняго ему не разсказало . . . .
Разсудокъ мой . . . . веди моимъ перомъ,
И вразуми, и сбереги меня . . . .

IV.

ОТВѢТЪ ЗИНАИДЫ НА ПИСЬМО ВЛАДИМІРА.

My heart is feminine, — nor can forget,
To all, except one image, madly blind.

(Byron, Don-Juan.)

Какъ утѣшительны, какъ дороги мнѣ строки
Гдѣ соучастіе мнѣ ваше говоритъ! . . . .
Я въ сердце приняла завѣтные уроки,
И сердце ревностно святыню ихъ хранитъ.
Ихъ не забуду я! . . . . Ихъ смыслъ уваженъ мною;
Въ нихъ цѣль скрывается высокая моя;
Они защита мнѣ въ борьбѣ моей съ судьбою,
И слабой, сирою теперь не буду я . . . .
Подъ гнетомъ горести, въ минуту испытаній,
Слова отрадныя я ваши перечту,
И я увѣрена, что противъ всѣхъ страданій
Спасительныя въ нихъ я чары обрѣту.

А вы, вы думали, что вѣтреннымъ упрекомъ
На дружескій совѣтъ я стану отвѣчать? . . . .

Нѣтъ! .... съ благодарностью, въ довѣріи глубокомъ,
Я вашу искренность умѣю оцѣнять.
Хоть часто разнаго мы съ вами были мнѣнья,
Хоть ваша опытность пугала разумъ мой,
Хоть полною надеждъ и грёзъ душой
Я не могу принять уставъ разувѣренья, —
Но знайте, — васъ понять умѣла я всегда,
Я къ вашимъ помысламъ и чувствамъ примѣнилась,
Я вашимъ умственнымъ величіемъ гордилась,
И дружбой искренной вполнѣ увлечена,
Своимъ ничтожествомъ я счастлива была!

Уже-ль вы поняли безумныя роптанья,
Бредъ пламенной души, пѣнявшей на судьбу? ....
Но съ лишней похвалой, — я нахожу, —
Вы превозносите во мнѣ то дарованье,
Котораго печать случайно я ношу ....
Нѣтъ! .... не горитъ во мнѣ святое вдохновенье,
Ни геній, ни талантъ въ удѣлъ мнѣ не даны,
Не избрало меня въ поэты провидѣнье,
И лавры вѣчные не мнѣ обречены:
Нѣтъ, сильно чувствуя, я просто выражаю
То думы, то мечты, то горести свои;
Я въ искреннихъ словахъ пылъ сердца изливаю,
Бумагѣ предаю всю исповѣдь души.
Нѣтъ! пѣсней выспреннихъ вы отъ меня не ждите,
Луча поэзіи во мнѣ вы не ищите,

Я женщина, ... и женскою душой
Могу возвыситься любовію одной! ....
Я славы не ищу, — и даже не желаю, —
Пишу не для нея, но для моихъ друзей!
Я суетныхъ отрадъ молвы не понимаю,
На лавры вѣчные, на блескъ не посягаю,
Имъ жажды счастія не утолю своей:
Какая польза мнѣ, мое-ли имя въ свѣтѣ
Легко изъ устъ въ уста промчится съ похвалой? ....
Что̀ въ постороннихъ мнѣ, въ ихъ мнѣньи и привѣтѣ? ....
Не увлечется онъ ни славой, ни молвой! ....
А я лишь для него и лишь о немъ мечтала ....
Къ нему порывъ души, къ нему и сердца гласъ! ....
Признаться-ли? .... когда такъ пламенно слагала
Напѣвы я свои, — я только и желала
Чтобъ онъ, читая ихъ, задумался хоть разъ ....

Достигнута ихъ цѣль — и вѣчному забвенью
Я предаю стихи счастливые свои! ....
Ихъ складъ простой служилъ признаніямъ любви,
Нескрытныхъ, пылкихъ чувствъ, живому выраженью, —
Отнынѣ дороги и милы мнѣ они! ....
Какая-бъ слава мнѣ ту радость замѣнила,
Которая мнѣ грудь и сердце оживила,
Когда сбылись мечты любимыя мои? ....

Да, рѣдко сны мои имѣютъ исполненье ....
Къ удачамъ, къ счастію не пріучилась я,
И вы къ борьбѣ съ судьбой готовите меня, —
Какъ будто вамъ мое извѣстно назначенье? ....
Вы мнѣ желаете покорности, терпѣнья, —
Совѣтуете мнѣ пылъ сердца укротить,
И чистой вѣры лучъ въ немъ ярко затеплить? ....

Ужель забыли вы, что духъ мой слабъ и молодъ,
Что проситъ онъ и ждетъ надеждъ, страстей живыхъ? ....
А счастье? .... а любовь? .... Объ нихъ вы мнѣ ни слова?
Какъ будто-бы легко, во цвѣтѣ юныхъ дней,
Умерши заживо, отрекшись отъ земнаго,
Дышать святынею, и думать лишь о ней? ....
Нѣтъ! .... Есть чреда всему, и воля Провидѣнья
Отъ насъ не требуетъ такого приношенья, —
Не воспрещаетъ намъ и чувствовать и жить.
Блаженъ, кому даны златыя сновидѣнья
Съ небесной истиной въ горячемъ сердцѣ слить ....
Любовь должна начать, что вѣра довершаетъ:
Любовь житейскую зарю намъ золотитъ:
А вѣра намъ закатъ преклонный озаряетъ,
Разочарованныхъ съ судьбою примиряетъ, —
И за могилою отраду имъ сулитъ ....
Я счастія не жду .... любви желать не смѣю,
Но ахъ! невольно мнѣ тоскуется по нихъ!

Безъ нихъ ничтожна жизнь! . . . крестъ горестей моихъ
Нести безропотно я силы не имѣю . . . .
Унылымъ, пасмурнымъ порой издалека
Какъ буря грозная, грядущее мнѣ снится, —
И если небосклонъ надъ мною прояснится, —
То всё останется въ душѣ моей тоска:
И если радость мнѣ внезапно улыбнется,
То всё я не могу былую скорбь забыть!
Пока въ немъ жизнь кипитъ, покуда сердце бьется,
Мнѣ предназначено и плакать, и любить! . . . .

Но вы, ... о! помню я, ... вы вѣрить не хотите,
Чтобъ сердце женское быть преданнымъ могло,
Чтобъ неизмѣнностью исполнилось оно; . . . .
Не вѣрьте, ... но прошу, пока не уличите
Вы въ вѣтренномъ безпамятствѣ меня, —
Несправедливостью меня не огорчайте,
Заранѣе меня не осуждайте, —
И знайте, что храню къ вамъ свято дружбу я!

V.

Письмо дрожитъ въ ея рукѣ ....
(Онѣгинъ.)

6 Декабря 18....

Письмо мое окончено: — оно
Предо мной лежитъ, и страшно стало
Его перечитать .... Боюсь, — разсудокъ
Отвергнетъ то, что̀ сердцемъ внушено;
Боюсь, опять, какъ разъ ужъ мнѣ случилось,
Предамъ огню безумныя слова, —
Которыхъ недостатокъ вѣчный будетъ —
Избытокъ истины и правды; — мнѣ
Притворство мудрено и невозможно.

Рѣшаюся! .... читаю! .... Я довольна: —
Письмо мое пойдетъ! .... И скоро, скоро,
Къ нему безцѣнный взоръ прильнетъ съ вни-
маньемъ! ....
На немъ, поникнувъ долго головой —
Задумается медленный читатель ....
Ахъ! .... почему я не могу сама
Въ счастливое письмо оборотиться? ....

VI.

Du bonheur quelle serait l'aurore? . . . .
Je m'y perdais!
Mon tour ne venait pas encore,
Mais j'attendais!

(Gustave Drouineau.)

8 Декабря 18. . . .

Въ душѣ растерзанной, измученной, убитой,
Зачѣмъ еще живетъ, еще горитъ мечта? . . . .
Зачѣмъ меня порой надежды красота
Умѣетъ увлекать въ свой рай полу-забытый? . . . .
Не всё-ли кончилось на вѣки для меня?
Мой жребій не вполнѣ-ль въ семъ мірѣ совер-
шился? . . . .
Не безъ возврата-ли лучь радости затмился, —
Не рѣшена-ль судьба печальная моя? . . . .
Отъ самихъ раннихъ лѣтъ о счастьи я мечтала,
Старалась отгадать его младой душой; . . . .
Предчувствіе въ удѣлъ любовь мнѣ обѣщала,
И я заранѣе удѣлъ хвалила свой . . . .
Мой умъ мечтательный, мое воображенье
Скучали тишиной безсмутною моей,

Просили сильныхъ чувствъ, и жизни, волненья,
И я, какъ торжества, ждала поры страстей....
Оно исполнилось, безумное желанье, —
Пришла пора любви, любовь узнала я, ...
Но принесла она и горе и страданья, —
Но жребій счастіемъ не надѣлилъ меня!....
Нѣтъ! я ни счастія, ни радости не знала,
Любила, плакала, томилася одна, —
Слѣпому идолу безумно предана....
И какъ я мучилась? Но всё-таки, бывало,
Надежда свѣтилась душѣ издалека....
Теперь, надежды сны разлука разметала,
Какъ разметаетъ вихрь по небу облака....

Чего-жъ еще теперь всё жду я такъ упорно?
Чтȯ улыбается мечтамъ моимъ въ дали?....
«Я буду!» — онъ сказалъ; словамъ его покорна, —
Я свято жизни лучь храню въ больной груди,
Я жду.... чтобъ разъ еще съ нимъ на землѣ сойтиться,
Чтобъ рѣчь его дошла до слуха моего,
Чтобъ въ милый взоръ его мой взоръ могъ погрузиться, —
Рука моя дрожать и млѣть въ рукѣ его....

Я жду.... онъ ждать велѣлъ!.... Живу, терплю, тоскую....
Терпѣнье, жизнь и скорбь завѣщаны мнѣ имъ!

Но онъ не плакать мнѣ, а пѣть велѣлъ: — живу я,
И пѣсни всѣ мои полны лишь имъ однимъ ....
Онъ обѣщался быть, онъ обмануть не можетъ ....
Онъ будетъ! .... я дождусь кумира моего! ....
Пускай до той поры тоска мнѣ сердце гложетъ, ...
За всё вознаградитъ меня возвратъ его!

VII.

I loved, I love you . . . .»
(Byron, Don-Juan.)

15 Декабря 18 . . . .

Ни хладъ разстоянья, ни скука разлуки
Не могутъ меня измѣнить,
Съ презрѣньемъ снесу я и горе, и муки,
Любила, люблю я, вѣкъ буду любить!

Пусть люди за чувство меня порицаютъ,
Пусть будутъ и гнать, и винить;
Пусть ихъ, сумасшедшей меня называютъ, —
Любила, люблю я, вѣкъ буду любить!

Пусть громъ осужденья, несчастья удары
Должны мою жизнь поразить,
Меня не страшатъ ни угрозы, ни кары, —
Любила, люблю я, вѣкъ буду любить!

Кумиръ мой далекій, плѣнившись другою,
Легко меня можетъ забыть . . . .
Но я неизмѣнной и страстной душою
Любила, люблю, и вѣкъ буду любить!

VIII.

La mémoire, ... c'est un oiseau moqueur, qui ne retient bien que les voix qui font pleurer!

(L'atelier d'un Peintre, par M-me Desbordes-Walmore.)

18 Декабря 18 . . . .

Случается, мнѣ вдругъ придетъ на умъ
Иль взглядъ имъ брошенный почти невольно
Въ минуту думъ тревожныхъ, скорби тайной,
Иль слово нѣжное, почти украдкой
Промолвленное мнѣ въ мигъ увлеченья,
Иль что̀-нибудь, что̀ мнѣ тогда казалось
Многозначительно и полно смысла . . . .
И пораженная, проснуся я, ... дышу,
Оживлена воспоминаньемъ сладкимъ, —
Свидѣтельства любви, примѣту чувства
Ищу во всемъ, во всемъ хочу ихъ видѣть . . . .
Тогда отрадно мнѣ; и сердцу легче;
Тогда о немъ мечтать могу я вновь,
И скорбь моей мечты не отравляетъ.

Сегодня, въ тихій часъ зари вечерней,
Подъ сумерки, одна, полна волненья,
Лѣниво на окно облокотясь,
Сидѣла я, — и вдругъ моя рука
Разсѣянно открыла мой альбомъ,
Лежавшій предо мною . . . . Замелькали
Сушеные цвѣты, сухіе листья,
Свидѣтели прогулокъ нашихъ лѣтнихъ,
Остатки отъ завянувшихъ букетовъ,
Сокровища, хранимыя съ любовью,
Въ которыхъ милъ и дорогъ мнѣ одинъ
Его лишь слѣдъ. — И вотъ, попался мнѣ
Клочекъ простой бумаги, гдѣ однажды
Карандашемъ чертилъ онъ всякій вздоръ
На разныхъ языкахъ, уча меня,
Не понимая бѣгло повторять
Слова и рѣчи трудныя. Межь ними
Случилась фраза цѣлая по-шведски,
Якъ эльзкаръ дыгъ! . . . . И говоря ее,
Онъ на меня смотрѣлъ съ своей улыбкой
Опасной мнѣ . . . . Потомъ, меня заставилъ
За нимъ сказать мудреныя слова,
И объяснилъ, что будто они значатъ:
«Какъ я люблю тебя!» — Я замолчала,
И отошла. Но слухъ и сердце знали
Ужъ наизусть то странное признанье, —
И часто я потомъ его твердила
Одна и грустной думѣ предаваясь. —
Сегодня, нахожу его въ альбомѣ
Написаннымъ его рукой знакомой;

И съ радостью и горемъ пополамъ
Я вскрикнула и громко прочитала:
Якъ эльзкаръ дыгъ! Вдругъ вздрогнула! — Казалось,
Не я, а онъ самъ то произнесъ! ....
Я быстро оглянулась .... нѣтъ! ошибка!
Ошибка сердца глупаго! Всё пусто,
Всё тихо! .... Я по прежнему одна, —
И слезы заструилися изъ глазъ ....
Я поняла, я разсудила скоро,
Что мнѣ почудилось, — но долго я
Въ раздумiи твердила и шептала,
Какъ чудный талисманъ, какъ заклинанье,
Магическiй девизъ: «якъ эльзкаръ дыгъ!»
Якъ эльзкаръ дыгъ! О! звукъ небесный,
Нѣтъ, не забыла я тебя!
Съ тобою властiю чудесной
Душа сроднилася моя ....
Въ умѣ живетъ, въ устахъ всё вьется,
Въ ушахъ и сердцѣ раздается:
Якъ эльзкаръ дыгъ! ....

Якъ эльзкаръ дыгъ! любви преданье: —
Порывомъ сердца увлеченъ,
Однажды, въ мигъ очарованья,
Слова тѣ вымолвилъ мнѣ онъ ....
Я въ упоенiи внимала, ...
И долго вслѣдъ за нимъ шептала:
Якъ эльзкаръ дыгъ! ....

Якъ эльзкаръ дыгъ! въ разлукѣ скучной
Отрада сердцу моему;
Языкъ чужой, но сладкозвучный,
Понятенъ страстному уму.
И въ часъ желаннаго свиданья
Скажу ему, забывъ страданья:
Якъ эльзкаръ дыгъ! . . .

ГЛАВА XIII.

ВСТУПЛЕНЬЕ ВЪ СВѢТЪ.

То былъ великій день: семьнадцать лѣтъ!
Всё, что доселѣ таилось за рѣшеткой,
Теперь немедленно явится на свѣтъ! . . . .

(Лермонтовъ. Сказка для дѣтей.)

Nous voyons tout à travers nous-mêmes; nous sommes un milieu toujours interposé entre les choses et nous. L'homme n'habite, à proprement parler, que lui-même, que sa tête et son coeur. Tous les lieux, qui ne sont pas là, ont beau être devant ses yeux, à ses côtés, ou à ses pieds. — Il n'y est point.

(Pensées de Joubert.)

Voir le monde, — c'est juger les juges!

(Idem.)

Then must I plunge into the crowd . . . .
Where revel calls, and laughter wildly loud,
False to he heart, distorts the hollow cheek
To leave the flagging spirit doubly weak! . . . .

(Childe Harold's Pilgrimage.)

I.

Ich bin mündig, — denn ich liebe!

(Schiller, im Wallenstein.)

25 Декабря 18....

За завтракомъ, когда княгиню мы
Соборомъ поздравляли съ Рождествомъ,
И всѣ ей подносили дань работы
Какой-нибудь, — она намъ объявила,
И Надинькѣ и мнѣ, что послѣ завтра
На балъ насъ повезутъ, представятъ въ свѣтъ ....
Князь хочетъ, князь велитъ, князь къ ней пи-
салъ,
Чтобъ вмѣстѣ насъ обѣихъ вывозили;
Письмо его мнѣ отдали, — что̀ дѣлать? —
Я покорилась, я вступаю въ свѣтъ!
Да! Въ этотъ свѣтъ, мнѣ странный, ненави-
стный,
Гдѣ я, для всѣхъ чужая сирота,
И безприданница, должна исчезнуть,
Затертая блестящею толпою

Красавицъ и наслѣдницъ, ... гдѣ меня
Никто не ждетъ, гдѣ не должна найдти я
Ни ласки, ни привѣта, ни веселья!

О! годъ тому назадъ, я-бъ приняла
Такую вѣсть иначе: я была
Тогда еще пылка и любопытна,
Любила новизну, искала жизни,
Хотѣла всё узнать, всё видѣть, слышать.
Тогда не знала я тѣхъ горькихъ истинъ,
Что натолкованы теперь мнѣ крѣпко,
О мнѣ самой, о назначеньѣ въ свѣтѣ,
О всѣмъ ничтожествѣ моемъ . . . . Тогда
Ребенкомъ я довѣрчивымъ вошла-бы
На лощеной паркетъ блестящихъ залъ,
И стала-бъ ждать, и требовать-бы стала
Своей законной доли въ наслажденьѣ,
Въ весельѣ всѣхъ! — Я бросилась-бы вся,
И сердцемъ и душой, въ столичный вихрь,
Въ тревожный шумъ, въ приманки полный омутъ,
Въ нарядахъ, въ суетѣ искала-бъ счастья,
И думала-бъ, что танцовать есть жить,
Что дѣвичья душа забавъ лишь проситъ . . . .
Теперь . . . . теперь была не даромъ я
У двухъ властей различныхъ въ тяжкой школѣ,
На роковомъ искусѣ двухъ страданій!
Нещадная княжна не даромъ мнѣ
Въ насмѣшкахъ колкихъ, въ злобныхъ нау-щеньяхъ,

Преподавала свѣтскую премудрость:
И цѣну ужъ себѣ, — или безцѣнокъ
Я знаю, я постигла наконецъ!
Тщеславіе во мнѣ она убила.
Ребяческихъ понятій простоту,
Волненія мечты нетерпѣливой, —
Всё рушила она, всё обрекла
Разсѣяться, какъ дымъ передъ глазами,
Какъ легкій сонъ предъ истиной суровой.
До гордости моей лишь не достигла
Ея вражда! . . . . До сердца моего
Лишь не дошли вседневныя обиды . . . .
Но сердцу былъ иной урокъ: его
Въ священную вдругъ тайну посвятили,
Возвысили высокимъ откровеньемъ
Любви, любви святой! Узнала я
И жизни цѣль, и сердца назначенье,
И рано я, и скоро научилась
Тревожному, но сладостному чувству . . . .
Еще не надоѣло дѣтство мнѣ, —
А женщиной уже я пробудилась;
Еще не насмѣялась вдоволь я
Ребяческимъ и беззаботнымъ смѣхомъ, —
А слёзы замѣнили ужъ его! . . . .

Да! опоздалъ призывъ забавъ и свѣта!
Ужъ онъ меня теперь не соблазнитъ!
Чтò балы мнѣ? чтò шумая толпа?
Межъ ей и мной стоитъ завѣтный образъ,
Онъ отъ меня, какъ отъ рабы своей,

Отгонитъ всѣхъ другихъ, отвѣетъ прочь
Чужихъ очей приманчивые взгляды,
Чужихъ рѣчей ласкаюшую силу!
Онъ траурной фатою облечетъ
И бала блескъ, и свѣта искушенья.

II.

Quand à lui mon coeur se donna,
J'ignorais la coquetterie,
Il m'aimait sans ces atours-là!
A quoi me sert d'être jolie,
Il n'est plus là pour m'admirer! ....

28 Декабря 18....

Меня измучили. День цѣлый, то
Придетъ швея изъ магазина съ платьемъ,
Которое примѣрить десять разъ
Велятъ мнѣ терпѣливо; то опять
Цвѣты въ большихъ картонахъ принесутъ, —
И надо выбирать, — и насъ къ княгинѣ
Поспѣшно требуютъ, или сама
Подымется торжественно она
Къ намъ вдругъ на верхъ, — и толкамъ, приказаньямъ,
Приготовленьямъ нѣтъ конца и счета!
Къ чему, зачѣмъ всё это? .... для кого? ....
Кто тамъ меня увидитъ? .... Поневолѣ
И думать не даютъ мнѣ о другомъ, —
Всё этотъ балъ проклятый на умѣ,
Преслѣдуетъ меня какъ привидѣнье,
Угрозой тяготѣетъ надо мной.

III.

Among the cold, the careless, and the false,
What part have I in them .... or they in me! ....

(Miss L. E. Landon.)

28 Декабря 18 . . .

Ахъ! кончено! .... Вчерашній страшный день
Насталъ, — и миновалъ! — Одна усталость,
И пустота въ тяжелой головѣ
Свидѣтельствуютъ мнѣ о прошломъ балѣ,
О выѣздѣ, о свѣтѣ. — Нѣтъ слѣдовъ
Иныхъ во мнѣ, ни около меня!

Насъ два часа готовили, рядили, —
Мнѣ модный куафёръ такія букли
Взбилъ, что я отъ боли раза два
Ужъ плакать принималась; но княгиня
Стояла тутъ, — грозный видъ ея
Меня молчать заставилъ, и терпѣть! —
Готовы, — отправляемся! Княжна,
Окинувши меня враждебнымъ взоромъ
Отъ головы до ногъ, расхохоталась,
И матери своей сказала мелькомъ:

«Охота-жъ вамъ, *maman*, ей приколоть
«Пунцовую камелью, — безъ того
«Она блѣдна, какъ смерть . . . . (Княжна сама
Румянится, но тайно. Надя разъ
Съ Алиной подсмотрѣли, и по дому
Спѣшили протрезвонить новость эту).
Княгиня равнодушно отвѣчала:
«Не всё-ли намъ равно, лишь бы прическа
«Была по модѣ, — словомъ, такъ, какъ должно? . . . .

Пріѣхали. Ведутъ насъ, — представляютъ
Какой-то странно-сгорбленной старушкѣ,
Сіятельной притомъ, — хозяйкѣ дома;
Она кивнула намъ слегка вельможнымъ
Своимъ чепцомъ. Насъ посадили рядомъ;
Не знаю, какъ сестра, — а я дрожала,
Въ глазахъ моихъ всё было какъ-то мутно,
Казалось мнѣ, что пляшутъ предо мной
Не только пары быстрыя, но люстры,
Карнизы, потолки, всѣ гости, зала,
Весь домъ . . . . И долго, долго мы сидѣли
Вдвоемъ, безъ словъ; вотъ Надѣ наконецъ
Алина кавалера подвела, —
Она пошла вальсировать . . . . Потомъ
Представили другихъ ей; я осталась
Одна, — ко мнѣ никто не подходилъ,
И никого не подводили мнѣ.
И на мою бѣду, моей Елены
Тутъ не было: она не такъ здорова,

И выѣзжать не можетъ; какъ нарочно!
Мнѣ было дико, скучно и неловко;
Но я на то была давно готова!
Какъ истуканъ, глядѣла я на танцы,
На пестрые наряды, на толпу,
Еще въ ней ничего не отличая,
И вотъ въ моихъ ушахъ, въ моемъ умѣ
За музыкою вслѣдъ, вдругъ какъ-то странно
Забило что̀-то въ тактъ, кадансъ знакомый
Какъ-будто напѣвался самъ собой
Внутри меня .... И чувствовала я,
Что замерла душа въ какомъ-то снѣ,
Что память, воля, мысли, всё во мнѣ
Какъ будто задремало въ общемъ шумѣ,
Отъ блеска, отъ толпы, отъ отчужденья ....
Вдругъ назвали меня, — гляжу, военный,
И статный и красивый, предо мной, —
Зоветъ меня учтиво на мазурку ....
Покуда я готовила отвѣтъ,
Онъ угадалъ мое недоумѣнье,
Сказалъ, что онъ давно меня ужъ ищетъ,
Что онъ родня Еленѣ, что она
Ему мое на балѣ появленье
Заранѣе возвѣстила, что онъ ждалъ ....
Я поняла! — «Вы присланы на помощь-
«Оставленной» .... — сказала я ему, —
«Не знаю, должно-ль мнѣ васъ наказать
«Принятіемъ такого приглашенья?» ....
«Нѣтъ, нѣтъ!» — воскликнулъ онъ, — «я къ вамъ не присланъ,

«Я самъ желалъ представленнымъ вамъ быть,
«Просилъ о томъ давно подругу вашу,
«Но случай всё мѣшалъ; а здѣсь, сегодня,
«Я обѣжалъ всю залу: васъ никто
«Не знаетъ . . . . Такъ пришлось рѣшиться мнѣ
«И самому являться; извините, —
«И сдѣлайте мнѣ честь позволить мнѣ
«Быть вашимъ кавалеромъ! . . . .»

Мы пошли,
Мы отыскали мѣсто; разговоромъ
Онъ разогналъ почти мою неловкость, —
Сталъ называть красавицъ, львовъ и львицъ,
Показывалъ салонныхъ корифеевъ . . . .
И я при первомъ турѣ съ нимъ по залѣ
Хоть и дрожала, но ужъ было мнѣ
Какъ будто безопаснѣй, опираясь
На руку, мнѣ протянутую въ помощь,
Отъ добраго участія ко мнѣ. —
Лишь только сѣли мы опять на мѣсто,
Княжна къ намъ подскочила, объявляя,
Что ужъ пора домой . . . . За нею вслѣдъ
Покинула и балъ я, и мазурку . . . .

IV.

She felt, she was alone . . . .
(Miss Landon.)

31 Декабря 18 . . . .

Вчера опять меня возили въ свѣтъ,
Опять на балъ, и на показъ столицѣ.
Всё такъ же скучно было мнѣ! — Къ несчастью,
Не встрѣтился мнѣ тамъ родня Елены,
Знакомый незнакомецъ мой. Но впрочемъ,
И безъ него, другіе отыскались,
Которые со мною танцовали,
Хоть ихъ никто ко мнѣ не подсылалъ! . . . .
А кто они? — не знаю! Я пыталась
У нашихъ дамъ спросить: куда! Княжна
Всегда однимъ и тѣмъ же отвѣчаетъ:
«Не видитъ, — не замѣтила, — не знаетъ!»
Алина близорука; для нея
Лишь тѣ одни на свѣтѣ существуютъ,
Которые у ногъ ея! — А Надя,
Подобно мнѣ, на балѣ какъ въ лѣсу;
Но ей-то всё равно! Она себѣ

Безъ робости, безъ страха, веселится,
Ужъ перейдя порогъ блестящей залы.
Всё видитъ, всё замѣтитъ; отъ души
Смѣется иногда каррикатурамъ,
Гуляющимъ въ натурѣ средь толпы ....
Я ничего и никого смѣшнаго
Примѣтить не умѣю. Для меня
Всѣ кажутся похожи межъ собою,
Мужчины на мужчинъ, и даже дамы
Другъ на друга, голосомъ, одеждой ....
И разница межъ ними только есть,
Смотря по лѣтамъ ихъ, или по званью;
Всѣ для меня какъ вылитые вмѣстѣ,
Въ одну условную приличій форму ....
Ничто, никто не выдается рѣзко
И смѣло изъ предѣла общихъ типовъ,
Никто не смѣетъ быть самимъ собой,
Всѣ говорятъ, глядятъ, смѣются, ходятъ,
Какъ-будто въ мѣрку, на единый ладъ,
По принятому въ обществѣ уставу.
Но Надинькѣ забавно между ними;
Завидую я, право, ей подъ часъ!
Ей только-бы вертѣться и плясать,
И только-бы нарядъ ей былъ къ лицу, —
И вотъ она довольна въ полной мѣрѣ!
Межъ ей и мной нѣтъ разницы большой.
Едва тремя годами старѣй я, —
А какъ-же я далеко впереди
И зрѣлостью, и горемъ! .... Ахъ! дай Богъ,
Чтобъ долѣе она такъ оставалась,

Чтобы была ребенкомъ, — и счастлива,
Чтобъ ей не знать . . . . .

А мнѣ, — мнѣ тяжело
И скучно за обоихъ! — Нынче тоже
Дается гдѣ-то праздникъ, — réveillon:
Княгиня собирается, и насъ
Хотѣла взять съ собой; но я, ссылаясь
На подвиги вчерашніе, сказалась
Рѣшительно уставшею, и дома
Я остаюсь. — Сегодня мнѣ грустнѣе
Всѣхъ прочихъ дней: сегодня ровно годъ,
Какъ познакомилась я съ нимъ, какъ онъ
Пріѣхалъ вдругъ, такъ нежданно и странно,
Какъ сказочный герой. — Сегодня старый
И многозначущій въ судьбѣ моей
Оконченъ годъ; и вотъ, настанетъ новый . . . .
И что̀-то онъ съ собою принесетъ? . . . .
Хорошаго не жду я, — отъ дурнаго
Избави Богъ! . . . . Какъ можно этотъ день
И этотъ вечеръ, точно роковой,
Безумно проводить въ толпѣ и шумѣ, ...
И мыслію въ себя не углубляться,
Не провѣрять себя, своей души? . . . .
Не вопрошать таинственной судьбы
О томъ, что̀ намъ она вдали готовитъ? . . . .

Я въ шесть часовъ у всенощной была,
Потомъ писала въ Крымъ; къ Еленѣ тоже,
Чтобъ извиниться передъ ней, на ужинъ

Ея не въ силахъ я поѣхать. Тамъ
Мнѣ всё-бъ напоминало слишкомъ живо
Прошедшій новый годъ .... Однако спать
Не лягу я, — и не могу: мнѣ что̀-то
Особенно мечтается сегодня ....
И грустно, и свѣтло, и какъ-то страшно
На сердцѣ у меня: вся голова
Горитъ волненьемъ страннымъ: я чего-то
Какъ-будто жду .... А между тѣмъ, такъ вѣрно
Извѣстно мнѣ, что нечего мнѣ ждать! ....
Былое, незабвенное, опять
Въ одной очаровательной картинѣ
Мнѣ видится, мнѣ снится, пробуждая
Во мнѣ такъ много чувствъ, воспоминаній! ....
И онъ, всё онъ въ тѣхъ грезахъ обитаетъ!
И рвутся всё къ нему и мысль, и сердце ....
Беру перо, — оно чертитъ невольно
Призванья, заклинанья и обѣты ....
Пускай чертитъ! .... Туда имъ и дорога! ....
Зачѣмъ не мнѣ? ... Ахъ, крылья дайте, крылья!
Чтобъ улетѣть къ нему, его искать ....
Его найдти, — мигъ одинъ блаженства
Вблизи его опять вкусить и знать!

ЕМУ.

Я вѣрую въ тебя, какъ вѣрятъ въ провидѣнье,
Съ слѣпой покорностью, съ немолчною хвалой,
По вдохновенію, безъ страха и сомнѣнья,
Всѣмъ сердцемъ, всей душой!

* * *

Какъ вѣрилъ мученикъ божественныхъ преданій,
На плахѣ и кострѣ, подъ колесомъ, въ цѣпяхъ, —
Всё исповѣдуя законъ обѣтованій,
Свой испуская духъ съ молитвой на устахъ:

* * *

Такъ вѣрю я тебѣ! и въ добровольной мукѣ
Такъ исповѣдую любовь свою къ тебѣ:
Вѣрна тебѣ въ слезахъ, въ томительной разлукѣ,
Въ страданьи и борьбѣ! . . . .

* * *

Такъ память о тебѣ живетъ во мнѣ понынѣ:
Мнѣ утѣшительна, мнѣ дорога она,
Какъ постарѣвшее преданье о святынѣ,
Какъ память дѣтскаго, плѣнительнаго сна....

* * *

Ты въ мірѣ для меня свѣтило упованья,
Маякъ спасительный во мглѣ житейскихъ грозъ;
Твой образъ сторожъ мой въ минуту испытанья,
Наперсникъ думъ моихъ, и радостей, и слёзъ!

* * *

Хоть ты меня любилъ лишь дружбою безпечной,
Хоть ты меня понять не могъ, иль не хотѣлъ,
Хоть чувствомъ молодымъ и теплотой сердечной
Ты, многоопытный, до время оскудѣлъ:

* * *

Хоть я твоей любви разборчивой не стòю,
Хотя, дитя душой, тебѣ я не равна, —
Но скоро горемъ я сравняюся съ тобою,
Созрѣю, въ таинство любви посвящена!....

V.

Si je haïs le monde, c'est que, dans ce tourbillon brillant où l'on croit s'étourdir, je conserve la faculté de penser.

(Madame de Cubières.)

17 Января 18....

Опекуна желанья исполняя,
Я приняла всѣ навыки домашнихъ,
Всѣ ихъ обычаи: я много выѣзжаю,
Я вижу свѣтъ. И въ немъ ужъ не чужая, —
Имѣю ужъ знакомыхъ межъ мужчинъ,
А между дѣвушекъ уже друзей, —
По свѣтскому, — отъ нынѣшней кадрили
До завтрашняго вальса! Какъ онѣ, —
На балахъ тоже я окружена,
И какъ онѣ, танцую тоже я....
И Надя увѣряетъ, что побѣды
Я совершаю.... что межъ модныхъ львовъ
Поклонники вздыхаютъ ужъ по мнѣ....
То правда-ли, не знаю: мнѣ самой
Не удалось, иль не пришлось замѣтить....
Что̀ иногда смѣшитъ меня, такъ это,

Что княжій домъ сталъ полонъ новыхъ лицъ,
Въ немъ прежде небывалыхъ, — и они,
Сіятельной княжной не занимаясь,
Относятся лишь къ Надѣ и ко мнѣ.
Княжна за то на нихъ сердито смотритъ,
И злѣйшія свои имъ строитъ мины . . . .
Но есть у насъ оплотъ! Княгиня Софья,
Любя дразнить княжну, — всѣмъ угнетеннымъ
Защитница, и всѣхъ ихъ прибираетъ
Подъ крылышко къ себѣ; зоветъ ихъ часто,
Любезна къ нимъ, и норовитъ всегда
Составить кругъ, гдѣ-бъ мнѣ съ сестрой пришлось,
На зло княжнѣ, бесѣдовать съ гостями,
Ей столь противными . . . . И тутъ пойдутъ
Между княгиней Софьей, и Алиной,
И Надинькой, такіе телеграфы,
Миганья и улыбки, что и мнѣ
Нельзя не раздѣлять забавы ихъ! —
Но это всё . . . . . увы! одна лишь форма
Пустая и ничтожная, лишь дань
Наружная приличьямъ общежитья . . . .
А сердцемъ я не тамъ! . . . .

Нѣтъ, сердцемъ я
Не тамъ, а далеко!! . . . . И часто мнѣ
Упреки слышатся со всѣхъ сторонъ
За пасмурный мой видъ, за томный взоръ,
Разсѣянный и вѣчно въ даль впиренный . . . .
Не имъ меня, не имъ меня понять!!

Когда пророкъ на высотѣ Синайской
Прозрѣлъ святую славу Божества, —
Онъ не хотѣлъ на землю возвратиться,
Онъ не хотѣлъ ничтожной жизни бѣдной;
И душно и темно ему казалось
Въ стѣсненномъ этомъ мірѣ, межъ людей ....
Такъ и душа! .... Когда она прозритъ
Сіянье свѣтозарной любви, —
Когда она чудеснымъ откровеньемъ
Исполнится, возвысится, — тогда
Ей, дивною зарею просіявшей,
И холодно, и пусто въ шумномъ свѣтѣ,
И внѣшняя ужъ ей несносна жизнь!
Но пусть-бы молодежь въ усахъ и шпорахъ
Дивилася мечтательницѣ блѣдной,
И сверстницы веселыя мои,
Охлаждены угрюмостью моею,
Мгновенно-бъ удалялись отъ меня! —
Вѣдь правы всѣ они! — Ни смѣху ихъ,
Ни розовымъ улыбкамъ я не вторю,
Въ бесѣду ихъ не приношу я, точно,
Ни рѣзвости, ни живости приличной; —
Но вотъ что̀ болѣе дивитъ меня,
Что̀ даже и за будущность пугаетъ:

Когда еще недавно, съ годъ тому,
Я торопилась думать, видѣть, знать,
И до всего мечтою любопытной
Касалась я въ горячемъ нетерпѣньѣ,
И пламенно желала, и ждала

Увидѣть свѣтъ, быть въ свѣтѣ, свѣтомъ жить, —
Тогда — онъ снился мнѣ какъ-бы рѣшеньемъ
Всѣхъ силъ и всѣхъ потребностей ума.
Понятіе блестящее о нёмъ
Воображенье создавало мнѣ;
Я думала, что онъ осуществитъ,
Исполнитъ, превзойдетъ мои мечтанья ....
Но что-жъ сбылось? Чѣмъ кончилися грёзы? ....
Дѣйствительность теперь я познаю,
Существенность нашла и обсудила; —
Она бѣдна предъ вымысломъ моимъ! ....
Кто виноватъ — я, или свѣтъ? .... Межъ нами
Кто нашему неладу есть причина?
Я-ль слишкомъ много требую, иль онъ
Даетъ и представляетъ слишкомъ мало? ....
Меня-ль взыскательной, съ избыткомъ чувствъ
И умственныхъ потребностей и силъ
Природа создала? Иль онъ сіяньемъ
Мишурныхъ, пустозвонкихъ наслажденій
Морочитъ, лишь довѣрчивыхъ скрывая
Отъ юныхъ глазъ, отъ взоровъ молодыхъ
Лишь пустоту, и дымъ, и ложь обмановъ? ....
Иль издали сулитъ онъ только намъ
Всё то, чего въ немъ нѣтъ, чего не можетъ
Онъ дать своимъ приверженцамъ пустымъ?

Во всемъ-ли такъ, во всемъ-ли суждено
Мнѣ ошибаться вѣчно и всегда? ....
Всегда-ль душа безмѣрная моя
Возможнаго границы перейдетъ

Въ своихъ мечтахъ, желаньяхъ, ожиданьяхъ,
Чтобъ только о существенность скупую
Разбиться? . . . . Чтобъ увидя цѣль свою
Лицомъ къ лицу, достигнувъ исполненья,
Вездѣ найдти обманъ и недочетъ?
Чтобъ никогда, ни въ чемъ ея желанья,
Ея мечты вполнѣ не совершались? . . . .
Чтобъ жизнь всегда, какъ хитрый воръ, бѣжала
Отъ жадныхъ рукъ моихъ? . . . . Чтобъ счастья,
счастья
Алкала я, — и мнѣ-бы утоленья
Не находить ни въ чемъ здѣсь на землѣ? . . . .

VI.

ЕЩЕ ЕМУ.

A toi . . . . toujours à toi ! . . . . Que chanterait ma lyre . . . .
(Victor Hugo.)

Weil sie stark war, — so wurde auch ihre Liebe stark.
(Gräfin Hahn-Hahn.)

Такъ, — мы разрознены! . . . . Разлука, разстоянье,
И прихоть случая, и рокъ, и власть людей
Межъ насъ, разрушивши надеждъ очарованье,
Преградой возстаютъ на много грустныхъ дней . . . .

Такъ, мы разрознены, — другъ другу чужды стали, —
И врядъ-ли встрѣтимся на поприщѣ земномъ!
Напрасно счастья мы въ грядущемъ ожидали,
Напрасно думали найдти его вдвоемъ! . . . .

Вдвоемъ? . . . О! вѣрно, нѣтъ! — Любя тебя такъ страстно,
Одна, одна лишь я мечтала и ждала . . .
Но ты не раздѣлялъ моей мечты прекрасной,
Тебя любовь моя тревожить не могла!

Ты не любилъ меня! . . . . Безумно ошибаясь,
Любовью назвала вниманье дружбы я;
А ты тщеславіемъ невольнымъ увлекаясь,
Ты неумышленно въ обманъ вовлекъ меня.

Но всё я при тебѣ и близъ тебя питала
Надежду тайную тебя воспламенить,
Но всё я близъ тебя дни свѣтлые видала,
Твоимъ присутствіемъ могла дышать и жить!

Теперь, — ты далеко! . . . . теперь мои страданья,
Тоска и грусть мои тебя не возмутятъ;
Въ тебѣ замолкнуло мое воспоминанье, —
И вѣрно сны твои о мнѣ не говорятъ!

Ужъ ты въ моихъ глазахъ не ищешь слёзъ примѣты,
Ужъ ты не ищешь въ нихъ признанья и огня,
Ужъ ты не слушаешь ни клятвы, ни обѣты,
Что выманить умѣлъ, бывало, у меня . . . .

Ужъ не читаешь ты, какъ прежде, улыбаясь,
Стихи неловкіе, но страстные мои . . . .
О, нѣтъ! въ безмолвіи и пустотѣ теряясь,
До слуха твоего не долетятъ они! . . . .

Но я люблю тебя, какъ встарину, какъ прежде, —
Всё такъ-же пламенно, съ такой-же простотой . . . .
И хотя я болѣе не предаюсь надеждѣ,
Но нынѣ и всегда стремлюсь къ тебѣ душой.

И если до тебя дойдетъ молва пустая,
Что свѣтъ и суета испортили меня,
Что я, минувшаго завѣтъ позабывая,
Кружусь въ чаду забавъ, ... что измѣнилась я:

О! я молю тебя, — не вѣрь симъ слухамъ ложнымъ,
Не оскорбляй меня сомнѣніемъ своимъ, —
Не думай, чтобы ты весельямъ могъ ничтожнымъ
Быть въ жертву принесенъ, — быть менѣе любимъ!

Нѣтъ! я не измѣнюсь!! .... Ужъ сердце закоснѣло
Въ любви возвышенной, въ любви своей святой;
Хоть безъ тебя оно, сгарая, ужъ истлѣло,
Но въ немъ по-прежнему живетъ лишь образъ твой! ....

VII.

Il ne vient pas, ... et toujours je l'attends,
Ma voix l'appelle, et mon coeur le souhaite,
....
Et tous les soirs en pleurant je répète:
Il ne vient pas, il ne vient pas! ....

26 Января 18....

Не будетъ онъ! .... я тщетно жду его ....
Онъ увлеченъ судьбой невозвратимой ....
И можетъ-быть, вдали, другой любимый,
Какъ легкій сонъ, меня забылъ давно! ....
Не будетъ онъ!

Не будетъ онъ, и жалобы мои,
Какъ зовъ въ степи, замолкнутъ безъ отвѣта;
Вся жизнь моя свиданьемъ не согрѣта,
Въ холодной мглѣ погаснетъ безъ любви, —
Не будетъ онъ!

Не будетъ онъ! Зачѣмъ еще мнѣ жить?
Зачѣмъ влачить ненужныхъ дней оковы? . . . .
Завидѣнъ мнѣ могилы миръ суровый . . . .
Чего мнѣ ждать? о чемъ судьбу молить?
Не будетъ онъ!

VIII.

Qu'ai-je appris? .... Oh! mon Dieu! sa vie est menacée,
On tremble pour ses jours? ....

(M-me Desbordes Valmore.)

3 Февраля 18....

Вотъ слѣдствіе, вотъ дѣйствіе разлуки:
Межъ тѣмъ, какъ я, увлечена невольно
Чужою прихотью, чужою блажью,
Спокойно, или просто равнодушно
Забавамъ безъ веселья предаюсь, —
Онъ боленъ былъ, ... ему грозила смерть! ....
Вчера письмо товарищей его
Елену извѣстило осторожно ....
Онъ занемогъ давно, ... недѣли двѣ
Въ опасности жестокой находился ....
Теперь ему полегче, онъ встаетъ,
Онъ въ памяти, но слабъ еще. Елена
Въ отчаяньи; она дрожитъ и плачетъ, ...
И если онъ не скоро исцѣлится,
Она къ нему поѣдетъ непремѣнно.

Она — сестра, — она имѣетъ право
Любить его, ходить за нимъ, беречь

Его здоровье, расточать ему
Сердечныя заботы, попеченья ....
А я? .... а я? .... Я право лишь имѣю
Дрожать, молиться, плакать и страдать! ....
Когда судьба, когда вся жизнь его
Виситъ на волоскѣ, на шаткомъ словѣ
Уѣзднаго врача, на равнодушномъ
Усердіи лѣниваго слуги,
Иль друга, занятаго всякимъ вздоромъ, —
Я не могу, не смѣю, не должна
Ему служить, ... быть тамъ, и взоромъ полнымъ
Участья всемогущаго, стеречь
Сокровище мое, мое блаженство,
И болѣе чѣмъ жизнь мою! .... Мнѣ должно
Остаться здѣсь, спокойною казаться,
По прежнему терпѣть пустыя рѣчи
И безтолковый шумъ всѣхъ постороннихъ ....
Должна, какъ грѣхъ и стыдъ, скрывать предъ ними
Свою печаль, волненіе свое, ...
Должна, какъ всѣ они, не измѣняясь,
Плясать, и выѣзжать, и наряжаться! ....
Предъ свѣтомъ, предъ людьми, мы съ нимъ чужіе!
Мнѣ не простятъ малѣйшій знакъ участья,
И за одну слезу меня осудятъ,
И осмѣютъ, и строго втопчутъ въ грязь
Своей неумолимой клеветы! ....
И съ ними завсегда кажи улыбку,

Хоть адъ въ душѣ, носи нѣмую маску,
Которая-бъ скрывала, какъ подъ гробомъ,
Всѣ тайны сердца, всѣ изгибы мысли,
Всѣ складки поблѣднѣвшаго чела! ....

Онъ боленъ былъ, — а я о томъ не знала! ....
Его томилъ недугъ, — я далеко была! ....
Я пламенной мольбы о немъ не возсылала,
Стеречь и охранять его я не могла.
Безъ кровныхъ, безъ друзей, одинъ, одинъ съ чужими,
Напрасно, можетъ быть, онъ милыхъ сердцу звалъ,
И окружаемый знакомыми одними,
Напрасно въ ихъ глазахъ привѣта онъ искалъ.
Ничей понятный взоръ, какъ лучъ звѣзды надежной,
Вх часъ испытанія, съ заботливостью нѣжной,
Ему слова любви въ отраду не шепталъ ....
Ничья, ничья рука, дрожа, не подносила
Цѣлительный фіалъ къ его нѣмымъ устамъ,
И ни одна душа предъ небомъ не курила
За здравіе его молебный ѳиміамъ! ....
Межъ тѣмъ, въ невѣдѣньѣ, въ безпечности глубокой,
Я проводила дни обычной чередой,
Не чувствуя въ душѣ какой ударъ жестокій
Мнѣ приготовленъ былъ враждебною судьбой ....
Ахъ! сердце трепетомъ и хладомъ замираетъ,
Какъ вспомню я что смерть могла грозить ему! ....

Хотя онъ живъ, здоровъ, но страхъ меня смущаетъ, —
И я ужъ жребію не вѣрю своему.
Ты, ты спасло его, Святое Провидѣнье,
Ты стерегло его изъ жалости ко мнѣ! ....
Не тщетно приношу я часто въ дань Тебѣ
И слезы горькія, и жаркія моленья! ....
Храни, храни его! .... ахъ! еслибъ я могла
Жизнь долголѣтнюю и счастье золотое
Купить ему, пожертвуя собою, —
Я жизнь и счастье-бы въ дань тотчасъ принесла,
Я всё-бы за него съ восторгомъ отдала!! ....

IX.

O! man
Thou pendulum between a smile and tear! . . . .
(Byron.)

8 Февраля 18 . . . .

Онъ ожилъ, онъ здоровъ, о, слава Богу! . . . .
Онъ самъ къ Еленѣ пишетъ, — я читала,
Я видѣла дрожащія черты
Его руки, ... и ими взоръ мой жадный,
Восторженный, протяжно упивался . . . .
Я видѣла, что этою рукой
Написано заботливо и нѣжно,
Повторено не разъ и Зины имя!
Да! Онъ мнѣ шлетъ поклонъ свой задушевный
Изъ-за могилы, — пишетъ онъ, шутя!
Онъ съ клятвою священной увѣряетъ,
Что образъ мой надъ нимъ въ жару недуга
Носился, какъ хранитель, данный небомъ,
Что сердцемъ и душой меня онъ звалъ
Въ часы уединеннаго страданья,
Что свѣтлымъ обо мнѣ воспоминаньемъ

Онъ встрѣтилъ, онъ почтилъ выздоровленье,
И жизни обновленной свыше даръ.

Но онъ по прежнему томитъ меня,
По прежнему мнѣ сердце вѣчно мучитъ
Сомнѣніемъ своимъ неумолимымъ:
Онъ слышалъ, онъ узналъ о перемѣнѣ
Въ судьбѣ моей, — о появленьѣ въ свѣтъ,
О частыхъ выѣздахъ, и онъ боится,
Что этотъ переломъ въ привычкахъ, въ жизни,
И даже въ мысляхъ, долженъ измѣнить
Меня, и всѣ мои былыя чувства....
Боится увлеченья за меня,
И суеты блестящей искушеній,
Боится, что неопытна, пылка,
Всѣ прежнія привязанности сердца
Забуду я въ чаду утѣхъ и баловъ,
Средь новыхъ и блистательныхъ знакомствъ!....

Зачѣмъ меня ты подозрѣньемъ
Несправедливымъ оскорбилъ?
Зачѣмъ заранѣй обвиненьемъ
Незаслуженнымъ укорилъ?....
Ты думать могъ, что въ свѣтскомъ шумѣ,
Любви забвенье встрѣчу я,
Что измѣню священной думѣ,
И вдругъ пересоздамъ себя?....
Скажи, мое-ль воображенье
Науку суеты пойметъ?
Мое-ли сердце обрѣтетъ

Въ ней пищу, жизнь и утоленье? ....
Отвѣтствуй: я-ли создана
Для самолюбія пустаго?
Уставъ тщеславья мелочнаго
Моя-ль душа принять должна? ....
О, нѣтъ! о, нѣтъ! .... Повѣрь, сильнѣе
Святая страсть во мнѣ горитъ,
Я чувствую еще живѣе,
Что съ бытіемъ моимъ ты слитъ, —
Съ тѣхъ поръ, какъ новая открылась
Мнѣ жизни общей сторона,
И въ ней одна лишь пустота, ...
Съ тѣхъ поръ, какъ знать я научилась,
Гдѣ истина, гдѣ суета ....
Повѣрь, любви высокой долю
Я понимаю, я цѣню,
И вѣрность гордую мою
Я сердца вѣтреннаго волей
Повѣрь, во вѣкъ не замѣню! ....

ГЛАВА XIV.

СВѢТСКІЯ ИСКУШЕНІЯ.

Frailty . . . . thy name is woman! . . . .

(Shakspeare, Hamlet.)

Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Печали нашей мы видимъ! . . . . И такъ скажу, къ сожалѣнью,
Горе земное не надолго! . . . .

(Жуковскій, Ундина.)

It suits me well to mingle now
With things, that never pleased before! . . . .

(Byron, Miscellaneous Poems.)

Le coeur et l'esprit d'une femme sont bien froids si elle n'est pas agréablement émue quand elle s'aperçoit qu'elle plaît.

(Miss Owenson, Yda l'Athénienne.)

I.

Oh! pardon that in crowds a while
I waste one thought I owe to thee,
And, self — condemn'd, appear to smile,
Unfaithful to thy memory! . . . .

(Byron, Miscellaneous Poems.)

Сначала, въ обществѣ являлась я
Безъ замѣчанія и безъ значенья,
Какъ дѣвочка ничтожная; едва
Меня терпѣлъ столицы высшій кругъ;
И покровительство княгини мнѣ
Не было ни въ подпору, ни въ защиту.
Лишь только съ нею вмѣстѣ я войду
На балъ иль раутъ, тотчасъ она съ княжной
Меня покинутъ обѣ, гдѣ случится,
Съ кѣмъ Богъ привелъ, ... и много ужъ потомъ
До самаго разъѣзда не займутся.
И долго я въ собраньяхъ многолюдныхъ
Была одна, межъ незнакомыхъ лицъ,
Какъ средь глуши лѣсной, въ пустынѣ дикой;
И вѣрно-бы отъ скуки и боязни

Я обезумѣла-бъ, когда съ собой
Сердечную мечту свою, какъ тѣнь,
Я всюду не возила-бы .... Но скоро
Какая-то молвы нелѣпой прихоть
Вниманье обратила на меня,
Вдругъ разошлось по обществу, — (откуда? —
Богъ вѣсть!) что я пишу и сочиняю .....
И многимъ я диковинной кажусь ....
И на меня ужъ смотрятъ любопытно,
А чаще косятся, — какъ будто я
Какой-то звѣрь невиданный, заморскій ....
Пишу и сочиняю!! .... Боже мой!
За что̀ такой почётъ? .... за что̀, къ чему
Такъ величать меня, за двѣ-три пѣсни,
Что дѣтская сестеръ моихъ болтливость
Иль добрыхъ Мѣховскихъ предубѣжденье
Успѣли расхвалить, и показать
Другимъ какъ я мечтательницамъ бѣднымъ!....
Но это мнѣ вредитъ. — Во-первыхъ, я
Боюсь, что кто-нибудь неосторожно
Промолвится случайно при княгинѣ,
Или, — что̀-бъ хуже было! — при княжнѣ,
Всегда готовой подсмотрѣть, подслушать
Все то что̀ можетъ ей противъ меня
Оружіемъ служить. А во-вторыхъ, —
Поэтъ въ кисейномъ платьѣ и въ вѣнкѣ
На балѣ, — есть явленіе смѣшное
Для гордыхъ, свѣтскихъ дамъ, для модныхъ
львицъ ....
Боюсь прозванья синяго чулка? ....

Отнѣкиваюсь я всегда, гдѣ можно,
Отъ пѣсней и стиховъ моихъ, — стараюсь
Отречься отъ себя самой, какъ-будто
Отъ глупенькой кузины — провинціалки!
Но между тѣмъ, меня въ углу моемъ
Отыскивать ужъ стали: старички,
Поэты, дипломаты, всѣ со мною
Бесѣдуютъ, мнѣ съ ними ужъ не страшно, —
Не такъ дика, не такъ боязлива,
Какъ за два мѣсяца; и съ ними я
Могу уже смѣяться и шутить,
Иль понимать разумныя ихъ рѣчи. —
И я теперь съ княжною смѣю спорить,
Когда, подъ часъ, великолѣпный вздоръ
Отпуститъ свысока она, и рада
Познаніямъ своимъ. — Я возражаю,
Я привожу примѣры, опираюсь
На книги, факты, мнѣнья . . . . И она,
Блѣднѣя, и себѣ кусая губы,
Вдругъ замолчитъ; а за меня возстанутъ
Поборники мои . . . . Конечно, мнѣ
Не сходитъ даромъ съ рукъ такая дерзость, —
И я свою минутную побѣду
Потомъ гоненьемъ долгимъ злобы мелкой
И зависти ея должна купить! —
Но ужъ за то, и мигъ побѣды сладокъ,
Когда онъ мститъ за вѣчную вражду!
Но ужъ за то, и свѣтъ мнѣ сталъ ареной,
Гдѣ я сражаюсь гордо и отважно,
Какъ женщина, — за женское тщеславье, —

Какъ жертва, — за достоинство свое! . . . .
И свѣтъ теперь не такъ мнѣ ненавистенъ,
И въ немъ, порой, забывшись, я живу, ...
Я чувствую, одушевляюсь, мыслю . . . .
И голова горитъ, и кровь по жиламъ
Течетъ скорѣй . . . .

Но если вдругъ, въ то время,
Моимъ глазамъ покажется Елена, —
Опомнюсь я, — и судорожный трепетъ
Всѣмъ существомъ моимъ вдругъ овладѣетъ,
Межъ тѣмъ какъ сердце мнѣ пронзаетъ жало
Неосязаемой, но острой боли . . . .
За ней, смѣющейся, живой, веселой,
Я слѣдую померкшимъ, грустнымъ взоромъ,
Я на нее смотрю, какъ на залогъ,
Напоминающій былые дни
И краткое блаженство и страданье . . . .
И мнѣ ея прелестный, свѣжій обликъ,
Какъ памятникъ надгробный, говоритъ
Лишь о минувшемъ, объ утратѣ тяжкой! . . . .
Она на умъ приводитъ мнѣ опять
Тѣ радости, которымъ нѣтъ замѣны,
Которыя въ присутствіи ея
Меня такъ тѣшили, такъ волновали!
Которыхъ повѣсть ей равно знакома,
Какъ мнѣ самой, какъ сердцу моему . . . .
И горе обновленное мое
Мнѣ чувствовать даетъ краснорѣчиво,
Какъ настоящее безстрастно, мертво,

Какъ всё вокругъ меня и въ сердцѣ пусто! ....
Тогда начатая улыбка гаснетъ
На скованныхъ устахъ .... тогда я вдругъ
Подъ бальными уборами блѣднѣю ....
Охота говорить, иль танцовать,
Желаніе успѣха и хвалы, —
Проходитъ .... Я нѣма и неподвижна;
И надъ толпой, роящейся вокругъ,
Восходитъ и паритъ знакомый образъ,
Тотъ образъ вѣчно-милый, незабвенный ....
Какъ незакатная заря любви,
Какъ призракъ вездѣсущій, какъ укоръ! ....

II.

Ma joie a le caractère d'un feu d'artifice : — elle jaillit, brille et s'éteint dans l'obscurité.

(La Comtesse Merlin.)

10 Марта 18....

Когда, порою, съ устъ моихъ
Улыбка бѣглая сорвется, —
Когда въ глазахъ, всегда нѣмыхъ,
Веселье вспыхнетъ и зажжется, —
Когда, толпой окружена,
Въ кругу забавномъ, говорливомъ,
Воображеніемъ игривымъ
Мгновенно я увлечена, —
Вся предаюсь бесѣдѣ шумной,
И смѣху общему смѣюсь:
Тогда себѣ, какъ полоумной,
Сама я внутренно дивлюсь!
Съ негодованьемъ и презрѣньемъ
Вникаю я тогда въ себя,
И говорю съ недоумѣньемъ:
«Ужель вертушка эта — я?! ....
«Ужель безпечная, живая,

«Похожа я на всѣхъ другихъ? . . . .
«Ужель, былое забывая,
«Могу дѣлить я радость ихъ?! . . . .»
И въ мигъ веселости не стало . . . .
Какъ прежде, пасмуренъ мой видъ,
И тяжкій грузъ тоски бывалой
Мнѣ сердце сирое тѣснитъ.
Избранница судьбы жестокой,
Для испытаній, для скорбей, —
На мнѣ печать ея затѣй!
Неизгладимо и глубоко,
Она на сердце, на чело
Свое бѣдовое клеймо
Мнѣ въ день рожденья положила . . . .
И сердце стонетъ и горитъ,
И горе взоръ мой омрачило,
И молодость моя забыла
Всё что̀ другихъ животворитъ . . . .

Толкуютъ люди межъ собою:
«Она спокойна, весела;
«Ей бытія заря мила;
«Ей жизнь игрушкой золотою;
«Ее на радостномъ пути
«Любовь и счастье ожидаютъ,
«И ей въ таинственной дали
«Всѣ благи міра обѣщаютъ!» —
О! еслибъ прочитать во мнѣ
Тогда могли чужіе взоры! . . . .
Въ сокрытой сердца глубинѣ,

Они-бъ увидѣли укоры
Любви, пенявшей на себя!
Они узнали-бы съ участьемъ,
Что часто горемъ и несчастьемъ
Испытана бывала я!
Узнали-бы что я всечасно
Кляну даръ юности напрасный;
И въ сердцѣ-бы нашли моемъ
Тоски безчувствіе глухое,
Воспоминанье роковое,
Да сожалѣнье о быломъ . . . .
Моя веселость — мигъ забвенья;
Спокойный взоръ мой — принужденье;
Моя улыбка — бѣглый лучъ,
Въ день лѣтній, мелькомъ изъ-за тучъ,
Отъ солнца павшій въ запустѣнье! . . . .

III.

La curiosité .... le défaut d'Eve ....
(Balzac.)

14 Марта 18....

Не Наденька одна, сама Алина, —
(Хоть эта не совсѣмъ чистосердечно!)
Меня теперь съ побѣдой поздравляютъ,
И лестной по всему, — признаться должно! —
Есть нѣкто Мирскій, князь, богатъ, хорошъ,
Уменъ, и всюду принятъ превосходно, —
Его-то мнѣ въ угодники даютъ ....
Конечно, до поста, почти всегда,
Вездѣ онъ танцовалъ со мной мазурку;
Конечно, онъ представился княжнѣ,
Сталъ часто ѣздить къ намъ, — моимъ сосѣдомъ
У чайнаго стола, въ гостиной, въ залѣ, —
Но въ голову не приходило мнѣ,
Что Мирскій .... Впрочемъ, стану замѣчать! ....
Хоть это мнѣ, безспорно, всё равно, —
А такъ .... изъ любопытства, на досугѣ,
Я буду наблюдать: авось узнаю,
Какъ любятъ насъ, когда насъ точно любятъ! ....

IV.

Mais il me suit partout .... en vain je le repousse ....

17 Марта 18....

И до княжны дошелъ домашній слухъ
О волокитствѣ Мирскаго: — она
Не вѣритъ, говоритъ что невозможно
Такой «дѣвчонкѣ жалкой и ничтожной
Понравиться такому человѣку,
Богатому и знатному! ....» — А, право?! ....
Не вѣрите, княжна? .... такъ посмотрите, —
Докажемъ вамъ .... Но нѣтъ! зачѣмъ, зачѣмъ, ...
Пусть думаетъ она себѣ что̀ хочетъ, —
Мнѣ и тягаться съ нею нѣтъ охоты.
До Мирскаго какое дѣло мнѣ? ....
Нѣтъ, онъ не занятъ мной! нѣтъ, онъ не долженъ
Быть мною занятымъ! .... я не позволю ....

V.

La fatalité ne poursuit-elle pas les âmes exaltées, les poètes dont l'imagination tient à la puissance d'aimer et de souffrir? . . . .

(M-me de Staël, Corinne.)

28 Марта 18 . . . .

Я очень молода, я мало дней жила . . . .
Но бытія вполнѣ прямую цѣну знаю,
И свѣтлымъ призракамъ его не довѣряю,
И рано опытность страданья обрѣла.

Я видѣла и свѣтъ, и суеты земныя,
И пышность общества, и ложный блескъ его:
И мнѣ наскучили веселости пустыя,
И тѣсенъ шумный свѣтъ для нрава моего.

Въ изящности искусствъ, въ высокомъ вдохновеньи
Напрасно думала найти отраду я:
Мнѣ недостаточны ихъ были утѣшенья,
Въ холодной пустотѣ плыла душа моя.

Потомъ, хотѣлось жить для дружбы чистой,
нѣжной,
Всѣ чувства, всѣ мечты я посвящала ей, —
Но ей-ли утолить весь жаръ души мятежной!....
Нѣтъ!.... холодна она для пылкости моей!....

Въ тоскѣ мечтательной, въ волненьѣ безот-
четномъ
Всё съ нетерпѣніемъ ждала чего-то я, —
Покуда онъ предсталъ видѣньемъ мимолетнымъ,
Покуда съ нимъ, и въ немъ открылась цѣль
моя....

Любовь, одна любовь, высокая, святая,
Могла одушевить меня своимъ огнемъ!
Ей предаваяся, ей жребій свой ввѣряя,
Я ожила живымъ, волшебнымъ бытіемъ.

Не долго длилося мое очарованье!
Не долго я мечтой утѣшена была!....
Весна моей души до время отцвѣла,
И мнѣ осталося одно воспоминанье!

VI.

Oblivion!! . . . . Self-oblivion!!

(Manfred, — Byron.)

2 Апрѣля 18 ...

Есть доброе, полезное влiянье
Въ разсѣянномъ и мелочномъ быту:
Во мнѣ онъ мысль и душу убиваетъ;
Онъ сушитъ, онъ мертвитъ во мнѣ больное,
Измученное сердце . . . . И когда
Я утомлюсь въ роящихся гостиныхъ,
Отъ блеска, отъ огней, отъ пляски, шума;
Когда умаюсь я, — поздно ночью,
Усталая, полсонная, домой
Я возвращусь, — тогда, я по неволѣ
Въ блаженномъ забытьѣ, въ изнеможеньѣ,
На нѣсколько часовъ теряю память,
А съ ней и скорбь мою! — Тогда, тускнѣютъ
Всѣ милыя, опасныя видѣнья . . . .
И бальный разговоръ, безсвязный, скучный,
Своею пустотой въ ушахъ моихъ
Звучитъ, и заглушаетъ благотворно

Тотъ голосъ незабвенный, сладкозвучный,
Что вѣчно я безсоннымъ сердца слухомъ
Всё слышу, и во снѣ, и на яву ....
Тогда и сны мнѣ душу не тревожатъ ....

И этотъ хмѣль усталости, безсилья,
Отраденъ мнѣ. И эта тишь въ душѣ,
Холодное, нѣмое замиранье,
Мнѣ отдыхомъ животворящимъ стали. —
Не плачу я .... не помню .... не грущу ....
Мнѣ лучше! .... Слава Богу! .... Свѣтъ помогъ
Не исцѣлиться мнѣ, не угорѣть
Въ чаду его веселыхъ обаяній, —
А утомиться, задремать .... заглохнуть! ....

Прошла пора волшебныхъ впечатлѣній,
Пора надеждъ, думъ свѣтлыхъ, ясныхъ дней,
Пора любви, томительныхъ волненій,
Пора мечты и младости моей! ...

И спитъ душа, и сердце замолчало ....
Ужъ нѣтъ ее, мечты-колдуньи нѣтъ!
Безсильно то, что̀ прежде волновало,
И дикъ ужъ сталъ мнѣ радости привѣтъ.

И на душѣ лежитъ свинецъ страданья,
И въ сердцѣ лёдъ, какъ въ камнѣ гробовомъ ....
Отвыкла я отъ воли, отъ желанья;
Я сплю, ... увы! .... разувѣренья сномъ!

Ничто, ничто меня не потревожитъ,
Надеждѣ я и страху ужъ чужда;
Змѣя-тоска мнѣ тихо сердце гложетъ,
Въ немъ поселясь хозяйкой навсегда.

Я на землѣ какъ узникъ равнодушный,
Который ждетъ, чтобъ казни часъ насталъ:
Съ покорностью безсмысленно послушной
Иду, куда перстъ рока указалъ.

Куда мой путь? .... что̀ сбудется со мною? ....
Не знаю я, и не стараюсь знать!
Мнѣ всё равно: ни силой, ни мольбою
Мнѣ участи по сердцу не призвать ....

Но въ мірѣ мнѣ что̀ жребій ни пророчитъ,
Смерть или жизнь, могилу иль вѣнецъ,
Добру, какъ злу онъ срока не отсрочитъ:
Всему придетъ въ свою чреду конецъ ....

VII.

Elle ne se plaignait point; elle ne pleurait point; elle ne parlait jamais de lui . . . . un étranger l'aurait crue heureuse! . . . .

(Châteaubriand.)

14 Апрѣля 18 . . . .

Елену поражаетъ перемѣна
Въ умѣ моемъ и нравѣ. — Я теперь
Не восхищаюсь музыкой иль книгой,
Не забываюсь въ думахъ при лунѣ,
И не дрожу, читая наизусть
Стихи моихъ возлюбленныхъ поэтовъ . . . .
Когда она заговоритъ о братѣ,
Я замолчу. Всё сказано давно,
И повторять знакомое — что̀ пользы? . . . .
Она находитъ даже, что и къ ней
Я холоднѣй и равнодушнѣй стала . . . .
Что не ищу сердечныхъ съ ней бесѣдъ,
И ничего ужъ ей не повѣряю . . . .
Но что̀-жъ мнѣ повѣрять? . . . . Я ничего

Въ себѣ самой, въ другихъ не нахожу,
Чтобъ стоило вниманья! — Ей, однако,
Я напишу отвѣтъ свой откровенный.
Вчера, намъ помѣшали. — Не хочу,
Чтобъ и она во мнѣ такъ ошибалась,
Чтобъ и она меня не понимала! . . . .

VIII.

ПИСЬМО ЗИНАИДЫ КЪ ЕЛЕНѢ.

Прости мнѣ, о мой другъ, безчувственность мою,
Мое холодное, сухое обращенье,
Мое нелѣпое со свѣтомъ примиренье,
И всё что̀ въ забытьи я часто говорю! ....
Прости мнѣ и ума и сердца увяданье,
Изнеможеніе душевныхъ силъ моихъ,
Утрату пылкости, утрату чувствъ живыхъ,
Прости мнѣ мрачное спокойствіе страданья!

Такъ! измѣнилась я съ недавнихъ поръ!
Я стала суетной толпѣ во всѣмъ подобна,
Я понимать тебя, какъ прежде, не способна,
И справедливъ твой дружескій укоръ!
Я слишкомъ сблизиласъ съ поклонниками свѣта,
Я слишкомъ далеко отстала отъ тебя!
Воспоминаніемъ я рѣдко лишь согрѣта,
И чистыхъ слёзъ его ужъ недостойна я.

Но знаешь-ли, мой другъ, что этотъ хладъ сердечный
Стократъ мучительнѣй и скорби и любви?

Что лучше-бъ было мнѣ терзаться ими вѣчно,
Чѣмъ въ мертвой пустотѣ влачить всѣ дни свои, —
Какъ съ неба падшій духъ, на землю вдругъ сосланный,
Который свой эдемъ возлюбленный, желанный,
Не можетъ позабыть .... и грезитъ имъ въ дали? ....

Вотъ я, — вотъ мой удѣлъ и жалкій и унылый,
Вотъ какъ я молодость провесть осуждена! ....
Хоть я ужъ не грущу, но прежде я грустила,
Но жизнь моя въ цвѣту была отравлена.

Мучительной тоски воспоминанье
На все грядущее мое существованье
Должно тѣнь мрачную свою распространить;
Безпечность дѣтскую и сердца молодаго
Довѣрчивый покой, — чѣмъ можно замѣнить? ....
Вступивъ въ тернистый путь страданья роковаго,
Измѣривъ мракъ и глубь пучины зла земнаго,
Вернуся-ли назадъ? могу-ли позабыть? ....

И такъ прошу тебя, когда, подъ часъ, улыбку
На пасмурномъ челѣ замѣтить вдругъ твой взоръ, —
Будь снисходительна .... смягчи свой приговоръ,
Прости безумію минутную ошибку.

IX.

Ils te diront sans doute,
Ils te diront un jour :
« Je t'aime ! » — Eh bien, redoute
Ce mot trompeur d'amour . . . .

22 Апрѣля 18. . . .

Мнѣ часто говорятъ, что я мила . . . .
Мнѣ часто говорятъ, что я прекрасна . . . .
И хвалятъ мой уборъ небрежно ловкій . . . .
Я слушаю . . . . краснѣю . . . . улыбаюсь . . . .
Мнѣ весело! мнѣ жить легко тогда!
И чувство новое во мнѣ родится:
Тогда мнѣ любо женщиною быть,
Горжусь, что женщиною родилась,
Горжусь что право нравиться, что право
Любимой быть и привлекать сердца,
Дано и мнѣ, какъ женщинамъ другимъ;
Тогда моя живая голова
Закружится, забредитъ . . . . Не надолго! . . . .

Спокойствія, самопознанья часъ
Придетъ: во мнѣ разсудокъ безпощадный,

Правдивое и любящее сердце
Пробуждены, и громко порицаютъ
Тщеславія ребяческую слабость . . . .
Съ собою ссорюсь я; мнѣ стыдно, больно . . .
Заочно каюсь я, — ему я каюсь! . . . .
Заочно у него прошу прощенья . . . .
Чтобъ испытать, чтобъ наказать себя,
Во весь тотъ день я къ зеркалу ни разу
Не подхожу . . . . Нарядами своими
Не занимаюсь ... И хоть балъ, хоть вечеръ, —
Я дома остаюсь, вверху, одна . . . .

X.

J'ai cherché le bruit, la lumière,
Le jour, l'air bruyant du plaisir . . . .
Mais cette fièvre passagère
M'a fatigué sans me guérir! . . . .

(Polonius.)

5 Мая 18. . . .

Когда явилась въ свѣтѣ я, —
Въ душѣ моей любовь пылала,
И полно страстняго огня,
Всё сердце билось, трепетало.
Увы! . . . . я думала тогда,
Что сохраню свои обѣты,
Что лести чуждые привѣты
Меня не тронутъ никогда . . . .
Я думала, что власть разлуки
Безсильна будетъ надо мной,
Что вѣкъ томясь въ сердечной мукѣ,
Я ею буду жить одной . . . .
Теперь . . . . теперь, къ былымъ мечтаньямъ,
Къ былому чувству своему,

Къ своимъ роднымъ воспоминаньямъ
Я не даю летѣть уму.
Я холодна .... къ всему, что̀ прежде
Во мнѣ питало жаръ святой;
Готова я прильнуть душой
Къ другой ласкающей надеждѣ ....
Готова жить другой мечтой! ....

Мнѣ надоѣлъ хладъ одинокій,
Безстрастной жизни пустота,
Мнѣ въ тягость цѣпь тоски глубокой ....
Минула траура чреда!
Я молода: передо мною
Вся жизнь съ своею пестротою,
И длинный рядъ годовъ другихъ,
И Божій міръ съ своей красою,
И свѣтъ, и блескъ забавъ живыхъ,
И женской гордости стремленья,
И всѣхъ тщеславій суета ....
И облечется въ наслажденье
Бывалой жизни нищета! ....
Да! на веселье, счастье, радость
И мнѣ, и мнѣ права даны, —
Я ими дремлющую младость
Спасу отъ скучной тишины! ....
Но что̀ виной сей перемѣны? ....
Что̀ взволновало вдругъ меня? ....
Не знаю .... Но свободна я,
И я свободна безъ измѣны! ....
Аминь! .... Любила я одна, —

И разлюбя, кого обижу? . . . .
Я образумиться вольна . . . .
И если я исцѣлена,
И страсть моя погашена, —
Я преступленья въ томъ не вижу! . . . .

XI.

Le désespoir a beau sourire,
Sa gaieté ressemble au délire,
Son calme au calme du tombeau;
Dans ses fers il s'agite, il chante,
Mais les sons que sa bouche enfante
Dans son âme n'ont pas d'écho!

(Polonius.)

Того-же дня вечеромъ.

Безумна я! .... Рукою дерзновенной
Я на себя, на чистую любовь,
На сердце вѣрное, хулу писала ....
Въ измѣнѣ обвинила я себя ....
Я лгу! я лгу! .... Въ припадкѣ злой тоски,
Возстала я на горе, муку, слезы,
На скорбь мою .... Себя увѣрить я
Хотѣла, и старалась въ невозможномъ, —
Въ томъ, что любовь моя охолодѣла,
Прошла .... Неправда то! .... Она жива,
Она цѣла во мнѣ и невредима, —
На зло всѣмъ искушеньямъ, всѣмъ совѣтамъ
Дѣвическаго демона — тщеславья
И любопытства! .... Онъ шепталъ мнѣ тихо

О наслажденьяхъ, радостяхъ, забавахъ . . . . . .
Онъ соблазнялъ меня, торгуясь хитро,
И предлагая свѣтлую надежду
Купить цѣною мрачныхъ сожалѣній, —
Страданіе и душу промѣнять
На счастья блескъ и торжества улыбку.
Я не хочу! . . . . Я не могу! . . . . Былое,
Какъ стражъ ревнивый, какъ хранитель-геній,
Стоитъ, расправя крылья надо мной, —
И гонитъ прочь, и мощно отвѣваетъ
Всѣ наущенья духа зла. — Какъ бредъ
Больнаго, въ головѣ моей мятежной
Остыла вспышка давишней борьбы:
Мирюсь опять я съ долею своею,
Смиряюсь предъ удѣломъ роковымъ.
Любовь моя, — завѣтъ священной муки —
Да! я твоя! . . . . а ты, ты всё его,
Принадлежишь ему . . . . теперь и вѣчно! . . . .

ГЛАВА XV.

СВАТОВСТВО.

Plaire quand on est femme, oh! c'est chose facile!
Pour se faire une cour et flatteuse et docile,
Une femme a toujours sa grâce, sa beauté,
Sa magique parole, et son art enchanté.

(M-me Hermance Lesguillon.)

Languissante, abattue, j'ai longtemps vécu sans intérêt et sans intéresser, comprenant à peine, encore moins comprise .... Vous vîntes .... Vous me découvrîtes .... je fus comprise, appréciée, et je me réveillai. Je sentis que j'existais, en retrouvant quelque chose de la douce illusion de mes heureux jours.

(Miss Owenson, Yda l'Athénienne.)

I.

Peut-être l'avenir me garde-t-il encore
Un retour de bonheur dont l'espoir est perdu? . . . .

(Lamartine, Méditations.)

20 Мая 18. . . .

Примѣръ другихъ опасная задача . . . .
По опыту я это познаю!
Мнѣ, мнѣ, къ всему и всѣмъ столь равнодушной, —
Мнѣ часто тяжело, когда смотрю
На молодыхъ и радостныхъ счастливицъ,
Которымъ жизнь отрадна и красна
Взаимною, спокойною любовью . . . .
Завидно мнѣ, когда, свидѣтель скучный,
Я вижу, какъ за ними ходятъ слѣдомъ
Ихъ обожатели, какъ передъ ними
Дань поклоненій, пламенныхъ исканій
Умѣютъ расточать, ... какъ на лету
Улыбки ловятъ ихъ, считаютъ взоры . . . .
Какъ всюду ихъ съ восторгомъ ожидаютъ
И провожаютъ съ грустнымъ сожалѣньемъ . . . .

Какъ жизнь для нихъ тревожна и полна,
Какъ свѣтъ для нихъ послушенъ, — служитъ имъ ....
И часто мнѣ на умъ вопросъ приходитъ:
«Зачѣмъ здѣсь нѣтъ его лишь одного? ....
«Зачѣмъ воспоминанье, — грустный призракъ, —
«Не замѣня присутствія блаженство,
«Лишь только мучитъ сердце мнѣ напрасно?....»
О! еслибы хотѣла только я .....
О! еслибы могла я .... знаю, здѣсь
Одно есть сердце .... знаю человѣка,
Кому-бъ мое вниманье, мой привѣтъ
И дороги, и любы быть могли ....
И многія, на мѣстѣ-бы моемъ,
Блистательнымъ поклонникомъ гордились, ...
И многія мнѣ, дѣвочкѣ незнатной,
Завидовать могли-бъ .... Но что мнѣ въ томъ? ....
Богатство, знатность, умъ и красота,
И благородныхъ чувствъ врожденный даръ, —
Всё это хорошо, — хвалы достойно;
Но если сердце не лежитъ къ счастливцу,
Ихъ обладателю? .... Но совершенства, —
Что̀ въ нихъ, когда они принадлежатъ
Другому, — не ему! ....

Порой, стараюсь
Отъ прежнихъ, малыхъ сновъ моихъ проснуться,
Отъ прежнихъ упованій отучиться; —
Мнѣ кажется, что сладко быть любимой,

Что счастіе не съ нимъ еще возможно, —
Но проблески и опыты измѣны,
Но навожденія науки свѣта,
И коротки, и за собой влекутъ
Раскаянья тоскливаго минуты.

II.

Que tout se taise, quand Léonce ne parle pas! ....

(M-me de Staël, Delphine.)

29 Мая 18....

Чтобъ взволновать меня, чтобъ тронуть сердце,
Уснувшее въ безчувствіи давно, —
Его, его слова пусть повторяютъ! ....
Чтобы привлечь, очаровать мой слухъ, —
Пусть голосомъ его заговорятъ, ...
Чтобъ восхитить мой взоръ, пусть мнѣ покажутъ
Неподражаемой улыбки прелесть ....
Чтобъ обаять, — чтобъ обмануть разсудокъ,
Не дремлющій во мнѣ и осторожный, —
Пусть мнѣ его знакомымъ, милымъ взоромъ
Повѣдаютъ любви желанной вѣсть; —
Но что̀ не онъ, — но что̀ не схоже съ нимъ, —
О! пусть то все и рушится и сгинетъ! ....
Пусть, что̀ не онъ, бѣжитъ меня на вѣкъ! ....
Мнѣ чуждо, мнѣ смѣшно, мнѣ ненавистно
Всё, что̀ не онъ, всё, что̀ не дышетъ имъ! ...

Оставьте вы меня съ тоской моей,
Въ безчувствіи моемъ неисцѣлимомъ, —

Вы, любящій и льстящій понапрасну, —
Напрасно укоряющій! . . . . Оставьте! . . . .
Нѣтъ у меня сочувствія для васъ,
И мѣста нѣтъ въ душѣ, лишь полной имъ! . . . .
Я холодна, дика, и боязлива, ...
Я невнимательна, я равнодушна,
Я, можетъ быть, неблагодарна къ вамъ . . . .
Что̀-жъ вамъ во мнѣ? зачѣмъ я вамъ, скажите?
Чего еще хотите вы отъ сердца,
Печально занятаго имъ однимъ,
Своимъ кумиромъ тайнымъ, да! отъ сердца
На вѣки чуждаго для всѣхъ другихъ?
Вы видите, — не любятъ васъ, — не ждутъ, —
Едва-ли замѣчаютъ мимоходомъ . . . .
Вы видите, исканьямъ вашимъ срастнымъ
Не заслужить ни тайныхъ ободреній,
Ни нѣжнаго сочувствія! . . . . Чего
Вамъ ждать отъ бѣдной женщины, убитой
Любовію другою, хоть любовью
Непонятой, мучительной, напрасной, —
Но вѣрною, и нынѣ и во вѣкъ? . . . .

•

Бѣгите, — добрый путь! Меня забудьте,
Скорѣе разлюбите! . . . . И утѣшьтесь! . . . .
Прійдется вѣрно вамъ ужъ не впервые
И забывать, и замечтаться вновь
Предъ новой красой, ... передъ инымъ
Кумиромъ вами избраннымъ слегка . . . .
Но я, я молода, едва лишь я
Жить, чувствовать и мыслить начинаю:

Я не могу еще, я не умѣю
Святыней чувствъ безтрепетно играть,
И разрушать любимыя мечты,
Чтобъ новыя и чувства и надежды
Себѣ привить по прихоти своей! —

Я вѣрю вышнему небесъ надъ нами
Предназначенью: вѣрю роковому
И первому внушенью сердца въ насъ, —
Догадливому выбору его . . . .
И хоть я не нашла, какъ-бы желала,
Сочувствія и преданности въ томъ,
Кто первый мнѣ явился, — какъ достойный,
Самой судьбой мнѣ посланный, — однако
По прежнему, онъ милъ и дорогъ мнѣ;
По прежнему, холодный, равнодушный, —
Онъ мнѣ милѣй, онъ мнѣ дороже васъ,
Влюбленнаго и преданнаго мнѣ!

Какъ радостно я отдала-бъ сейчасъ
Всю вашу лесть, всѣ ваши угожденья, —
Вашъ страстный разговоръ, и васъ самихъ,
И даже васъ, и съ вами цѣлый міръ,
За легкое его воспоминанье, —
За мысль его одну, за вздохъ случайный,
Имъ издали мнѣ тайно подаренный! . . . .

III.

On flatte mon orgueil, on séduit ma raison,
Mais mon coeur est plus tendre .... il échappe à la ruse!

(M-me Desbordes Valmore.)

3 Іюня 18....

Елена въ трауръ: родня какой-то,
Изъ дальнихъ, чуть знакомыхъ по преданью,
Вдругъ вздумалъ умереть; она на дачѣ,
И выѣзжать не можетъ. Но за то,
У ней въ недѣлю разъ бываютъ гости,
Въ ея приморской виллѣ, столь прелестной ....
Тамъ, небольшой, но избранный кружокъ
То тѣсно вдругъ сойдется въ разговорѣ,
То разойдясь, вновь дробится свободно
На частныя бесѣды. Вотъ вчера
Былъ день назначенный, и я всѣхъ раньше
Пріѣхала, нарочно чтобъ застать
Ее еще одну, и поболтать ....
Меня вдругъ принимаютъ какъ-то странно,
Особенно торжественно; — съ усмѣшкой
Мнѣ говорятъ, что нежданную радость
Готовятъ мнѣ ... что встрѣчею пріятной

Мнѣ услужить хотятъ. — Я задрожала
Отъ радости: мнѣ вдругъ пришло на умъ,
Что возвратился онъ .... И я .... Забилось
Отвыкшее во мнѣ отъ счастья сердце,
Такъ сильно, что едва я не упала,
Безъ силы и безъ чувствъ, и свѣтъ дневной
Померкнетъ вдругъ въ глазахъ моихъ. — Елена
Пронзительно смотрѣла на меня:
— «Что-жъ? .... Угадала ты? ....»

И входитъ Мирскій!! ....
Князь Мирскій, — самый тотъ, кто вѣчно, всюду,
Какъ тѣнь моя, за мною слѣдомъ ходитъ ....
Является и въ раутахъ и на балахъ,
Безсмѣннымъ ординарцемъ ставъ при мнѣ, ...
У Столбиныхъ, кто лишь со мной одною
И говорить и танцовать старался! ....
Кого молва болтливая заранѣй
Въ искатели ко мнѣ опредѣлила ....
Князь Мирскій у Елены! .... Но зачѣмъ? ....
Досада .... гнѣвъ .... душевная обида,
Вотъ, вотъ что̀ мнѣ приходъ его внушилъ!
И можно-ли Еленѣ ошибаться? ....
Не грѣхъ-ли надо мною ей шутить? ....
Какъ вздумала она, что Мирскій можетъ
Порадовать меня? .... Давно-ль она,
Давно-ль читать въ душѣ моей забыла,
Или понять не хочетъ ужъ меня? ....
Я встала ... Выдержать ея улыбки,
Переносить напрасныя догадки

Я не могла! — Я въ кабинетъ ушла,
И просидѣла тамъ у Мѣховскаго,
Безсмысленно смотря, какъ въ вистъ играютъ ....
Домой въ слезахъ вернулась я. Теперь
Она меня конечно осуждаетъ,
Быть можетъ, сердится .... Мнѣ всё равно! ....
Зачѣмъ она нарочно позвала,
Какъ-будто на смѣхъ мнѣ, — такого гостя?
И этотъ Мирскій .... какъ онъ надоѣлъ,
Какъ онъ несносенъ мнѣ! .... Ужъ я ему
За это удружу: недѣли двѣ
Съ нимъ говорить не стану, — не хочу! ....
Не можетъ быть, чтобъ не шутя Елена
Предполагала .... чтобъ его сестра
Могла во мнѣ такъ странно сомнѣваться! ....
Обидѣть подозрѣньями меня ....
Уже-ль ей вздумалось безъ шутки? .... Странно! ....

IV.

Mais si d'autres m'ont fait un reproche semblable,
J'aurais cru que du moins tu me l'épargnerais.

(Polonius.)

4 Іюня 18. . . .

Елена рано утромъ заѣзжала . . . .
Мы объяснились: шумъ пустой молвы
Ей разсказалъ, что я моимъ вниманьемъ
Ужъ отличила Мирскаго, что онъ
Мнѣ нравится, — поклонствуетъ мнѣ явно, —
И разный вздоръ! — Давно не бывши въ свѣтѣ,
Повѣрила она; она находитъ,
Что это очень просто, что не мнѣ,
Въ мои года, противустать подобно
Такому искушенью, что едва-ли
Остаться равнодушной я могу,
Когда себя я вижу ежедневно
Предметомъ избалованныхъ исканій
Такой любви . . . .

Напрасно я клялась ей,
Старалась убѣдить ее, напрасно

Доказывала ей, что я теперь
Всё таже, какъ бывало, — всё какъ прежде
Живу, дышу однимъ воспоминаньемъ
Мучительно-безцѣннымъ! — Нѣтъ! она
Не вѣритъ мнѣ, — твердитъ, что я себя
Обманывать хочу пустымъ упрямствомъ,
Себѣ отчета строгаго еще
Не давши въ чувствахъ новыхъ, — въ увлеченьи
И новомъ, и невольномъ . . . . Какъ вчера,
Расплакалась я, разсердилась . . . .
Ничто не помогло! — Елена тоже,
Несносная, по-свѣтски нынче судитъ;
Упрямая, разцѣловавъ меня,
Уѣхала съ догадками своими . . . .
И кто теперь ее переувѣритъ? . . . .

V.

ПИСЬМО ЗИНАИДЫ КЪ ЕЛЕНѢ.

Je ne mérite pas que vous me traitiez ainsi: — ne me condamnez pas sans m'entendre! . . . .

(Gerfaut, par Charles de Bernard.)

6 Іюня 18 . . . .

«Какъ, милый другъ, слова чужія
Предубѣдить тебя могли, —
Напрасны клятвы ужъ мои,
И ты не вѣришь мнѣ впервые? . . . .
Ты слѣпо слухъ склонила свой
Къ разсказамъ суетно-холоднымъ,
И дружбу гнѣвомъ благороднымъ
Не платишь клеветѣ пустой? . . . .
Меня кокеткой называютъ . . . .
Меня въ коварствѣ обвиняютъ,
Въ измѣнѣ уличить хотятъ . . . .
Не вѣрь!! О мнѣ что̀ въ свѣтѣ знаютъ? . . . .
Тамъ мимолетомъ наблюдаютъ,
И на угадъ тамъ говорятъ! . . . .

Мнѣ въ общемъ мнѣньи мало нужды,
Я не боюсь молвы слѣпой,
Хвала и брань равно мнѣ чужды,
Равно безвластны надо мной: —
Но дружбы мнѣніемъ священнымъ
Я дорожу! . . . . Но для меня
Закономъ мощнымъ, неизмѣннымъ
И рѣчь твоя, и мысль твоя! . . . .
Ты знаешь, — я-ль душой невѣрной
Могу былое позабыть?
Ты знаешь, — мнѣ-ль измѣнить
Тому, кого люблю безмѣрно? . . . .
Мнѣ-ль удовольствія искать
Въ кокетствѣ низкомъ и презрѣнномъ? . . . .
Съ больной душой, съ умомъ стѣсненнымъ
Мнѣ-ль милой быть, мнѣ-ль привлекать? . . . .
Могу-ль съ мечтой души проститься, —
Надъ обожателемъ другимъ
Побѣдой легкою гордиться . . . .,
И въ шумѣ свѣта веселиться,
И жить тщеславіемъ пустымъ? . . . .»

VI.

La solitude dans les fêtes du monde est si pour aride l'être qui s'y déplait.

(M-me de Krudener, Valérie.)

On m'appelle ici l'Etrangère,
C'est le nom de qui n'a point d'or!
Si je ris, — suis trop légère!
Si je rêve, — on en parle encore!

(M-me Desbordes Valmore.)

10 Іюня 18 . . . .

Нѣтъ! вижу я, не создана для свѣта
Моя душа; — не можетъ нравъ мой вольный
Привыкнуть къ вѣчному притворству въ немъ! —
Не можетъ пылкое воображенье
Жить пустотой, ничтожествомъ и скукой! . . . .
Нѣтъ, вижу я, меня не понимаютъ,
И не поймутъ! . . . . И лучшіе друзья,
Всё, что̀ я дѣлаю, чтобъ избѣжать
Хотя на мигъ моей тоски безсмѣнной,
Готовы приписать тщеславной блажи,
Готовы называть кокетствомъ свѣтскимъ . . . .

И Мирскаго межъ прочихъ отличила
За искренность рѣчей и обхожденья,
За то, что онъ во мнѣ меня лишь цѣнитъ,
Безъ замысловъ, безъ лести, безъ расчета:
И ротъ ужъ всѣ, и вотъ сама Елена
Убѣждены, что я люблю его,
Что онъ мнѣ нравится! . . . .

А между тѣмъ,
Владиміра завѣтный, милый образъ
Неизгладимъ во мнѣ, въ душѣ моей,
И Мирскому холоднымъ уваженьемъ,
Сухою благодарностью плачу я! . . . . .

Но не хочу, чтобъ люди, чтобъ Елена,
Чтобъ Мирскій обвинять могли меня:
Я прекращу ихъ толки и намеки, —
Я выѣзжать не буду; — перестану
Жить этой жизнью, чуждой мнѣ, несродной . . . .

Среди пировъ и въ шумѣ свѣта
Ищу напрасно счастья я:
Мнѣ дики рѣчи безъ привѣта,
Мнѣ странны взгляды безъ огня!
Когда въ пылу своихъ веселій
Живая тонетъ суета, —
Я холодна . . . . мой взоръ безъ цѣли . . . .
Мнѣ сердце давитъ пустота!

*

Прекрасенъ свѣтъ съ его волненьемъ,
Его забавы веселятъ,
Когда сердечнымъ сновидѣньемъ
Мечты живутъ, мечты кипятъ ....
Когда по заламъ, по гостинымъ
Любимая мелькаетъ тѣнь ....
Когда присутствіемъ единымъ
Вся жизнь полна, какъ въ красный день.

*

И хороша улыбка счастья
На женскихъ розовыхъ устахъ,
Когда безумное пристрастье
Намъ свѣтится въ чужихъ глазахъ ....
Когда признанья и обѣты
Намъ льются пламенной рѣкой ....
Когда вся будущность одѣта
Надежды свѣтлою зарей! ....

*

Какъ женщина свободно дышетъ,
И какъ становится милѣй,
Когда она, краснѣя, слышитъ
Гимнъ увлекательный страстей!
Когда улыбкою привѣтной
Въ счастливцы жалуетъ она, —
Когда взирая безотвѣтно,
Казнить на смерть она властна!

*

И милы ей тогда наряды,
И памятны обновы ей,
Когда внимательные взгляды
Всё ловятъ, всё слѣдятъ на ней;
То лента выскажетъ сомнѣнье,
То цвѣтъ любимый встрѣчи вѣсть ....
Всё полно смысла и значенья,
Чтобъ думу сердца перевесть.

*

Но мнѣ, безсмѣнно-одинокой,
Но мнѣ, никѣмъ не занятой,
Чужой для всѣхъ, отъ всѣхъ далекой —
Мнѣ пустъ и скученъ свѣтъ живой!
Томлюсь тоскою безотрадной,
Ищу кого-то .... что̀-то жду, ...
То для забавъ я зритель хладный, —
То угорѣла-бъ въ ихъ чаду! —

*

Боюсь, всеобщее влеченье
Меня въ свой омутъ увлечеть ....
Боюсь, боюсь, что ихъ волненье
Меня какъ вихорь обовьетъ ....
Видъ счастья, видъ любви взаимной
Мнѣ можетъ сердце заразить,
И холодъ добровольной схимы
Безумнымъ пыломъ замѣнить ....

VII.

Oui, son nom dans ma voix est un secret intime,
C'est mon cri de bonheur, c'est la foi qui m'anime!

(M-me Desbordes Valmore.)

12 Іюня 18.... На Каменномъ Островѣ.

Сегодня насъ перевезли на дачу, —
Гдѣ Столбины роскошно торжествуютъ
Рожденье матери. — Должна была я
Въ гостинную блестящую придти,
Какъ ни желала я уединенья.
Тутъ Мирскій былъ. — Опять онъ подошелъ,
Заговорилъ, и близъ меня остался .....
Что̀ было дѣлать мнѣ? .... Какъ мнѣ уйдти? ....
Я видѣла, что острые глаза
Насмѣшливой княжны въ меня вперились,
Что отгадать хотѣлось ей смертельно,
О чемъ у насъ нескладная шла рѣчь, ...
И злобная улыбка искривила
Дрожащія и блѣдныя уста ...
Она сердилась издали, — и вдругъ,
На встрѣчу побѣжавъ къ пріѣзжей дамѣ,

Она удачно близъ меня порхнула, —
И прошипѣла мимоходомъ мнѣ,
Въ полголоса, чтобъ князь разслышать могъ:
«Вамъ весело? .... тѣмъ лучше! .... Гдѣ-
то онъ,
Онъ, ... прежній вашъ кумиръ и обожа-
тель? ...»
Я вспыхнула .... Я думала всегда,
Что тайна задушевная моя,
Столь чистая, хранимая такъ свято, —
Извѣстна только мнѣ, да вѣрной Сарѣ,
Да доброй, снисходительной Еленѣ ....
Какъ мнѣ подозрѣвать, что вдругъ княжна,
Не бывши никогда у Мѣховскихъ,
Не знавшая Владиміра, — заочно
Мое съумѣетъ сердце разгадать!
Какъ мнѣ подозрѣвать, что злоба можетъ
Расчитывать такъ вѣрно, — быть вдали
Такъ проницательна! ....

Но Мирскій слышалъ ....
Онъ понялъ всё .... Встревоженный, смятенный,
Онъ требовалъ истолкованья словъ,
Таинственной княжны .... Онъ знать хотѣлъ,
Кто этотъ онъ, ... чье имя лишь одно
Меня уже тревожитъ и волнуетъ?
Онъ умолялъ меня ему признаться,
Довѣриться ему, — сказать безъ страха,
О комъ я думаю, кто былъ мнѣ милъ? —
О! Богъ свидѣтель мнѣ, что не боялась

Чистосердечной рѣчью я прервать
Сношенья съ нимъ, — и удалить его!
Я не хочу любви его, исканій,
Я не желала, не ловила ихъ! —
Нѣтъ! потому я правды не сказала, —
Чужому, постороннему не стала
Завѣтной тайны сердца открывать, —
Что говорить мнѣ больно о минувшемъ,
Что называть его языкъ не можетъ ....
Нѣтъ! выражать нескромными словами
Свою любовь, покровъ съ нея снимать
Не стану я! .... Нѣтъ! .. Это святотатство! ....

Кто онъ? .... Откуда онъ? .... Куда опять
сокрылся? ....
Чужимъ не слѣдуетъ и не къ чему то знать! ....
Его безцѣнный слѣдъ мнѣ въ душу заронился,
И любопытнымъ тамъ его не отыскать! ....
Мнѣ, мнѣ принадлежитъ тотъ образъ неизмѣн-
ный,
Вселившійся въ меня, доступный мнѣ одной:
Я сохраню его въ тиши, во мглѣ священной,
Я имъ не подѣлюсь съ холодною толпой!

Я пѣла, я пою живаго идеала!
Какъ божеству, ему именъ пустыхъ
Въ воззваньяхъ пламенныхъ своихъ я не
давала ....
Безъ надписи пойметъ онъ тайну словъ
моихъ! ....

Какъ духъ, какъ съ неба гость, какъ горнее
видѣнье,
Онъ для меня всегда пребудетъ имъ! . . . .
Что имя! . . . . Звукъ и дымъ, — земное вы-
раженье! . . . .
А я его люблю восторгомъ неземнымъ!

VIII.

.... Plus fière de ce qu'elle perdait que de tout ce qu'on pouvait lui offrir ....

(Marie de Marcini, par M-me Sophie Gay.)

Elle ne renonçait pas à un avenir celui qui, peut-être ne songeait plus à elle, mais elle ne connaissait pas d'avenir sans lui.

(Léonce de Biran, par M-me de Cuibères.)

15 Іюня 18.... На Каменномъ Островѣ.

Не помогла княжнѣ ея уловка,
Затѣйливой придуманной злобой,
Не удалось коварствомъ ей отбить
Мнѣ преданнаго сердца! .... Нѣтъ, напротивъ,
Она лишь ускорила объясненье, —
Она виновницей, что мнѣ судьба
Блестящую дорогу открываетъ ....
Князь Мирскій предложилъ свою мнѣ руку, —
Свою любовь, — а съ нею вмѣстѣ имя
Старинное и громкое, — богатство

Прославленное свѣтомъ сребролюбцемъ . . . .
Я отказала! . . . .

Да! . . . . я, сирота,
Питомка бѣдная въ богатомъ домѣ,
Безъ связей, безъ родства, и безъ значенья,
И отвергаю княжество и знатность,
И золото! . . . . я отвергаю всё, —
И юношескій жаръ любови страстной,
И благородный нравъ, — и мѣткій умъ,
И сердце, мнѣ дарёное вполнѣ . . . .
Княгини Мирской званья не хочу
И знатной дамой быть пренебрегаю . . . .
Хотя всѣ тѣ, кто нынѣ отравляютъ,
И жизнь мою и молодость гоненьемъ,
Обидами и ненавистью горькой,
Всѣ тѣ, кто Зиною пренебрегаютъ,
Вдругъ стали-бъ кланяться, и угождать
И униженно льстить княгинѣ Мирской! . . . .
Княгинѣ Мирской, — молодой супругѣ
Владѣтеля огромнаго богатства! . . . .

Не поклонюсь златому я тельцу, —
И не продамъ себя рабой презрѣнной
Расчётамъ низкимъ, мелкому тщеславью! . . . .
Нѣтъ, — не хочу по-свѣтски поступить!
Пожертвовать свободой, безкорыстьемъ,
И тайной думой, тайнымъ сердца сномъ,
Чтобъ цѣпію алмазною на вѣки
Сковать себя, — и сердце задушить!

Я отказала, твердо, безвозвратно!

А между тѣмъ, всѣ Столбины вскружились,
Взволнованы блестящимъ предложеньемъ,
Совѣтуютъ, ... хотятъ меня принудить
Его принять .... И въ домѣ всѣ углы
Разсказами и толками о мнѣ
Кипятъ съ утра .... всѣ точно въ лихо-
радкѣ ....
Княгиня-мать пришла ко мнѣ сама,
Увѣщевать, — учить меня добру
И разуму, — какъ говорится здѣсь ....
Княжна мигренемъ вдругъ занемогла!
И камергеръ, и модная жена,
И гордыя кузины, — всѣ они
Изумлены безумной вспышкой князя,
Его любовью къ дѣвчонкѣ ничтожной,
Незначущей. — Но болѣе еще
Изумлены ея отказомъ дерзкимъ;
Не надивятся глупости моей,
Не понимаютъ, — какъ упрямлюсь я,
Какъ смѣю «нѣтъ» сказать и повторять,
Когда онѣ по милости своей
Благоволили жребій мой рѣшить, —
И за меня всѣ «да» сказать готовы.

Но я не слушаю ни наставленій,
Ни выводовъ ихъ логики премудрой,
Ни ариѳметики, всесильной здѣсь:
Я слѣдую наказу убѣжденья

И совѣсти моей; я поступаю,
Какъ Богъ и сердце тайно мнѣ велятъ! ....
Я Мирскаго благодарить велѣла
За честь, имъ мнѣ оказанную нынче
Своимъ сердечнымъ выборомъ; велѣла
Ему сказать, что къ браку безъ любви
Недостаетъ рѣшимости во мнѣ, —
А что любви къ нему въ душѣ моей
Я не нашла, не чувствую .... что вѣрно
Сочувствія межъ насъ недостаетъ. —

Надѣюсь, — онъ пойметъ, — и исцѣлится,
И свидимся мы съ нимъ когда нибудь
Хорошими друзьями, — безъ зазрѣнья! ....
Любя его, принадлежать другому! ....
И мнѣ въ удѣлъ сей тяжкій долгъ избрать?
Мнѣ, — измѣня обѣту дорогому, —
Иной обѣтъ предъ олтарями дать? ....
Жестокіе! .... Они не понимаютъ,
Что́ буду я, ихъ волѣ покорясь;
Судьбой моей они располагаютъ,
Ни чувствъ моихъ, ни сердца не спросясь!
Могу-ли я забыть любовь былую ....
Замѣнитъ-ли одна рука моя
Привязанность и преданность прямую? ....
Позволено-ль коварствомъ подкупнымъ
Обманывать искателя младаго,
И заплатить за жаръ огня святаго
Кокетствомъ лишь расчетливымъ однимъ! ....

Когда во мнѣ любовью ослѣпленный,
Онъ думаетъ сочувствіе сыскать,
Должна-ли я, играя имъ надменно,
Безумныя мечты его питать? . . . .
Должна-ли я надеждою напрасной
Его привлечь, въ немъ сердце упоить,
Его на мигъ блаженствомъ озарить,
Чтобъ ложь прозрѣвъ, онъ въ правѣ былъ, несчастный,
Проклятіемъ меня обременить? . . . .

Ахъ, нѣтъ! . . . . Грѣшно и низко-бы то было! . . . .
Довѣріе — святыня! . . . . Горе той
Кто, не понявъ измѣны первой силу,
Сомнѣніямъ предастъ весь вѣкъ чужой!

Но я, — любви я слишкомъ цѣну знаю,
Чтобъ ею мнѣ безсмысленно шутить!
Я не могу другаго полюбить, —
Но искренно въ немъ чувство уважаю!
Побѣду я замѣтила свою
Безъ радости, безъ гордости сердечной . . . .
И клятву я самой себѣ даю.
Люблю къ тому остаться вѣрной вѣчно!

ГЛАВА XVI.

ВОЗВРАТЪ ВЛАДИМІРА.

C'est qu'après le malheur m'est venu ton sourire,
C'est que c'était l'hiver, et que c'est le printemps.

(Victor Hugo.)

Laissez d'un retour imprévu,
Laissez-moi goûter tous les charmes!
Hélas! j'ai retrouvé des larmes, ...
Mais je l'ai vu!

(M-me Desbordes-Valmore.)

If I should meet thee
After long years! . . . .
How should I greet thee? . . . .
With silence and tears! . . . .

(Byron, Miscellaneous Poems.)

I.

Bonheur de se revoir après les jour d'absence,
Qui des plus tendres voeux réalise l'espoir. . . . .
Plus je souffris, et plus je bénis ta puissance,
Bonheur de se revoir! . . . .

(Дневникъ Зинаиды былъ прерванъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ: ей нечего было разсказывать по однообразію ея скучной жизни.)

5 Ноября 18 . . . . въ Петербургѣ.

Записку мнѣ приносятъ отъ Елены . . . .
Она вернулась въ городъ, — брата ждетъ, —
Владиміръ завтра будетъ здѣсь, — онъ ѣдетъ
Сюда опять на полгода — на долго! . . . .

Что̀ слышу я? . . . . что̀ мнѣ сказали? . . . .
Кто завтра будетъ? . . . .

Боже мой!
Что̀ совершается со мной? . . . .
Бывъ долго жертвою печали,
Ужъ радости не вѣрю я!

Ужъ вѣсть о ней страшитъ меня! . . . .
Боюсь повѣрить поздравленьямъ
И дружбы сладостнымъ словамъ . . . .
Боюсь предаться заблужденьямъ,
И обольстительнымъ мечтамъ . . . .
Быть можетъ, это только сонъ?
Но мой покой ужъ возмущенъ, —
Надежды въ сердце мнѣ закрались,
И ими слабый умъ прельщенъ! . . . .

О радость, радость! . . . . гость залетный,
Гость рѣдкій, нéжданный, почетный, —
Не убивай меня! . . . . постой!
Другъ другомъ мы давно забыты:
Дай отдохнуть душѣ убитой,
Дай ознакомиться съ тобой! . . . .
Отвыкла я отъ ожиданья,
Отъ счастья, отъ надеждъ живыхъ, —
Меня пугаетъ упованье,
И исполненье думъ моихъ! . . . .
Боролась долго я съ судьбою,
Страдала много . . . . Но тоскою
Зачѣмъ день свѣтлый омрачать?
Зачѣмъ мятежною душою
Былое горе вспоминать? . . . .
Теперь мнѣ все очарованье,
Весь міръ надеждой озаренъ,
Твержу въ восторгѣ ожиданья:
«Ахъ! скоро, скоро будетъ онъ! . . . .»

II.

Que je l'aime! il est revenu;
Je ne sens plus sa froide absence;
Lui n'a pas senti ma présence, ...
Mais je l'ai vu!

(M-me Desbordes Valmore.)

7 Ноября 18 . . . .

Я видѣла его! . . . . Онъ здѣсь! . . . . Онъ возвратился!! . . . .
Своей счастливою семьею окруженъ,
Очарователь мой передо мной явился, ...
И какъ въ былые дни, мнѣ улыбнулся онъ! . . . .
Присутствіемъ его всѣ явно восхищались,
Онъ всѣми ласково, радушно принятъ былъ,
Къ нему друзей слова и взоры обращались,
Онъ занималъ умы, весь кругъ онъ оживилъ . . . .
Но я, — сторонній гость, свидѣтель безучастный,
Одна, упорное молчаніе храня, —

Я сердца своего восторгъ таила страстный,
Я знала, помнила, что смотрятъ на меня:
Избытокъ пылкихъ чувствъ, невольное смятенье,
Порывы радости безумной и живой,
Ланитъ румяный жаръ, и страхъ, и сердца бьенье,
Всё должно было скрыть ....

Всё скрыто было мной! ....
Я на привѣтъ его едва лишь отвѣчала,
Я удалить его старалась отъ себя,
Блаженствомъ, страстію душа моя пылала, —
А равнодушною всё притворялась я!
О! если-бъ онъ хотѣлъ своимъ всесильнымъ взглядомъ
Въ душѣ неопытно-лукавой прочитать! ....
Нѣтъ, онъ обманутъ былъ моимъ поддѣльнымъ хладомъ,
Онъ хитрости моей не могъ подозрѣвать ....
А я, — безумная! .... я втайнѣ проклинала
Спасительную ложь, терпѣніе свое,
Успѣхъ крушилъ меня .... невольно я желала,
Чтобъ лицемѣріе не удалось мое.
Никѣмъ незримая, я тихо предавалась
Обворожительнымъ надеждамъ и мечтамъ,
Глядѣла на него .... имъ долго любовалась ....
Внимала всей душой ему, его словамъ.

Мнѣ раемъ вѣяли звукъ голоса любимый,
И краснорѣчіе плѣнительныхъ рѣчей!
Мнѣ солнцемъ молодымъ, звѣздой незаходимой
Свѣтился милый взоръ сіяющихъ очей!
Разлуку, скорбь, тоску, — я всё позабывала,
Я забывала міръ, ... на время близь него
Всё счастіе земли вполнѣ я ощущала, —
Любила пламенно, и видѣла его! ....

III.

N'ayant point d'amour, il n'imaginait point qu'elle l'aimât . . . . C'est une erreur dans laquelle un homme seulement peut tomber! . . . .

(E. L. Bulwer, Maltravers.)

12 Ноября 18 . . . .

Надъ головой, надъ участью моею, —
Надъ всѣмъ, что̀ дѣлаю, что̀ начинаю,
Что̀ я задумаю лишь только, — есть,
Есть приговоръ судьбы неумолимый,
Клеймо злой неудачи, отверженья . . . .
Я думала, мнѣ сердце говорило,
Что должно мнѣ Владиміра принять
Разумнѣе, смѣлѣе, холоднѣе;
Что свѣтъ, достоинство и скромность мнѣ
Велятъ владѣть собой, таить волненье,
Порабощать себя, свою любовь
Приличьямъ, принятымъ уставомъ свѣта . . . .
Я думала, такъ лучше! — Но увы!
Ошиблась я, ... ошибся тоже онъ! . . . .
Не удалось невинное притворство:

Теперь, во мнѣ онъ началъ сомнѣваться, —
Онъ говорилъ сестрѣ, что я не та,
Какой была передъ его отъѣздомъ, —
Что не люблю его!

О! горе!! ....
Какъ я могу разсѣять подозрѣнье
Въ умѣ неблагодарномъ и пугливомъ, —
Въ взыскательномъ, несправедливомъ сердцѣ? ....
Какъ заблужденье гордаго разсудка
Я истреблю? Какъ я переувѣрю
Того, кто ужъ любви давно не вѣритъ! ....
Холодное сужденіе одно,
Безстрастное, слѣпое наблюденье —
Не замѣнятъ ему святыхъ внушеній,
Взаимности, — не могутъ объяснить
Души чужой волненье, страсть и муку, —
Онъ не пойметъ! ....

Теперь, со мною онъ
Не такъ внимателенъ, какъ прежде былъ, —
И больше не насмѣшливъ и не такъ колокъ, —
Не дразнитъ ужъ меня, со мной не шутитъ:
Онъ пересталъ кокетничать и льстить, ...
Онъ самъ не тотъ!! .... я вижу, замѣчаю,
Скорблю .... Мои мечты, мои надежды,
Восторги нѣжные, что̀ съ вами сталось? ....
Гдѣ вы, — гдѣ вы, еще недавно мною
Игравшіе заманчиво? .... Увы! ....
Вы сгинули .... пропали .... разлѣтѣлись!

Какъ я его ждала! . . . . Какъ страстно я,
Какъ глупо трепетала въ день свиданья, —
Присутствіемъ его какъ восхищалась! . . . .
Зачѣмъ, зачѣмъ? . . . . Онъ здѣсь, — но не
со мной! . . . .
Зачѣмъ, зачѣмъ? . . . . Онъ здѣсь, — не для
меня! . . . .

IV.

Faute de s'entendre . . . .

23 Ноября 18 . . . .

Видаемся, встрѣчаемся мы съ нимъ . . . .
И дни идутъ . . . . Но пользы нѣтъ мнѣ въ
томъ. —
Нѣтъ перемѣны въ грустныхъ отношеньяхъ,
Въ холодности взаимной нашей. — Мы
То какъ чужіе, — лишь нѣмымъ поклономъ
Привѣтствуемъ другъ друга; — то пройдемъ
Какъ будто незнакомые, — безъ взора
И безъ привѣта мимо. — Иногда,
Когда я пріѣзжаю, онъ уходитъ, —
И цѣлый день невидимъ остается . . . .
Въ другіе дни, — начнетъ онъ стороною,
Иносказательно судить о свѣтѣ,
Объ искушеньяхъ неизбѣжныхъ въ немъ . . . .

Объ дѣвушкахъ, — объ ихъ призваньѣ мод-
номъ,
И это всё, чтобъ уколоть меня
Незримою ироніи стрѣлой.
А я молчу! .... Какъ отвѣчать? что̀ дѣ-
лать? ....
Начну-ли защищаться, — докажу,
Что приняла чужія обвиненья,
Незаслуженныя! .... Что я себя
Въ насмѣшливомъ узнала описаньѣ! ....
Я вижу, понимаю, — на меня
Вооруженъ Владиміръ подозрѣньемъ:
Ему отсюда дали знать, что Мирскій
Ухаживалъ за мной .... Но онъ не знаетъ
Что руку князя и любовь его
Отвергла я .... Не знаетъ, — знать не
хочетъ,
Что, выѣзжая, живши въ модномъ свѣтѣ,
Не увлеклась ничѣмъ я, и никѣмъ, —
Его, его храня въ святынѣ сердца! ....
Онъ ждетъ, — что снова, какъ ребенокъ
слабый,
Я передъ нимъ повергну въ прахъ и душу,
И гордость женщины .... О нѣтъ! на-
прасно! ....
Нѣтъ! .... не унижусь я! .... Когда-бъ
хоть словомъ,
Когда-въ призывомъ сердца всемогущимъ
Онъ сердце-бы мое хотѣлъ привлечь, ...
Я-бъ бросилась безумно въ сѣть его,

Очнулась-бы опять его рабою,
Поклонницей .... Но онъ играетъ мною,
Не любитъ, не страдаетъ; только въ немъ
Лишь самолюбіе раздражено ....
Я выдержу: онъ отъ меня ни слова
Во вѣки не услышитъ въ оправданье,
Когда онъ самъ, онъ только виноватъ ....

V.

L'orgueil est entre nous .... il glace, il est mortel ....

(M-me Desbordes-Valmore.)

5 Декабря 18....

Елена плачетъ, — за меня, за насъ, —
И требуетъ, и проситъ, чтобы я
Шагъ первый къ примиренью совершила ....
Извѣстно ей, сколь гордъ и непреклоненъ
Владимiръ, сколь сердитъ онъ на меня,
За мой прiемъ холодный и несмѣлый ....
Она хотѣла оправдать меня, —
Въ моей любви нѣмой его увѣрить ....
Онъ слушать не хотѣлъ! .... Какъ ей насильно
На мѣсто бури грозной поселить
Надежду кроткую въ мятежномъ сердцѣ? ....
Какъ доказать слѣпому свѣтъ дневной? ....
Про Мирскаго и сватовство его
И мой отказъ, она ужъ много разъ
Правдивую ему твердила повѣсть:
Онъ ей не отвѣчалъ! ....

Еленѣ страшно
За будущность ея мечты любимой ....
Она давно, — и мнѣ не говоря, —
Надѣялась, желала породненья
Двухъ близкихъ ей сердецъ .... Она мечтала,
Что братъ ея меня полюбитъ самъ, ...
Мою любовь не только отгадала, —
Взлѣлѣяла она, какъ лучшій даръ
Владиміру, уявленному прежде
Обманомъ и измѣной .... Но теперь,
Разсѣялись, развѣялись тѣ сны:
И ненависть взамѣнъ любви счастливой
Межъ нами воцаряется .... И онъ,
И я, — мы убѣгаемъ другъ отъ друга ....
Нѣтъ! что-бъ Елена мнѣ ни говорила,
Я не рѣшусь на этотъ первый шагъ,
Я не пойду на встрѣчу гордецу
Съ любовію моей и заклинаньемъ ....
Я тоже жду .... Но ждать такъ, — хуже
смерти! ....
И нѣтъ мученья равнаго съ моимъ! ....

VI.

Je sentis qu'un malheur tournait autour de moi.

(M-me Desbordes-Valmore.)

10 Декабря 18....

Княжна опять задумала коварство,
Иль что́-нибудь недоброе: — вчера
Вдругъ въ маскарадъ отправилась она
Подъ маскою; — а я была съ княгиней
И Зуровыми въ ложѣ; и оттуда
Я видѣла, какъ вдругъ она пристала
Къ Владиміру, вошедшему лишь въ залу;
Какъ въ разговоръ вовлечь его старалась, ...
Какъ долго объ руку ходила съ нимъ,
Смѣялась, ... на ухо ему шептала,
Потомъ грозилась пальцемъ на него, —
Какъ-будто убѣдить его, увѣрить
Она хотѣла въ чемъ-то. Я смотрѣла
Съ вниманіемъ и страхомъ. Мнѣ сдавалось,
Что мнѣ готовится ударъ смертельный,
Что встрѣча, не случайная, быть можетъ, —

Владиміра, кумира моего,
Съ враждебнымъ геніемъ моимъ, — княжной, —
Должна мнѣ предвѣщать бѣду и горе . . . .
И мрачная боязнь съ тѣхъ поръ тѣснитъ
Больную грудь мою, — тревожитъ мысли,
И безъ того ужъ полныя волненья . . . .

VII.

Le doute . . . . si dramatique en amour.
(Balzac.)

15 Декабря 18....

Какъ угадала я! . . . . И какъ поспѣшно
На дѣлѣ объяснилось мнѣ теперь
Событіе, замѣченное мной
Въ таинственныхъ продѣлкахъ маскарада!
Какъ ясно мнѣ, что у княжны есть виды,
Есть замыслы . . . .

У молодой княгини
Вчера, для избранныхъ былъ вечеръ данъ,
Какъ-будто за-просто, и невзначай:
Владиміръ тамъ присутствовалъ! — въ домѣ
Онъ прежде не бывалъ, онъ не знакомъ
Ни съ старою, ни съ молодой княгиней . . . .
Меня не позвали!! . . . . И даже Надѣ
Ни слова не сказали. Лишь княжна,
Ея кузины Зуровы, да князь

И нѣсколько мужчинъ еще тамъ были.
Елена не была . . . . Она не знаетъ,
Какъ братъ ея сошелся вдругъ съ людьми,
Которыхъ онъ такъ долго ненавидѣлъ . . . .
Какъ это всё смѣшно, неловко, странно! . . . .
Какъ это всё недоброе сулитъ! . . . .

VIII.

Je les ai vu danser, je les ai vu sourire, ...
Quel contraste, grand Dieu! leur joie et mes douleurs! ....

(Artenart.)

23 Декабря 18....

Алина Зурова, вчера, на балѣ,
Въ глазахъ моихъ, въ присутствіи моемъ,
Съ Владиміромъ мазурку танцовала ....
Довольно для меня? Я понимаю!! ....
Онъ прошлою зимой не танцовалъ, ...
Онъ прошлою зимой не ѣздилъ въ свѣтъ,
На балахъ не бывалъ .... О! понимаю!! ....

IX.

L'heure du grand mécompte avait sonné pour elle ....
ses illusions tombaient feuille à feuille ....

(Charles Didier, Chavornay.)

28 Декабря 18....

Я слышала, другой онъ очарованъ ....
Я слышала, другую любитъ онъ ....
Онъ красотой ея и тронутъ и прикованъ,
Онъ ожилъ для нея, ... онъ счастливъ, восхищёнъ! ....

Богъ съ нимъ! .... Окончился мой сонъ смѣшной, напрасный ....
Богъ съ нимъ! .... Оторванъ онъ отъ сердца моего!
Теперь, я выучусь судить о немъ безстрастно,
Теперь, безъ трепета увижу я его! —

И не ревную я! .... и нѣтъ въ душѣ терзаній:
И ненависть къ соперницѣ молчитъ! ....

Окрѣпла я душой отъ прежнихъ испытаній,
И горе новое меня ужъ не сразитъ!

Пусть будетъ счастливъ онъ! вотъ всё, что́ я желаю,
Вотъ всё, что требовать дерзаю отъ судьбы! ....
Онъ не любилъ меня, — давно я это знаю, —
Но живы, пламенны о немъ мои мольбы!

ГЛАВА XVII.

ОТРЕЧЕНЬЕ.

Quand une femme arrive à reconnaître l'erreur de son amour, à se repentir de sa faiblesse — elle passe comme un éponge sur sa vie pour en effacer tout.

(Balzac, Études des Moeurs, Tome 8.)

Souvent plus une douleur est grande et plus l'âme y puise d'énergie.

(M-me Mélanie Waldor, Pages de la vie intime.)

Pourquoi vit-on encore quand la vie est sans charmes?
Je croyais qu'on mourrait, je l'avais espéré ....
Mais non! on ne meurt point ni d'amour, ni de larmes,
Car je l'ai tant aimé! car je l'ai tant pleuré! ....

(Le Comte de Rességui.)

I.

> Je n'aime plus! Ces paroles renferment un mystère tout aussi profond que celui contenu dans le mot: j'aime.
>
> *(Balzac, Études de Moeurs.)*

1 Января 18....

Довольно фиміамъ сердечный
Я гордому кумиру жгла....
Довольно клятвъ любови вѣчной
Ему я данью принесла ....
Довольно я уничижилась
Предъ божествомъ, избраннымъ мной,
И страстью оживить старалась
Гранита холодъ вѣковой.

Конецъ обману и мечтаньямъ,
Конецъ безумію, слезамъ!....
Сказавъ «прости» воспоминаньямъ,
Я посмѣюсь минувшимъ снамъ ....
Торжественно .... и безъ возврата!....
Я отрекаюсь отъ него, ...
Какъ отъ врага, отъ супостата,
Опаснѣй ада самаго!....

Теперь дней юности цвѣтущихъ
Недугъ враждебный исцѣленъ;
И взоромъ полнымъ чаръ могучихъ
Теперь меня не сглазитъ онъ! ....
Я не боюсь! Освободилась
Отчаяннымъ порывомъ я;
И жизнью вольной обновилась ....
Нѣтъ, нѣтъ! не стоитъ онъ меня!

О! какъ его я обожала,
Какъ долго былъ мнѣ дорогъ онъ! ....
И всё прошло, ... и страсть пропала,
Какъ небывалое .... какъ сонъ!
Мнѣ странно сердца увлеченье,
И мнѣ смѣшна любовь сама;
Я вижу въ ней лишь заблужденье, —
Ошибку дѣтскаго ума!

И тосковать душою страстной
Я впредь не буду день и ночь,
Я не сгублю себя напрасно:
Прочь, горе! .... сожалѣнья, прочь! ....
Самолюбивою забавой
Ему служить я не хочу;
Любовь была моей отравой,
Забвеньемъ сердце залечу! ....

II.

Malheur à moi! je ne sais plus lui plaire,
Je ne suis plus le charme de ses yeux ....

(M-me Desbordes-Valmore.)

5 Января 18....

Владимiръ Валентовичъ, братъ Елены, —
У Столбиныхъ бываетъ каждый день ....
Не говоритъ со мной .... Но за Алиной, —
За модною, богатою невѣстой,
Ухаживаетъ явно! .... Такъ-то онъ
Переродился вдругъ! .... Не презираетъ,
Не охуждаетъ больше всё, что̀ прежде
Такъ ненавидѣлъ онъ, и такъ бранилъ;
Онъ ищетъ тѣхъ, кого такъ избѣгалъ, —
И тѣхъ бѣжитъ, — кого искалъ такъ прежде ....
Онъ всюду въ высшемъ свѣтѣ; — разъѣзжаетъ,
Знакомится .... Съ княжной, какъ старый другъ,
Съ ней подъ-руку гуляетъ по гостиннымъ ....

И принятъ здѣсь какъ гость давно желанный, —
И веселъ, и спокоенъ, и доволенъ ....

Смотрою, — и это всё сдается мнѣ
Какъ странный сонъ, — безсвязный, непонятный;
Смотрю — и никого не узнаю
Изъ дѣйствующихъ лицъ мудреной драмы, —
Или комедіи смѣшной и жалкой ....
Чего хотятъ въ сіятельномъ семействѣ?
Владиміра къ чему-бы имъ ловить? —
Онъ не богатъ, не знатенъ .... нѣтъ карьеры
Блестящей у него въ виду .... Такъ что̀-жъ
Ихъ можетъ искушать? .... Заслуги, умъ,
И гордая, высокая душа,
И чудный слова даръ, и глубь познаній, —
Они не понимаютъ и не цѣнятъ, —
И въ людяхъ имъ нужна лишь обстановка:
Зачѣмъ-же имъ Владиміръ? .... Или только,
Ехидная догадливость княжны
Ей помогла мою провѣдать тайну,
И хочется меня ей уничтожить,
Всѣ разомъ сокрушивъ мои надежды? ....
Но я давно съ надеждами простилась, —
Мнѣ всё равно! .... Мнѣ только жаль его, —
Его, который такъ искусно завлеченъ,
И ослѣпленъ .... Что̀ онъ найдетъ въ Алинѣ,
Въ прелестной этой куклѣ безъ души? ....
Лишь кружева, да камни дорогіе,
Да ловкость въ вальсѣ, да отцовскій чинъ

Ей въ обществѣ значенье придаютъ . . . .
И жениховъ не мало ужъ ловили, —
Да неудачно . . . . Вижу всё, и знаю,
Но не могу несчастнаго спасти; —
Не мнѣ, не мнѣ повязку ослѣпленья
Съ неблагодарнаго теперь снимать.

III.

Il fallait l'excès du courage qu'elle s'était imposé pour supporter les émotions violentes qui l'attendaient dans cette journée.

(M-me Sophie Gay, Marie de Mancini.)

12 Января 18....

Сегодня, вечеромъ, помолвка будетъ
Владиміра съ Алиной! .... Цѣлый домъ
Стоитъ вверхъ дномъ .... Княжна готовитъ праздникъ, —
Балъ нежданный, потѣшные огни,
Куплеты; у меня пришла просить
Совѣта для стиховъ, — упрямой риѳмы. —
Заранѣй описала мнѣ она
Нарядъ невѣсты, роскошь торжества
И вензеля двойные обрученныхъ
На пламенныхъ щитахъ, — въ гирляндахъ пышныхъ ....
Я слушаю, ... куплеты поправляю ....
Готовлю свой уборъ. — Княжна спросила,
Пойду-ли я въ гостинную? Зачѣмъ

Сегодня такъ блѣдна я? .... Бѣсъ лукавый! ....
Такой вопросъ достаточенъ, чтобъ мнѣ
Полмертвой возвратить и жизнь и силу ....
Пойду! Пойду! ....

Я ихъ увижу тамъ,
Его .... её .... увижу обрученье,
Ихъ радость, ихъ любовь. Съ улыбкой должной,
Я подойду принесть дань поздравленья
Къ сопернице надменной, и къ нему —
Измѣннику! ....

О! я съ ума сошла! ....
Какой измѣнникъ онъ? .... Вѣдь никогда
Не обѣщался онъ меня любить, ...
Вѣдь никогда онъ не любилъ меня, ...
Я только бредила, ... лишь я одна! ....
Онъ очень хорошо и здраво судитъ, —
Онъ опытенъ, уменъ, — и жилъ не даромъ:
Онъ знаетъ свѣтъ и жизнь, — онъ разсчиталъ! ....
Онъ разсчиталъ, что знатную графиню,
Съ приданымъ и красой, съ отцомъ въ чинахъ,
Съ поддержкой у родныхъ, — съ значеньемъ въ свѣтѣ,
И связями, — нельзя-жъ не предпочесть
Мнѣ, — ничего не значущей и бѣдной ....
Невѣсту выбралъ онъ себѣ такую, —
Какая отвѣчать могла понятьямъ
И мнѣніямъ разсудка .... Онъ доволенъ, —

Тѣмъ лучше для него, для всѣхъ! . . . . Теперь
Любовь моя ужъ не нужна ему . . . .

Елена недовольна и грустна;
Её, какъ и меня, дивитъ нежданный
Переворотъ; — и новая невѣстка
Ей не по-сердцу. — Но ея согласья,
Ея совѣта даже не спросили, —
Всё было рѣшено и безъ нея . . . .
Она на свадьбѣ будетъ гость почетный, —
Не другъ родной, не нѣжная сестра,
Свидѣтель счастья брата . . . . И она
Приносится на жертву блеску свѣта! . . . .

Пора одѣться мнѣ! Ужъ всѣ готовы,
Ужъ сестры внизъ сбѣжали любопытно, —
Ужъ Зуровы пріѣхали . . . .

О Боже!
Дай власть мнѣ надъ собой, дай силу мнѣ,
И дай, молю, дай нужное терпѣнье,
Чтобъ выдержать могла я эту пытку,
Не измѣнивъ себѣ . . . . Пусть разорвется,
Пусть сокрушится сердце, — но улыбка
Чтобъ скрыла отъ друзей и отъ враговъ
Его мученье! . . . . Чтобъ спасти могла я
И гордость женскую, и женскій стыдъ! . . . .

IV.

Sick at heart . . . . and lone . . . . and blighted, ...
More than this, I scarce can die!

(Byron, Miscellaneous Poems.)

13 Января 18 . . . . на разсвѣтѣ.

Помолвка кончилась. Балъ тоже. — Мнѣ
Самъ Богъ помогъ! — Я показалась тамъ
Спокойна, равнодушна, весела . . . .
Я всѣхъ, всѣхъ ихъ поздравила, какъ должно . . . .
На балѣ я послѣднею осталась,
До самаго утра, ... я танцовала . . . .
Елена только чуть не сокрушила
Стоической веселости моей:
Когда меня увидѣла она, —
Вдругъ слёзы на глазахъ ея повисли,
Я убѣжала . . . .

Нынче, слава Богу,
Я отдохну! — Свободно, и на долго
Мнѣ успокоиться дано: Алина
Съ Владимiромъ въ деревню уѣзжаютъ;

Тамъ, въ отчинѣ ея старинныхъ предковъ,
Отпразднуютъ блистательную свадьбу. —
И можетъ-быть, — ужъ ихъ я въ здѣшнемъ мірѣ
Не встрѣчу болѣе! .... Тѣмъ лучше! Мнѣ
Какъ-будто нездоровится; устала,
Конечно, я, — иль даже простудилась, —
Я спать хочу ....

Дневникъ Зинаиды снова прерывается; она долго была больна, потомъ слаба; не выѣзжала, и не показывалась въ обществѣ Столбиныхъ. Весна проведена ею безъ всякихъ происшествій; потомъ ее по обыкновенію перевезли на дачу.

ГЛАВА XVIII.

ОТЧАЯНІЕ.

J'ai contemplé ma mort dans leur bonheur! . . . .

(M-me Desbordes-Valmore.)

Предательства вѣрнѣй узнавъ науку,
Служа приличію, фортунѣ, иль судьбѣ, —
Подругу нѣкогда я выберу себѣ,
И безъ любви рѣшусь отдать ей руку!
. . . .
И вѣсть къ тебѣ придетъ! . . . . но не завидуй
нам҃ъ . . . .

(Евгеній Баратынскій.)

I.

Son âme était calme, — sa vie s'éteignait . . . .
(Léonore de Béran, par M-me Cubières.)

6 Іюля 18 . . . . на дачѣ Каменнаго острова.

Я долго, — говорятъ, — была больна, ...
Не помню! . . . . И потомъ, я видно, долго
Оправиться и мыслями собраться
Всё не могла. — Не помню ничего! —
Какъ будто мглой подернуто былое, —
Прошедшее . . . . Я знаю, что теперь
Я кашляю, слаба . . . . Но я покойна . . . .
Лишь что̀-то скучно мнѣ . . . .

И говорятъ,
Что я занемогла, сперва горячкой,
Потомъ какой-то странною болѣзнью
Томительной и длинной; будто нервы
Разстроены во мнѣ. — А началось
Всё отъ того, — сказали доктора, —
Что танцами измучилась я слишкомъ
На томъ послѣднемъ балѣ, гдѣ была . . . .

Въ то время возвратился князь Василій,
Мой добрый, вѣрный, постоянный другъ, —
Отецъ родной по чувствамъ: — онъ сердился
На всю семью свою, за невниманіе
Ко мнѣ; онъ всё устроилъ для меня,
Чтобъ было мнѣ воскреснуть веселѣе, —
Чтобъ возвратясь на Божій свѣтъ изъ гроба,
Улыбками я встрѣчена была ....
Онъ здѣсь теперь .... онъ мною дорожитъ,
И на меня всѣ иначе ужъ смотрятъ:
Не поздно-ли? .... Могу-ли я ожить? ....

II.

D'un souvenir si doux l'erreur évanouie
Laisse au fond de mon âme un long étonnement.

(M-me Desbordes-Valmore.)

8 Іюня 18 .. . . . на Каменномъ островѣ.

Еще какъ-бы въ туманѣ предразсвѣтномъ
Неясныя мои блуждаютъ мысли;
Еще напрасно я хочу вовѣрить
Себя, и разумъ свой, и ощущенья. —
Какъ въ сумеркахъ напуганный ребенокъ
Боится въ тёмный уголъ заглянуть, —
Такъ я боюсь больное тронуть сердце,
Разшевелить умолкнувшую память, —
И книгу черную минувшихъ дней
Раскрыть неосторожною рукою . . . .
Не помнить, хорошо, — забыть совсѣмъ
Еще-бы лучше было! . . . .

Мнѣ сказали,
Что много писемъ есть ко мнѣ изъ Крыма,
Отъ Сары, отъ моихъ . . . . Еще сказали,

Что надо мной Елена просидѣла
Всѣ двадцать дней опасности моей,
Когда меня считали ужъ умершей . . . .
Она меня на мигъ не покидала,
И ночью не спала, и днемъ страдала
Страданьями моими. Другъ безцѣнный! . . . .
Какъ ты добра! какъ я тебя люблю! —
Но почему такія попеченья? . . . .
Зачѣмъ меня спасла святая дружба? . . . .
Кому нужна, кому мила я въ мірѣ? . . . .
Зачѣмъ мнѣ жизнь? . . . .

Теперь Елены нѣтъ, —
Въ Германію уѣхала она,
Къ водамъ . . . .

И можетъ быть, неправда то,
Что сестры мнѣ твердятъ про Мѣховскихъ
И ихъ семейство, будто-бы Елена
По прежнему всё съ огорченьемъ видитъ
Владиміра женидьбу, — въ ссорѣ съ нимъ, —
И недружна съ надменною Алиной? . . . .
А мнѣ, не всё-ль равно? что̀ мнѣ ихъ ссора? . . . .
Ужъ я почти забыла, что на свѣтѣ
Была Алина Зурова когда-то,
Что сдѣлалась теперь она женой
Владиміра, — невѣсткою Елены!
Мнѣ всё какъ-будто странно, непонятно;
Какъ-будто я отвыкла отъ житейскихъ
И свѣтскихъ отношеній; я похожа

На странника, вернувшагося вдругъ
Изъ длиннаго пути, изъ странъ далекихъ:
Роднаго дома онъ не узнаетъ. —
Сталъ чуждъ друзьямъ, забылъ воспоминанья,
И одичалый, остается нѣмъ,
Когда ему на языкѣ родимомъ
Сердечные вопросы предлагаютъ.

III.

A peine sur mon front quelques jours ont glissé, —
Il me semble qu'un siècle et qu'un monde ont passé.

(Lamartine, Harmonies.)

10 Іюня 18 . . . .

Я принялась за Крымскія извѣстья,
Пакеты запоздалые открыла:
Читаю письма милыхъ, незабвенныхъ;
Благословляю ихъ рукой и сердцемъ,
Еще для нихъ лишь не совсѣмъ остыв-
шимъ . . . .

Вотъ длинное и нѣжное письмо
Отъ Сары: — отвѣчаетъ мнѣ она
На посланные Наденькой листы

Неконченнаго дневника, — когда
Безъ памяти, въ бреду лежала я ....
Наставница души моей душою
Вдали меня умѣла понимать:
Боится за меня, — велитъ мнѣ быть
И разсудительной, и твердой; хочетъ,
Чтобъ я отчаянью предавалась, —
Чтобъ я минувшее забыть рѣшилась,
О будущемъ подумала .... И много
О молодости мнѣ она толкуетъ, —
Твердитъ о силѣ воли, — о надеждѣ, —
О счастіи другомъ ....

Ахъ, Сара! Сара! ....
Чего она желаетъ, ожидаетъ
Для мертвеца, созданья безъ души,
Для сердца сокрушеннаго, — едва
Спасеннаго отъ бури, — но разбитымъ,
Отцвѣтшимъ и отжившимъ навсегда?
Чего она боится за меня? —
Спокойна я .... я не грущу! .... И даже
Мнѣ не о чемъ грустить! .... Больна
была я, —
Теперь все кончено, прошло! Тѣмъ лучше;
Теперь здорова я умомъ и сердцемъ. —
Пора ужъ упокоиться моимъ ....
Я напишу, — имъ надо отвѣчать, —
Моимъ друзьямъ отъ самой колыбели,
Друзьямъ моимъ до гроба!

Ахъ! зачѣмъ
Зачѣмъ разстались мы? . . . . я тамъ, у нихъ,
Была такъ безмятежна, такъ счастлива, ...
Неопытна, и вѣрила всему . . . .

IV.

ОТВѢТЪ ЗИНАИДЫ НА ПИСЬМО САРЫ.

Oui je crois à l'amour: — j'y crois comme à l'écueil où viennent se briser les grandes et les vulgaires destinées; j'y crois, comme au volcan qui ne laisse que des cendres; comme à la chose mensongère qui promet les cieux et jette dans l'abîme!! ....

(*Corisande de Mauléon.*)

11 Іюня 18.... на Каменномъ островѣ.

Мой другъ! .... Не искушай меня надеждой ложной, —
Не спорь съ тоской моей, не утѣшай меня! —
Забвенье, счастіе, равно мнѣ невозможны,
Повѣрь мнѣ, никогда не исцѣлюся я!
Я мысль и власть ума, и слезы истощала,
Чтобъ сердце слабое разсудку покорить;
Я гордость женскую на помощь призывала,
Напрасно, тщетно всё! .... Мнѣ горя не сабыть! ....
Мнѣ сердца своего во-вѣкъ не побѣдить! ....

Я помню, были дни, — дни тайныхъ ожиданій,
И много въ будущемъ сулили мнѣ мечты! ....
Я помню, какъ въ пылу неопытныхъ желаній,
Со всѣмъ довѣріемъ сердечной простоты,
Я теплою душой молилась, уповала,
Была младенчески-спокойна и ясна, —
Порока, хитрости, вражды не понимала,
Ко всѣмъ пріязненно радушія полна.
Въ ту пору, если ты въ минуту горькой думы,
Разоблачала жизнь и свѣтъ передо мной,
И мнѣ дѣйствительность наукою угрюмой
Хотѣла объяснить, и опытъ тяжкій свой
Примѣромъ ставила боренія съ судьбой:
Съ участьемъ выслушавъ страдальческія пѣсни,
Я спорила съ тобой, что счастье не мечта,
Что замѣняется веселій пустота
Святыми чувствами; что много наслажденій
Намъ сердце здѣсь даетъ; что не нужны ему
Ни злато звонкое, ни почести мірскія;
Что чистую любовь двѣ души молодыя
Найдутъ и въ бѣдности; что свѣтлому уму
Ничтожны быть должны земныя испытанья,
Когда любовь ему здѣсь небо создаетъ.

Но нынче, — о мой другъ! — мой разумъ познаетъ
Ошибку прежнюю, и суетность мечтанья!
Но нынче, — о мой другъ, — покровъ упалъ съ очей!
Съ тобою, опытной въ житейскомъ, я согласна;

Попятенъ сталъ мнѣ смыслъ убійственныхъ рѣчей,
Теперь разгаданы, теперь мнѣ слишкомъ ясны
Увѣщеванія пророчицы моей! . . . .
Нѣтъ счастья! нѣтъ его для насъ, смѣшныхъ созданій,
Рожденныхъ съ пламенной, чувствительной душой,
Для насъ, всё ищущихъ любви и упованій,
Всё дышащихъ несбыточной мечтой! . . . .
Нѣтъ счастья! . . . . нѣтъ его для тѣхъ, кто понимаетъ
Всю цѣну счастья, всю полноту его, ...
Кто страсть высокую свою предпочитаетъ
Всѣмъ свѣтскимъ выгодамъ, и сердца своего
Расчёту низкому толпы не покоряетъ! . . . .

Мой другъ, тебя страшатъ мой ропотъ безнадежный,
Мое отчаянье и ранній холодъ мой? . . . .
Ты удивляешься, что сонъ мой золотой
Такъ скоро замѣненъ насмѣшкою мятежной,
Сужденьемъ опытнымъ? . . . . Но я-ль тому виной? . . . .
Я-ль разувѣрилась? . . . . Я-ль тучу громовую
Себѣ накликала? . . . . Я-ль вѣтренно зову
Судьбу враждебную на битву роковую? . . . .
Я-ль пепломъ юную осыпала главу? . . . .
Быть можетъ, — если-бъ жизнь меня не обманула,

Когда-бъ отъ глазъ моихъ любовь не ускользнула
Скатившейся звѣздой .... О! можетъ быть тогда
Я-бъ вѣру прежнюю и чувство сохранила
Въ душѣ восторженной, и тихо-бъ шли года,
И я-бъ всё грезила, ... и я-бы всё любила!! ....
Усовершенствовать стараяся себя,
Достойнѣй и добрѣй я дѣлалась всечасно,
Достигла-бъ мыслію до высоты прекрасной! ....
Чего-бы для него не совершила я? ....
Теперь, всё кончено! .... На землю я упала
Съ небесъ отверзтыхъ мнѣ! .... Теперь взоръ грустный мой
Всечасно устремленъ въ мглу кельи гробовой, —
Надежды лучъ погасъ, и сердце замолчало! ....

V.

Tout est fini maintenant, ... et j'oublie,
J'oublie un nom que je disais tout bas!

(Le Comte de Rességuier.)

Нельзя, мнѣ кажется, внезапно, вдругъ,
Въ одно мгновенье, разомъ постарѣть,
И въ полгода прожить почти полвѣка:
Но я въ себѣ такую перемѣну
И нахожу и чувствую, — что часто
Я думаю, со мной случилось тоже,
Что̀ съ древнимъ мудрецомъ, который въ думу
Глубокую душою погрузившись,
Въ пещерѣ жизнь свою провелъ незримо,
И старцемъ въ сѣдинахъ однажды вышелъ,
Вошедши юношей цвѣтущимъ. Или я,
Какъ спящая царевна въ старой сказкѣ,
Невѣдомо проспавши много лѣтъ,
Очнулась я, — и не могу узнать
Ни свѣта Божьяго съ его сіяньемъ,
Ни свѣта нашего, въ его мишурномъ
И ложномъ блескѣ, — ни себя самой,
Ни прежнихъ чувствъ, ни собственнаго сердца?....

Но тотъ мудрецъ, — онъ думалъ! . . . . Та царевна, —
Она во снѣ такъ сладостно мечтала, —
А я? . . . .

И въ забытьи и на яву,
Я все страдала, мучилась, томилась! . . . .
Я измѣнилась совершенно . . . .
Я не могу узнать себя:
Исчезла вдругъ, какъ паръ мгновенный,
Вся пылкость прежняя моя,
Я не тоскую, какъ бывало,
Я не мечтаю . . . . не люблю . . . .
Въ оцѣпененьи, въ скукѣ вялой,
Я неподвижно жизнь терплю,
Но не живу! . . . . Безъ вдохновеній,
Безъ жаркихъ думъ, нѣма, грустна,
Къ себѣ самой безъ сожалѣній,
Къ себѣ самой я холодна!
Въ душѣ лишь изрѣдка, случайно
Глаголъ былаго говоритъ, —
Когда ее разшевелитъ
Знакомыхъ звуковъ отзывъ тайный,
Или намекъ о старинѣ,
Иль имя, ... дорогое мнѣ . . . .
Тогда, какъ-будто пробудившись,
Въ свои вникаю чувства я,
И съ сномъ забытымъ вновь сдружившись,
Стараюсь воскресить себя;
Ловлю всѣ мысли, всѣ желанья,

Всѣ ощущенія свои,
И мимолетныя мечтанья,
И искры дремлющей любви;
Ловлю въ боязни и волненьи
Минувшаго безцѣнный слѣдъ, ...
Какъ узникъ въ мрачномъ заточеньи
Денницы ловитъ дальній свѣтъ!
Мнѣ больно видѣть увяданье
Цвѣтущихъ силъ души моей . . . .
Уже-ли, слабое созданье! —
Я не снесу грозы страстей? . . . .
Уже-ль, какъ трость, въ борьбѣ съ судьбою,
Поникнувъ долу головою,
Не оживу, не встану я? . . . .
Иль мнѣ поэзіи сердечной
Прошла пора, ... и буду вѣчно
Дышать, всѣ чувства схороня,
Сухою прозой бытія? . . . .

VI.

Elle est nee une lyre harmonieuse, ... mais une lyre brisée; pour elle chaque souffrance est un chant.

(Charles Nodier.)

Младенчества и юности моей —
Такъ быстро, такъ нещадно пролѣтѣвшей,
Лѣнивыя, безпечныя привычки
Опять я принимаю: я опять
Безвыходно въ своемъ углу безмолвномъ,
День цѣлый занимаюсь. То пишу,
И вечеромъ усердно сожигаю,
Что̀ въ день моимъ набросано перомъ . . . .
Изъ шкапа пыльнаго на столикъ мой
Любимыя опять явились книги;
Читая ихъ съ улыбкою прискорбной,
Въ нихъ прежнія замѣтки нахожу . . . .
И мнѣ смѣшно и больно: какъ недавно
Я думала, мечтала какъ ребенокъ,
А нынче?! . . . . И стихи мои былые
Ни видѣть, ни прочесть я не рѣшаюсь . . . .

Они подъ опалою у меня, —
Такъ точно какъ наряды и уборы,
И бальные цвѣты мои .... Все это
Напоминаньемъ-бы служить могло,
Все это въ печь пойдетъ, — лишь въ городъ мы
Вернемся съ острововъ! — Но фортопьяны
За то, опять, мнѣ любы и нужны;
По вечерамъ, по прежнему, я долго
Разсѣянной и бѣглою рукой
Тревожу ихъ покой, — въ безсвязныхъ грезахъ,
Въ неясномъ думаньѣ, забывшись, долго
Я пестрыя клавиши вопрошаю
И мнѣ они отвѣтъ даютъ урочный
Аккордами, то звучными, то часто
Таинственно-унылыми .... Тогда
И на устахъ, и въ мысляхъ, вдругъ, невольно,
И нехотя, бесъ моего сознанья,
За звуками рождаются слова,
И составляютъ стихъ, ... потомъ строфу, —
И что̀-то въ нихъ знакомое поется ....
А мнѣ всё на душѣ грустнѣй, грустнѣе,
И я пою и плачу .... И потомъ
Припадокъ горькаго рыданья смѣнитъ
Поэзіи и музыки припадокъ.

Вотъ нынче, вновь такое навожденье
Невѣдомыхъ властей, духовныхъ силъ,
Я испытала. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ,
Какъ я была больна, — мнѣ удалось
Припомнить на-лету, и удержать

Души моей урывчатыя тѣни.
Доселѣ въ нихъ дышали сердца муки,
Но не было въ нихъ смысла. Какъ дитя,
Я по складамъ въ духовной книгѣ мысли
Вторично подвизаюсь! Но дитя
Одни слова безпечнымъ языкомъ
Лепечетъ, запинаясь; для меня
Подъ каждымъ словомъ грустное значенье,
Тяжелый смыслъ таинственно выходитъ
Изъ памяти туманной, — и боюсь,
Боюсь я этихъ призраковъ былаго! —

АККОРДЪ.

Что̀ хочешь ты, о лира пѣснопѣнья? ....
Зачѣмъ такъ жалобно, такъ томно стонешь ты?
Давно, давно тебя забыли вдохновенья,
Давно въ душѣ моей нѣтъ творческой мечты! ....

Иль вновь ты думаешь любимыхъ струнъ игрою
Обворожить мой умъ, мнѣ сердце оживить? ....
Нѣтъ, чары прежнія безвластны надо мною, —
Пѣвицей страстныхъ чувствъ, какъ прежде, мнѣ
не быть!

Одна изъ струнъ твоихъ .... гармоніи стеченье, —
Твоя нѣжнѣйшая, сладчайшая струна,
Дающая другимъ и жизнь и выраженье, —
Увы! .... ея ужъ нѣтъ .... оборвалась она! ....

Прости, струна любви! . . . . Навѣкъ ты замолчала! . . . .
Свершилось, — дважды мнѣ не навязать тебя! . . . .
Ты противъ холода и бурь не устояла,
Ты съ стономъ порвалась — и онѣмѣла я!

Но вѣрной до конца была ты назначенью,
Но звукъ послѣднiй твой былъ ропотомъ любви;
И вторили всегда души моей влеченью,
Бряцанья и мелодiи твои!

И если той любви отринутъ даръ сердечный,
И если отклика нѣтъ пѣснямъ и мечтамъ, —
Отнынѣ замолчу! укроюсь въ тайнѣ вѣчной,
И положу предѣлъ своимъ безумнымъ снамъ! . . . .

Но никогда, — клянусь! — не посвящу другому
Ни пѣсней, ни стиховъ, ни вѣщихъ струнъ моихъ! . . . .
Я поклонялася кумиру роковому,
Но идоловъ себѣ не сотворю другихъ!

Довольно разъ одинъ, въ избыткѣ чувствъ глубокихъ,
Неопытной душой, восторженнымъ умомъ
Воздвигнуть идеалъ всѣхъ совершенствъ высокихъ,
Его боготворить . . . . и обмануться въ немъ! —

Довольно разъ одинъ, въ слѣпомъ самозабвеньи,
Всей женской гордостью пожертвовать ему,
Надѣяться, мечтать, любить въ уединеньи,
И вѣрной быть страданью своему.

Нѣтъ! сердца нѣжнаго я дважды не унижу,
Нѣтъ! въ заблужденіе я дважды не впаду! ....
Разочарована, — вблизи ужъ жизнь я вижу,
И съ зоркимъ разумомъ на встрѣчу я иду ....

А ты, молчи, молчи, о лира пѣснопѣнья!
Забудь бывалыя мелодіи твои!
Ужъ не дышать тебѣ восторгомъ вдохновенья,
Уже не быть тебѣ отзвучіемъ любви!

ГЛАВА XIX.

И ОНА ТО-ЖЕ.

Vainement croit-on mourir au premier désastre; la vie est tenace; le malheur l'enracine. On se débat, on lutte, on se relève lentement, péniblement; mais on se relève enfin et une fois debout, — o puérilité! .... On se prend encore à de nouvelles branches de l'arbre toujours doré de la vie! .... L'espoir rentre au coeur ....

(Léa-Cornelia, par M-me de la Martine.)

Elle avait traduit l'avenir en poème. Lorsqu'il lui fallût descendre des hauteurs de cet empyrée dans l'atmosphère tempérée de la vie réelle, cette âme dût se pénétrer d'un froid mortel. Elle se demandait avec inquiétude si le monde finissait à l'horizon borné qui l'oppressait de toutes parts. Le calme plat de ses jours pesait sur elle comme un manteau de plomb. Fatiguée du repos, elle eût voulu remuer à tout prix les eaux dormantes de sa vie .... Eh! sans doute elle pouvait être bienheureuse .... cependant elle se mourait d'ennui! ....

(Marianna, par Jules Sandeau.)

I.

Laissez passer la justice de Dieu! . . . .

(Une formule d'autrefois.)

25 Іюня 18. . . . на Каменномъ островѣ.

Алина Зурова . . . . Нѣтъ, — я ошиблась, —
Алина Валентовичъ здѣсь опять? . . . .
(Звать новымъ именемъ её неловко мнѣ, —
И надо пріучиться! . . . . что̀-жъ, Богъ дастъ,
Я пріучусь! . . . .) Алина Валенто̀вичь
Пріѣхала . . . . И хочетъ Петербургъ
Избрать себѣ какъ мѣсго пребыванья,
И купитъ домъ, и поселится здѣсь . . . .
Но ей, по прежнему, но ей теперь, ...
Красавицей блестящею не слыть! . . . .
Кумиромъ свѣта моднаго не быть!
Она, — возможно-ли? . . . . едва въ полгода,
Такъ страшно измѣнилась, постарѣла,
И такъ блѣдна, худа, не хороша,
Что прежнюю спѣсивую Алину, —
Цвѣтущую, веселую, живую,

Никто не узнаетъ. Княжна, княгиня,
Знакомые, родные, — въ изумленьи;
Безъ жалости ее не могутъ видѣть. —
И кажется, она сама, бѣдняжка,
Убѣждена въ печальной перемѣнѣ;
Она скучна, грустна и непривѣтна.
Не любитъ выѣзжать, не любитъ свѣта;
Играетъ въ вистъ . . . .

И мужъ ея такъ страненъ, —
Такъ молчаливъ! Онъ тоже постарѣлъ;
Онъ мраченъ, щекотливъ и раздраженъ
Какъ въ прежніе года, — когда впервые
Я встрѣтила его. Они другъ къ другу
Такъ холодны, такъ чинно-церемонны,
Какъ-будто непріязнью ядовитой
Смѣнилась ихъ любовь . . . .

Мнѣ жаль обоихъ! . . . .

Какъ коротка была улыбка счастья —
Для этихъ двухъ! . . . . Какъ скоро ихъ любовь
Увяла и потухла въ испытаньи
Желаннаго союза и блаженства! . . . .
Какъ страшенъ ихъ примѣръ! Уже-ль, о Боже!
Уже-ль всегда здѣсь каждое желанье,
И каждая надежда въ страстномъ сердцѣ
Обманчивы, непрочны, преходящи?

Уже-ль всегда ихъ исполненье губитъ?
И счастіе — загадка на землѣ,
Которой въ небесахъ намъ скажутъ слово?....

Мнѣ холодомъ повѣяло на душу
Отъ зрѣлища той молодой четы,
Которою недавно любовались, —
Пророча ей такъ много красныхъ дней....
И я сама, ... какъ блескомъ счастья ихъ
Я, скорбная, ослѣплена была, —
И какъ безумно ихъ я ревновала! —

II.

D'où sait-il que je l'aime encore? . . . .
Je ne le dis pas . . . . je l'ignore,
Je ne descends plus dans mon coeur! . . . .

(M-me Desbordes Valmore, les Pleurs.)

5 Іюля 18 . . . .

Здѣсь всякой день у родственниковъ новыхъ
Бываетъ Валентовичъ. — Иногда
Онъ безъ жены, и въ эти дни уходитъ
Изъ комнаты, гдѣ царствуетъ княжна,
Съ своимъ шитьемъ и чиннымъ разговоромъ;
Къ моимъ сестрамъ садится онъ; и шутитъ,
И шепчется весь длинный вечеръ съ ними . . . .
Но взоръ его разсѣянъ, — не на нихъ
Онъ устремленъ . . . . Ко мнѣ, ко мнѣ одной! . . . .
И часто слышу я, что имя Зины
Онъ шепотомъ, украдкой, произноситъ . . . .
Разспросами, догадками о мнѣ,
Томитъ сестеръ моихъ. Онѣ, какъ дѣти,
Довѣрчивы еще и простодушны,
Какъ женщины болтливы, — и ему
Успѣли разсказать всю жизнь мою,

Болѣзнь мою, ... занятіе и скуку,
Затворничій мой бытъ вдали отъ свѣта . . . .
Я издали прислушаться успѣла,
И на лету́ ловила ихъ слова,
Участіе его . . . . Но я всё дальше
Отъ нихъ сажусь . . . . Но я и не гляжу
Въ ту сторону . . . . Теперь, и я умѣю
Приличія безсмѣнно наблюдать! —

Но, для чего, — ему, Алины мужу! —
Зачѣмъ разузнавать ему теперь
Что̀ дѣлаетъ, ка̀къ мыслитъ, какъ живетъ,
Какъ мается въ тоскѣ уединенной
Забытая такъ скоро Зинаида? . . . .
Зачѣмъ ему чужою заниматься? . . . .
Теперь ужъ не свободенъ онъ, не долженъ,
Не смѣетъ онъ желать, и ждать,
Чтобъ я о немъ по прежнему мечтала,
Чтобъ я по прежнему . . . .

Посмотримъ! . . . . Скоро
Надѣюсь доказать ему, какъ я
Теперь перемѣнилась, поумнѣла,
И равнодушна стала, и легко
Минувшее забыла навсегда!! . . . .

III.

.... Вы должны,
Я васъ прошу меня оставить!
(Онѣгинъ А. Пушкина.)

12 Іюля 18....

Я вся дрожу отъ гнѣва и досады,
Взволнована до слезъ негодованьемъ ....

Какъ смѣлъ онъ, какъ онъ могъ себѣ позволить,
Упрямый этотъ, дерзкій Валентовичъ, —
По прежнему со мной заговорить? ....
По прежнему смотрѣть? .... Какое право
Имѣетъ онъ преслѣдовать меня,
И своевольно нарушать молчанье, —
Холодное и вѣчное молчанье, —
Воздвигнутое моей преградой вѣрной
Межъ имъ и мной? ....

Что̀ у него за цѣль? ....
Не подумаетъ-ли онъ, что я измѣну
Могла простить, — что съ слабостію дѣтской
Я, можетъ быть, перенесла её
Покорно, равнодушно? .... Или мнитъ онъ,
Что я должна, какъ смирная овечка, —
Быть тронута теперь возобновленьемъ
Вниманія обиднаго ко мнѣ? ....
Нѣтъ! нѣтъ! .... Не знаетъ онъ, не понимаетъ
Моей души чувствительной и гордой,
Расчету мелочному недоступной,
Но тоже недоступной и прощенью! ....
Не понимаетъ женскаго онъ сердца,
Въ холодности его неумолимой, —
Какъ прежде онъ его не понималъ
Во всемъ пылу восторга молодаго ....

Я не могу вовѣкъ ему простить ....
Я не должна забыть .... Межъ имъ и мной,
Межъ имъ и мной вся вѣчность! ....

И не я
Тому виной!

Сегодня танцовать
Домашніе всѣ наши собрались,
Нечаянно развеселясь. — Княжна,
Довольная какимъ-то новымъ бантомъ, —
Какъ ласточка порхала и рѣзвилась

Съ моими сестрами; княгиня Софья
На фортопьянахъ имъ играла вальсы. —
Я, мѣста своего не покидая, —
Одна была въ гостинной, у балкона,
Задумалась; — вдругъ слышу, близъ меня,
Сквозь сумерки въ полголоса сказали:
«Когда-жъ мечтать, когда-жъ скучать однѣ
«Вы перестанете? . . . .» Я содрогнулась,
То Валентòвичь былъ. — Не знала я
Бѣжать-ли мнѣ, иль отвѣчать ему; —
И прежде чѣмъ успѣла я рѣшиться,
Онъ крѣпко сжалъ мою нѣмую руку,
Онъ цѣловалъ ее, ... онъ былъ взволно-
ванъ, —
И нѣженъ былъ его знакомый голосъ,
Въ глазахъ его знакомый взоръ горѣлъ . . . .
Испугъ . . . . досада . . . . скорбь, ... всѣ чув-
ства вдругъ
Откликнулись вó мнѣ мятежнымъ хоромъ:
Какъ въ лихорадкѣ, задрожала я, —
И если памяти я не лишилась, —
То потому, что гордости священной
Всѣхъ громче гласъ во мнѣ заговорилъ.
«Чтò съ вами?» — я съ усмѣшкою сказала, —
«Опомнитесь, ... я васъ не понимаю! . . . .»
Онъ былъ у ногъ моихъ . . . . «Прощенья, Зина!!
«О! какъ наказанъ я! . . . . какъ я обманутъ!! . . . .
«Какъ хитро разлучить съумѣли насъ! . . . .
Я васъ любилъ! . . . . Любилъ давно и нѣжно, —
Но, опытный, себѣ не довѣрялъ;

Отъ времени, отъ васъ развязки ждалъ . . . .
Пока, ... что̀-жъ, признаюсь! . . . . душой мятежной,
Душою вашей глупо я игралъ . . . .
Хотѣлъ я васъ заставить мнѣ сознаться
Въ своей любви, ... хотѣлъ, чтобъ первый шагъ
Вы сдѣлали! . . . . Я былъ гордецъ, дуракъ, —
А вы, — вы не хотѣли поддаваться, —
Молчали вы! . . . . Вы мучили меня, —
Я мучилъ васъ . . . . Мы оба были квиты! . . . .
Полслова лишь вы-бъ молвили, шутя, —
И мы-бъ сошлись! . . . . Капризное дитя, —
И счастье и мечты мои разбиты, —
Разбиты вами! . . . . Разсердился я, —
И прочее извѣстно вамъ: попался
Въ ловушку я, по милости княжны, ...
Женился, вамъ на зло, — себѣ на кару! . . . .
«И какъ теперь я дорого плачу̀
«За слабость прошлую, за ослѣпленье!
«За то, что суетно прельстился я
«Любовью суетной и мнимой! . . . . Знайте, —
«Простить меня должны вы: я несчастливъ! . . . .
«По прежнему я васъ боготворю, ...
«Теперь для васъ одной лишь сердце бьется, ...
«Чтобъ съ жизнію отравленной, — съ собой
«Я примириться могъ, мнѣ нужно видѣть
«Васъ ласковой ко мнѣ и благосклонной, —
«Мнѣ нужно быть, какъ прежде, вашимъ другомъ!!»

— Я слушала его въ оцѣпенѣньи, ...
Мнѣ всё не вѣрилось что онъ, онъ самъ,
У ногъ моихъ . . . . я долго не могла
Сообразить, что смѣетъ мужъ Алины
Мнѣ говорить словами страсти нѣжной . . . .
Но я нашлась: «По прежнему?! . . . . Скажи́те, —
Что̀-жъ прежде общаго межъ нами было? . . . .
По прежнему?! . . . . Но, право, я не помню,
О чемъ вы говорите, — и зачѣмъ
Вы просите прощенья у меня, —
Что̀ сдѣлали вы мнѣ?» — «О Боже! Зина!
«И это вы, такъ строги, такъ жестоки,
«Такъ холодны? . . . . И вы, вы отъ меня,
«Вы отъ любви своей, отъ чувствъ святыхъ,
«Съ презрительной насмѣшкой отреклись? —
«Я ничего для васъ? . . . . Я позабытъ,
«Быть можетъ, даже проклятъ! . . . . За меня
«Ни слова не замолвитъ сердце ваше! . . . .
«Вы, вѣрно, ненавидите меня?» . . . .
— Нѣтъ, — отвѣчала я, — о нѣтъ, я васъ
И не кляну, и не виню; я къ вамъ
Не чувствую вражды; я равнодушна; —
Не помню, чтобъ въ любви вамъ признавалась,
Не помню, чтобъ любила васъ; вамъ пра́ва
Я не дала преслѣдовать меня,
И васъ прошу на-вѣкъ меня избавить
Отъ всякихъ сценъ! . . . . Не то, самой княгинѣ
Я передамъ всѣ ваши разговоры! —

Я бросила его. Я прибѣжала
Къ себѣ, чтобъ скрыть безумный трепетъ мой,
Волненіе мое. Никто не будетъ,
Не долженъ знать объ этомъ разговорѣ, —
Объ дерзости его. Никто, никто! ....
И я сама хотѣла-бы забыть,
Какъ смутный сонъ, тревожный этотъ вечеръ! ....

IV.

О! наша жизнь! гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано!
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты! ....

(Жуковскій.)

18 Іюля 18....

Да, — несчастливъ! .... Правду онъ сказалъ: —
Алины нравъ испортился совсѣмъ. —
Изъ дѣвочки пустой, но миловидной,
Веселенькой, любезной, — вышла дама
Жеманная, капризная и злая.
Съ ея красой увялъ и свѣтскій умъ; —
А зависть, какъ грызучая змѣя
Въ ней поселилась жжётъ её и бѣситъ, —
И вотъ она бранитъ и гонитъ міръ,
Родныхъ, подругъ, всѣхъ женщинъ молодыхъ,
Все что̀ свѣжо, и нравится, и мило ....
Въ супружествѣ искала лишь она
Желанное давно и тщетно право
Носить чепецъ, и выѣзжать одной ....
Владиміра она не понимала,

И вовсе не любила. — Ей княжна
Натолковала объ его умѣ, —
Представила его героемъ страннымъ
Неизданныхъ романовъ, — и вскружила
Бѣдняжкѣ неразумную головку.
Алина безразсудно увлеклась
Тщеславною мечтой его прельстить,
Его завлечь, — и плѣнникомъ законнымъ, —
Какъ льва цѣпнаго, — всюду представлять
Трофеемъ красоты неотразимой . . . .
Княжнѣ хотѣлозъ только помѣшать
Любви моей къ Владиміру, — какимъ-то
Внушеньемъ дьявольскимъ, извѣстной ей;
Княжнѣ хотѣлось только огорчить
И разсердить семейство Мѣховскихъ,
Особенно Елену; — ихъ она
За дружбу ихъ ко мнѣ терпѣть не можетъ . . . .
И вотъ, ея змѣиныхъ искушеній
Послушалась несчастная Алина, —
Кокетничать съ Владиміромъ пустилась,
Заманивать его любовью ложной . . . .
И свадьба ихъ устроилась, — на зло
И горе длинной жизни ихъ! . . . . — Потомъ,
Увидѣли они свою ошибку. —
Сочувствія, согласія, любви
Межъ ними не бывало никогда. —
Не созданы они для высшей тайны
Любви святой, — любви чистосердечной! . . . .
Онъ не для ней, — она не для него
Здѣсь на землѣ!! — Они страдаютъ оба,

Обоимъ цѣпь имъ тяжела равно, —
И скука, охлажденье, сожалѣнье.
Вотъ грустные пенаты брака ихъ!
Ихъ изъ деревни выгнала тоска, —
Тоска по модномъ свѣтѣ у нея,
Тоска по перемѣнѣ у него, —
По чемъ-нибудь другомъ .... Онъ о свободѣ,
Несчастный, и мечтать уже не смѣетъ!
Онъ право потерялъ сказать иль думать
«Я!» — для него всё мы .... а это мы,
Какъ тяжело, и какъ звучитъ тюрьмою
Колоднику, закованному въ немъ! ....

Всё эго я узнала отъ сестры;
Владимiръ подружился съ ней, повѣрилъ
Ребяческой невинности ея,
Всю пустоту и скорбь своей души, —
Ей разсказалъ всѣ происки всѣ козни,
Которыми опутали его; —
Ей разсказалъ мучительную повѣсть
Вседневныхъ, неизбѣжныхъ столкновенiй
Съ женою безразсудной и надменной,
Чрезъ мѣру избалованной богатствомъ
И лестiю .... И Надинька о немъ
Груститъ и сожалѣетъ; онъ для ней
Какъ мученикъ высокихъ чувствъ своихъ.
И я бояться-бы стала за нее,
Ундину свѣтлорусую мою,
Когда-бъ не знала я, что въ этомъ сердцѣ
И въ этой головѣ, спокойно все,

И мирно, и безпечно, — до поры,
Еще не наступившей для нея,
Поры любви, волненья и страданья . . . .
Когда о мужѣ суетной Алины, —
Послушникѣ причудъ ея капризныхъ, —
Съ участьемъ Надя долго говоритъ,
Я слушаю безмолвно, размышляя . . . .
Дитя! что̀, если-бъ видѣла она,
Какъ много слёзъ онъ стоилъ мнѣ когда-то . . . .

V.

> There are in short whose days present
> A constant scene of painful strife.
>
> *(Barton, the Evergreen.)*

21 Юля 18 . . . .

Когда къ себѣ пришла я отъ обѣда,
Букетъ цвѣтовъ, рукою неизвѣстной
Мнѣ принесенный безъ меня, лежалъ
На низенькомъ окнѣ. — Я удивилась:
Кто могъ мнѣ принести, или прислать
Таинственный букетъ? . . . . Справляюсь въ домѣ, —
Безъ насъ, весь флигель запертъ былъ; — никто
Не приходилъ, и въ комнатѣ моей
Все оставалось тихо . . . . Но окно
Выходитъ въ полисадникъ, до него
Изъ улицы добраться можно было, —
Его не закрывали. — Стало-быть,
Изъ улицы букетъ мнѣ принесенъ! . . . .

Беру его .... записка въ немъ таится ....
Руки знакомой почеркъ узнаю ....
И Надинькѣ цвѣты передаются! —
Записку-же не вскрытую, — въ пакетъ
Я тотчасъ запечатала: она
Отправлена по почтѣ городской,
Куда ей слѣдуетъ вернуться .... Нѣтъ!
Читать ея не стану ....

И зачѣмъ? ....
Я ни внимать, ни вѣрить не хочу
Напраснымъ и обманчивымъ словамъ, —
Словамъ, мнѣ сказаннымъ его умомъ, —
Не сердцемъ! нѣтъ! я вѣрить не должна,
И слушать даже было-бы безумно! ....
Межъ нами грѣхъ, межъ нами все былое, ...
Иной обѣтъ и женщина другая!

VI.

When pride steels the bosom, the heart is unbending.

(Byron, Hours of idleness.)

25 Іюля 18....

Меня преслѣдуютъ .... Меня хотятъ
Склонить, завлечь .... Покоя не даютъ ....
Сейчасъ въ работномъ столикѣ своемъ
Я нахожу опять письмо съ кольцомъ.
Но ужъ письмо надписано рукою
Чужою, неизвѣстною: — пришлось мнѣ
Его прочесть .... — Кольцо-же я узнала! —
То самое, что женщиной любимой,
Но вѣроломной, было въ старину
Подарено .... что долго у Елены
Хранилось, какъ залогъ вражды и горя,
И въ руки мнѣ досталось такъ чудесно,
И такъ необъяснимо до сихъ поръ, —

Въ день святочныхъ гаданій, въ самый день
Пріѣзда Валентовича, — и первой
Моей съ нимъ встрѣчи, — встрѣчи роковой
Для участи моей, какъ мнѣ казалось,
Во время оно .... Время то прошло!

Кольцо мнѣ предлагаютъ, какъ залогъ,
Что прежнія любви воспоминанья
Мнѣ жертвуютъ; что сердца всѣ мечты,
Минувшее и будущее въ жизни
Отнынѣ мнѣ одной принадлежатъ ....
Письмо наполнено безумныхъ клятвъ,
Моленій страстныхъ, горести глубокой, —
И тяжкихъ неутѣшныхъ сожалѣній. —
Елены именемъ меня онъ проситъ
Его простить: ему сказать въ отраду
Участья и любви одно лишь слово ....
Нѣтъ .... Этому не быть! .... Нѣтъ! я должна
Казаться непреклонной, и скорѣй,
Сегодня-жъ, прекратить отвѣтомъ строгимъ,
Рѣшительнымъ, всѣ просьбы, всѣ исканья,
Всѣ опыты надъ твердостью моей,
И письма, и букеты, и посланья ....
Но какъ мнѣ быть? .... Ни посылать къ нему,
Ни говорить при всѣхъ съ нимъ не могу я!
А случая и средства выжидать,

Наединѣ, тайкомъ, съ нимъ объясниться, —
Я не хочу, чтобы не быть ни въ чемъ
Сообщницей его! чтобъ онъ не смѣлъ
И думать о безумномъ снисхожденьи, —
Чтобы не дать ему отрады сладкой
Сближенія минутнаго со мной! —
Чужіе мы! . . . . останемся чужими!
Онъ не услышитъ больше голосъ мой . . . .
Писать?! . . . . О! это хуже во сто разъ!
Короткости въ письмѣ гораздо больше, —
И больше правъ оно даетъ, чѣмъ рѣчи;
Письмо ужъ есть отвѣтъ . . . . Мнѣ отвѣчать
Не должно непростительнымъ словамъ!

О! знаю!! . . . . Я при немъ, — при всѣхъ, —
безстрашно,
Въ гостинной, подъ часами положу
Его письмо, его кольцо, — и Надя
Ему на нихъ укажетъ; — онъ тогда
Ихъ долженъ будетъ взять. — А я забуду
Тетрадь мою, — ту записную книгу, —
Что знаетъ онъ издавна, — что читалъ
Такъ часто, такъ внимательно, такъ гордо,
Бывало онъ, стараясь въ ней найдти
Желанныя признанья и намёки . . . .
Теперь онъ въ ней найдетъ слова другія: —
Упреки, назиданья — откровенье
Одной моей холодности къ нему! . . . .

Отвѣтъ получитъ онъ, — послѣдній, твердый, —
Безъ имени, безъ подписи, и въ книгѣ
Начертанный, какъ выписка простая
Изъ Новаго романа! . . . . Онъ пойметъ!! . . . .

———— —————

VII.

ОТВѢТЪ, НАПИСАННЫЙ ЗИНАИДОЮ ВЪ АЛЬБОМѢ.

Ce coeur n'est plus à toi! .... je te sauve un remords! ...
(M-me Desbordes-Valmore.)

О! не волнуй меня напрасно,
Коварный, хитрый мой кумиръ!
Не воскрешай мечты опасной,
Не нарушай мой шаткій миръ!
Дай отдохнуть душѣ стѣсненной,
Дай закоснѣть въ разлукѣ ей, —
Дай ей забыть минувшихъ дней
Сонъ безразсудный, но священный! ....

И что̀ тебѣ во мнѣ? .... Какъ съ дѣтской простотой,
Какъ съ первымъ пламенемъ любви первоначальной,
Я не могу любить .... Какой-то хладъ печальный

Съ глухимъ безчувствіемъ теперь владѣютъ мной.
Блестящій, душный свѣтъ, лесть, суетность пустая
Въ немного знойныхъ дней испортили меня;
Вкусивъ отраву ихъ, гласъ опыта внимая
Боготворить тебя ужъ не имѣла-бъ я!

Когда моложе я, довѣрчивѣй была, —
Когда высокихъ чувствъ душа во мнѣ просила,
Когда сердечною я жизнію жила,
Безумно, преданно, безъ словъ тебя любила, —
Ты равнодушенъ былъ! .... О мнѣ ты не жалѣлъ!
Ты сердцемъ любящимъ, какъ дивомъ любовался,
Холоднымъ зрителемъ на скорбь мою смотрѣлъ ....

Благодарю тебя! .... Своимъ пренебреженьемъ
Ты вразумилъ меня, покой мнѣ возвратилъ!
Меня, прозрѣвшую, надъ долгимъ заблужденьемъ,
Надъ дѣтской глупостью смѣяться научилъ!
Теперь все кончено межъ мною и тобою, —
Теперь ужъ для меня не милъ, не страшенъ ты;
Я встрѣтила тебя съ безтрепетной душою,
Ты тѣнь минувшаго, ты тѣнь моей мечты! ....

Вотъ непритворное признанье,
Вотъ исповѣдь тебѣ моя! —

Своихъ рѣчей очарованье
Ты поздно тратишь для меня!
Внимать тебѣ опасно-бъ было . . . .
Я впредь хочу, я впредь должна
Быть, какъ статуя, холодна, ...
Быть безотвѣтна, какъ могила.

VIII.

Proudly spoken, heart of mine! ....
(Miss Jewsbury, the Evergreen.)

28 Іюля 18....

Онъ видѣлъ .... прочиталъ .... съ тѣхъ
поръ прошло
Уже три дня, — сюда онъ не являлся! —
Такъ понялъ онъ! .... Я рада! Слава Богу! ....
Послѣднее минуло искушенье,
И мимо пронеслось .... Теперь, ничтò,
Ничтò не будетъ мнѣ тревогой скучной,
Ничтò ужъ не напомнитъ мнѣ былое, —
Забытое! .... Я мудро поступила
Собой довольна я ....

Но почему
Такъ грустно мнѣ, ... неизъяснимо грустно? ....
Зачѣмъ вокругъ меня такъ пусто все? ....
Зачѣмъ-же одиночество мое
И сиротство души, какъ-будто вдвое
Больнѣе мнѣ и тяжелѣе стали? ....
Спокойна я .... такъ отъ чего-жъ несчастна?

IX.

La nouvelle destinée où j'entrerai après cette destinée mortelle, sera-t-elle calme et supportable? ....

(George Sand, Lettres d'un Voyageur.)

17 Августа 18....

Князь Мирскій снова здѣсь. И снова онъ
Мнѣ говоритъ лишь о любви своей, ...
Онъ проситъ, убѣждаетъ, умоляетъ
Отказъ мой прошлогодній отмѣнить,
Подумать, какъ онъ крѣпко, вѣрно, свято
Меня любилъ, — хоть былъ отринутъ мной ....
Онъ цѣлый день то здѣсь, въ гостяхъ, — то
ходитъ,
То проѣзжаетъ мимо .... Я вездѣ
Его встрѣчаю; всюду слышу имя
Его, произнесенное съ хвалою ....
Всѣ просятъ за него, — и князь Василій,
И Надинька .... всѣ надоѣли мнѣ! ....
Ужъ я отказъ готовила вторичный, —
Но вотъ, при мнѣ, съ Алиной разсуждая
О немъ, княжна сказала съ колкимъ смѣхомъ,

Что онъ женихъ прекрасный и готовый
Для Лизы Зуровой, меньшой графини. —
Сестры Алины .... О! такое слово,
Такой намёкъ завистницы моей, —
Ея обидный смѣхъ, обидный взглядъ, —
Они меня рѣшили! .... Уничтожу
Ея расчетъ, и всѣ ея гоненья, ...
Освобожусь отъ этой тяжкой жизни,
Подъ кровлею одной съ враждебнымъ, хитрымъ
И злобнымъ существомъ, — моей язвой,
Моимъ безсмѣннымъ демономъ! .... Отъ всѣхъ
Освобожусь, бездушныхъ, безсердечныхъ,
Надменныхъ Столбиныхъ! — Освобожусь
И отъ Владиміра .... на вѣки, да!! ....
Сегодня-же я Мирскому скажу,
Что я согласна быть его женой!

X.

I offer up affections
Void, violent and vain!
. . . .
I offer up my memory,
'Tis a drear and darkened page!
. . . .
I offer hopes, whose folly
Only afterthoughts can know! . . . .

(Miss L. E. Landon.)

19 Августа 18 . . . .

Я объяснилась съ Мирскимъ . . . . Въ тотъ-же день
Онъ говорилъ съ княгинею; потомъ
Опекуна согласія спросились,
На совѣщанье позвали весь домъ,
Послали церемонно и за мною, —
Поздравили, — и я теперь невѣста!! . . . .

Невѣста Мирскаго!! . . . . О! какъ судьба
Мечтами, мнѣньями, и волей намей
Играетъ произвольно и нелѣпо!! . . . .
Того-ль ждала, ... того-ль желала Зина,
Смиренная, сердечная, простая, —

Поклонница не суетнаго блеска, —
Не почестей, не злата, не гербовъ, —
А тихаго, домашняго блаженства
И счастія двухъ любящихъ сердецъ.

Князь, — мой второй отецъ, — крестить меня,
На радостную жизнь благословляетъ . . . .
Доволенъ онъ: онъ долгъ исполнилъ свой! —
Онъ сироту блистательно пристроитъ . . . .
Онъ безприданницу княгиней видитъ . . . .
Чего-же больше? .... Сестры въ восхищеньѣ, ...
Цѣлуютъ руки мнѣ . . . . твердятъ, что я
Сіятельной и знатной дамой буду, —
Всѣхъ ослѣплю алмазами своими,
Всѣхъ превзойду успѣхами въ гостинныхъ! ....
И Надинька ужъ о приданомъ бредитъ . . . .
И рады за меня онѣ, что скоро
Изъ рукъ княжны урвусь я, что отнынѣ
Свободна я, спокойна . . . . и любима,
Любима Мирскимъ, львомъ, красавцемъ, княземъ! . . . .
Княжна удивлена, сердита даже, —
Занемогла мигренемъ, пожелтѣла! . . . .
Алина морщитъ бровь; княгиня Софья,
И мужъ ея, всѣ прочіе, ко мнѣ
Съ привѣтами, улыбками, участьемъ
И поздравленьемъ тотчасъ поспѣшили. —
Всѣ веселы. — Для дома ихъ, вѣдь честь,
Что дѣвушка, живущая у нихъ,

Такую партію могла составить.
Богъ съ ними! . . . . Мнѣ теперь ужъ все равно,
Чистосердечно-ли, или притворно
Участье ихъ . . . . Я разстаюся съ ними, —
Мнѣ не до нихъ: волненье, безпокойство
И тайный страхъ за будущность мою, —
И мысли, полныя смятенья, грусти, —
Вотъ что̀ теперь тревожитъ душу мнѣ! . . . .

Невѣста Мирскаго! . . . . Что̀ скажетъ онъ. —
Когда молва о томъ дойдетъ къ нему? . . . .

XI.

Un chant couvre parfois bien des cris de martyre.

(M-me Anaïs Ségalas.)

25 Августа 18....

Слова сердечныя, слова любви святой,
Не понялъ нѣкогда, не внялъ кумиръ холодный,
Вотще превознесенный мной:
И нынѣ, отъ цѣпей, отъ старыхъ клятвъ свободна,
Стыжусь своей тоски былой! ....
Отвергнуто слѣпое заблужденье,
Сулимое мечтой я на яву нашла, —
Существенность смѣнила сновидѣнье,
Надежда новая въ душѣ моей взошла!
О! какъ любима я! .... Какъ сердце молодое
Возобновилося и ожило во мнѣ,
Почуя, что его вполнѣ
Вдругъ сердце поняло другое! ....
Какъ тѣсно жребіи и участи свои
Связали клятвою всесильною они!

Пусть это знаетъ онъ, — холодный горделивецъ!
Пусть вѣдаетъ, что даръ любви моей
Съ восторгомъ, съ радостью ждетъ пламенный счастливецъ ....
Что страсть его мнѣ льститъ, что я ввѣряюсь ей,
Что я блаженствую .... за слезы прежнихъ дней! ....

XII.

Il se peut que j'ai le coeur fatigué, l'esprit abusé par des idées fausses, mais j'en meurs, vois-tu! ....

(George Sand, Lettres d'un voyageur.)

30 Августа 18....

Спокойна я!! .... Въ душѣ моей
Утихло прежнее волненье,
И пагубной любви кипѣнье,
И легкомысліе страстей ....
Свободна я! .... Тоска былая
Теперь отъ сердца отлегла,
Мнѣ веселъ свѣтъ, мнѣ жизнь мила,
Мнѣ льститъ вся будущность златая.
Ласкающій, всесильный зовъ
Забавъ и счастья я внимаю,
Я къ нимъ стремлюся! — я желаю
Узнать восторгъ младыхъ годовъ ....
Я горе мрачное забуду,
Я разцвѣту душою вновь,
Съ безпечными безпечна буду,
И истреблю свою любовь! ....

Увы! .... Безумныя мечтанья,
Души больной мгновенный бредъ! ....
Ни въ чемъ, ни въ чемъ очарованья
На поприщѣ земномъ мнѣ нѣтъ!
Напрасно къ бытію, къ стремленью
Я пробудить себя хочу,
Напрасно хладному забвенью
Я сердце страстное учу! —
Въ груди вдругъ вспыхнетъ искра жизни,
Чадъ свѣта голову вскружитъ,
Но совѣсть гласомъ укоризны
Тотчасъ въ душѣ заговоритъ:
И сердце мигомъ встрепенется
Отъ освѣжительнаго сна,
И снова въ немъ любовь очнется,
И вновь меня томитъ она.
Боюсь!! .... Что̀ сбудется со мною? ....
Боюсь взглянуть въ пустую даль ....
Когда-жъ я примирюсь съ судьбою,
Когда-жъ пройдетъ моя печаль? ....
Съ моей душой вольнолюбивой,
Какъ стану въ тѣсномъ мірѣ жить? ....
Я научусь-ли быть счастливой?
Я научусь-ли разлюбить? ....

XIII.

I only know we loved in vain, ...
I only feel: «Farewell! farewell! . . . .»

(Byron, Miscellaneous Poems.)

18 Сентября 18 . . . . въ городѣ.

Въ морскую службу записался вдругъ
Владиміръ Валентовичъ! . . . . И вчера
Отправился ужъ онъ на кораблѣ, —
Объѣхать цѣлый свѣтъ. Причисленъ онъ
Къ коммиссіи ученыхъ; имъ даны
Задачи, порученья, предписанья,
По разнымъ отраслямъ науки; имъ
Открытій много предстоитъ свершить . . . .
И много подвиговъ, трудовъ, бореній,
Опасностей ихъ ждетъ въ пути далекомъ! . . . .
На сколько лѣтъ отправились они? . . . .
Невѣдомо! . . . . Корабль вооруженъ
Какъ для войны, — и даже, статься можетъ,
Не разъ ему случится въ дѣлѣ быть.
Всѣхъ изумилъ, всѣхъ изпугалъ ужасно
Владиміръ предпріятіемъ своимъ.

Отъѣздъ его былъ вовсе неожиданъ,
Страсть къ морю непонятна никому . . . .
Друзья его старались удержать,
Знакомые, — пугали страхомъ смерти:
Встревожились и Столбины! — Алина
Въ отчаяньи, въ слезахъ. Она его
Просила, умоляла, заклинала
Перемѣнить намѣренье свое, —
Остаться здѣсь, — онъ былъ неумолимъ!
Онъ говорилъ, что праздный шумъ столицы,
Бездѣйствія убійственная скука
Въ немъ губятъ мысль, и душу, и здоровье;
Что въ странствіяхъ и дѣятельной жизни
Духовное найдетъ онъ возвожденье . . . .

Лишь Надинька одна качала грустно
Умильною головкою своей, —
И говорила мнѣ, что догадалась, ...
Что жаль ей путника, его тоски, —
Но что онъ самъ лишь виноватъ во всемъ . . . .

Всѣ Зуровы, всѣ Столбины, и сестры,
И я, мы ѣздили въ Кронштадтъ, на рейдъ;
Чтобъ проводить его. — Онъ насъ не ждалъ, —
И не доволенъ былъ; прощаться чинно
Съ людьми, къ которымъ онъ такъ равнодушенъ,
Несносною ему казалось пыткой . . . .
Въ одинъ свободный мигъ, никѣмъ незримый,
Онъ подошелъ ко мнѣ, мою взялъ руку,

Поцѣловалъ её, и крѣпко сжалъ ....
Перекрестилъ меня. При разставаньи
На долго, — можетъ статься, навсегда,
Я не противилась; въ глазахъ моихъ
Онъ видѣть могъ глубокой скорби слёзы ....
Но говорить мнѣ недостало силы,
И оправдать себя я не могла ....
И понялъ-ли меня онъ наконецъ,
Въ разлуки часъ, въ минуту роковую? ....
Открылось-ли ему, что въ этомъ сердцѣ, —
Измученномъ и бѣдномъ сердцѣ Зины,
Любовь къ нему по прежнему горитъ? ....

Ужъ поздно вечеромъ, въ ненастьѣ, въ бурю,
Расправилъ паруса корабль огромный,
И отплылъ медленно подъ грозный гулъ
Торжественно напутствующихъ пушекъ ....
Я видѣла, какъ въ облачной дали
Тонула палуба, ... потомъ и мачты, ...
И парусовъ бѣлѣющія тѣни ....
Я видѣла, какъ волны уносили
Того, ... того, кто былъ, въ душѣ моей,
Владиміромъ моимъ, — моей надеждой,
Моей звѣздой .... того, кто сталъ отнынѣ
Лишь Валентовичемъ, чужимъ, запретнымъ,
Невольнымъ привидѣньемъ для меня ....
Я видѣла, какъ въ мракѣ и дали
Онъ медленно, таинственно терялся ....
Какъ исчезалъ на небосклонѣ онъ,
Такъ точно, какъ исчезнетъ онъ и въ жизни

Невѣсты князя Мирскаго . . . . Потомъ, —
Потомъ и мы въ обратный путь помчались . . . .
И нынче я больна; лежу въ постелѣ;
И грудь моя, и голова горятъ . . . .
Горятъ огнемъ снѣдающимъ; въ глазахъ
Все кружится, темнѣетъ, угасаетъ . . . .
Конечно, я вчера въ ненастный день,
На холодѣ, у моря, простудилась . . . .
. . . .
. . . .

Конецъ дневника Зинаиды.

ГЛАВА XX.

ЭПИЛОГЪ.

Wo ich sei, und wo mich hingewendet
Als mein flücht'ger Schatten dir entschwebt!? . . . .
Hab' ich nicht beschlossen und geendet, —
Hab' ich nicht geliebet und gelebt? . . . .

(Schiller.)

Не узнавай, куда я путь склонила,
. . . .
О другъ! я все земное совершила,
Я на землѣ любила и жила!

(Переводъ В. А. Жуковскаго.)

И что-же сдѣлалось съ моею Зинаидой? . . . .
Чѣмъ дней дѣвическихъ заключено житье? . . . .

Чѣмъ въ свѣтѣ поминать теперь должны ее, —
Блестящей свадьбою, иль грустной панихи-
дой? ....
Когда её встрѣчалъ у церкви звучный клиръ,
Онъ многи лѣта ей пропѣлъ, иль вѣчный
міръ? ....

Забыла ли она ребяческое горе,
И первую любовь, и юныя мечты? ....
Хоромы княжія ей любы, иль пусты?
Что́ ей супружество, — вседневныхъ бурей
море,
Иль полусонный прудъ, гдѣ вѣчно тишь
стоитъ,
И сердце охвативъ, въ плѣну его хранитъ? ....

Но, можетъ-быть, она не въ княжій домъ
попала, —
Въ могилу темную .... но, можетъ-быть,
она,
Любовью и тоской до время сражена,
Безсильна, немощна, увы! не устояла
Въ борьбѣ съ судьбой, съ людьми и съ стра-
стію своей? ....
И гдѣ она теперь? И что же сталось съ
ней? ....

И вы, читавшія разсказъ ея смиренный,
Простую исповѣдь восторженной души, —
Вы вѣрно молоды, вы вѣрно хороши, —
Вы вѣрно женщина? .... И съ думой уми-
ленной
Съ слезой сочувствія слѣдили вы за ней,
Сквозь испытанія ея тревожныхъ дней? ....

Вы озабочены теперь ея судьбою,
Неконченная быль васъ сердитъ и томитъ?
Но пусть, но пусть надъ ней таинственно
лежитъ
Завѣса вѣчная! .... Но передадимъ покою
Разсказа грустнаго непольные листы! —
Вы Зины участью напрасно заняты.

Той Зины больше нѣтъ!! .... Святое вдо-
хновенье
Ужъ въ ней дѣйствительность убила на-
всегда;
Прошла, прошла для ней поэзіи чреда,
Въ ней полное сбылось души преображенье,
И если межъ живыхъ осталася она,
То въ мудрость свѣтскую вполнѣ посвящена!

Той Зины больше нѣтъ! .... Княгинею блестящей,
Въ алмазахъ, бархатѣ и шали дорогой,
Вы въ свѣтѣ встрѣтите ее, и тамъ порой
Своей любезностью среди толпы шумящей,
Весельемъ, ловкостью, она васъ удивитъ,
И въ свой богатый домъ на балъ насъ пригласитъ ....

Быть можетъ, съ ней вчера вы долго толковали
О шляпѣ щегольской, и новыхъ кружевахъ,
И съ ней злословили, и съ гордымъ смѣхомъ въ прахъ
Другую женщину нещадно растоптали,
За то, что пылкою душой увлечена, —
Любить осмѣлилась, безумная, она! ....

Быть можетъ, съ ней вчера вы въ лондонской каретѣ
На графскихъ рысакахъ неслись по островамъ,
И, межъ двухъ новостей, она призналась вамъ
Что женщины, ея счастливѣй нѣтъ на свѣтѣ,
Что толко хочется въ Парижъ разъ съѣздить ей,
Да ленту чтобъ съ звѣздой мужъ получилъ скорѣй ....

Припомните, — она вамъ вѣрно говорила,
Со смѣхомъ пополамъ, про дѣтскую любовь,
Про горе прежнее? .... Ей не знавать ихъ вновь ....
Она-ли страсть свою, иль страсть её убила, —
Той прежней Зины нѣтъ, ... нѣтъ Зины ужъ давно! ....
Княгиня-жъ какъ живетъ, — намъ право всё равно? ....

Напрасно ей дало благое Провидѣнье
Нравъ независимый, живую красоту,
И сердце нѣжное, и свѣтлую мечту, ...
Дѣйствительность убила вдохновенье!! ....
Въ гробу-ли спитъ она, иль украшаетъ свѣтъ, —
Повѣрьте, все равно: — ужъ прежней Зины нѣтъ!! ....

(Село Анна, 1842 г. — Село Вороново 1850 г.)

Печатаніе Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound